

ЯКУТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ А. А. ПОПОВА
ЛИТЕРАТУРНАЯ ОБРАБОТКА Е. М. ТАГЕР
ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ М. А. СЕРГЕЕВА
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
АКАД. А. Н. САМОЙЛОВИЧА

2-497

82
8-49

E

ЮХЛАНЬ ЛДЫ
ПРОВЕРЕН
1990

51 У 685

ЧОЧОН
9054

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1936

Центр.

ЮХЛАНЬ
ПРОВЕРЕН
1981

Azərbaycan Respublikası Prezidentinin
İşlər idarəəsinin
KİTABXANASI

Azerbaijan Republic President's
Office Library

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Предлагаемый вниманию читателей сборник образцов якутского народного творчества является первым томом задуманной инициаторами этого издания серии по фольклору северных народностей СССР.

Своей основной задачей составители сборника поставили дать такое качество перевода, при котором последний, отвечая всем требованиям научного перевода, явился бы одновременно и вполне литературно-художественным. Этой главной задачей был обусловлен и принятый бригадный метод работы, состоявший в общих чертах в следующем.

А. А. Попов, владеющий якутским языком и автор части записей подлинных текстов, знакомил не знающую этого языка Е. М. Тагер с этими текстами путем многократного чтения их вслух. Чтение это сопровождалось возможно более точной разметкой ударных и неударных, долгих и кратких слогов, в результате чего возникала точная ритмическая запись, передававшая своеобразные напевы якутской народной речи. Поповым же был выполнен и точный, максимально приближенный к подлинникам, так называемый подстрочный (дословный) перевод текстов.

Работа Е. М. Тагер состояла в соединении этих двух материалов (ритмической записи и дословного перевода) в один, отвечающий требованиям художественного слова, литературно воспринимаемый текст. В этом тексте, который возник в результате изучения как ритмической, так и словесной фактуры подлинников, необходимо было отразить высокий и торжественный строй якутской народной поэзии, сохранить ее напевы и богатые образы и метафоры, передать на рус-

ском языке инструментовку подлинников и соблости, наконец, характерные синтаксические особенности языка. Разнообразные и сложные трудности этой двойной — научной и художественной — работы были разрешены Е. М. Тагер путем изучения якутской грамматики и ряда консультаций с А. А. Поповым и ныне покойным крупнейшим знатоком якутского языка — академиком Э. К. Пекарским.

Обработанные таким путем образцы переводов поступали на окончательную редактуру к М. А. Сергееву, выполнившему и организацию всего материала.

Настоящее издание является, таким образом, результатом совместной и согласованной в мельчайших своих деталях работы его участников — исследователя-этнографа, литератора-переводчика и редактора-североведа. Кропотливый труд этот, сопровождавшийся неоднократными пересмотрами, проверками и переработками, занял свыше двух лет.

Что касается содержания сборника, то последнее состоит в основном из неопубликованных до сих пор материалов. Они дополнены, как это видно из «Указателя текстов», несколькими произведениями из изданных ранее сборников народного творчества якутов (сборника С. В. Ястребинского «Образцы народного творчества якутов» и «Верхоянского сборника» И. Худякова).

Составители издания выражают благодарность Музею Института антропологии и этнографии Академии Наук ССР за разрешение использовать хранящиеся в Музее экспонаты в качестве материала для заставок и виньеток к настоящему изданию, а равно якуту студенту Г. А. Неустроеву за разнообразную помощь в работе.

ЯКУТСКАЯ СТАРИНАЯ УСТНАЯ ЛИТЕРАТУРА

I. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЯКУТОВ, ИХ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Политический ссылочный дарского времени в бывшую Якутскую область, В. Л. Серошевский, писал в девяностых годах прошлого века, что «литература об Якутской области разрослась в настоящее время до размеров целой библиотеки; можно насчитать более полуторы тысяч номеров книг, брошюр, статей, вышедших отдельными выпусками или разбросанных в периодических научных и популярных изданиях. К сожалению, добрая треть, если не больше, представляет компиляции или повторение одних и тех же первоисточников.¹⁾ Другой политический ссылочный, В. М. Ионов, один из лучших знатоков Якутии, характеризовал в 1914 году обширный (в 719 страниц, с рисунками) труд самого В. Л. Серошевского «Якуты» тоже как, в значительной своей части, компиляцию и подверг резкой критике главы X—XV, посвященные описанию родового строя, семьи, устного художественного творчества и верований,²⁾ заключив свою статью словами (стр. 372): «Из этих качеств труда В. Л. Серошевского непосредственно и с полной очевидностью вытекает, что на его работах нельзя строить, на них нельзя ссылаться».

Признавая вслед за В. М. Ионовым большие недостатки в работе В. Л. Серошевского, особенно в отношении передачи терминов и выражений на якутском языке, я, однако, не считаю возможным полностью ее игнорировать, в частности по-

¹⁾ В. Л. Серошевский, Якуты. Опыт этнографического исследования, т. I, СПБ, 1896, стр. XI. Т. II остался неизданным.

²⁾ В. М. Ионов, Обзор литературы по верованиям якутов. Журнал «Живая старина», 1914, в. 3—4, стр. 317—372.

вопросу об устной художественной литературе якутов, как не игнорировал ее Э. К. Пекарский и другие.

В более позднем, коллективном труде, подводящем итоги изученности страны якутов к 1927 году,¹⁾ в сборнике статей «Якутия» (746 страниц с рисунками и картами), который по ряду вопросов заменяет и дополняет труд В. Л. Серошевского, устное художественное творчество якутов вовсе не затронуто, хотя печатные материалы на эту тему за время после выхода труда В. Л. Серошевского значительно возросли, как увеличилась и вообще историко-этнографическая литература о якутах.²⁾

Первое и особое место по заслугам в деле изучения языка и устного художественного творчества якутов принадлежит третьему политическому ссыльному прошлого века, умершему 29 июня 1934 года, почетному члену Академии Наук СССР, Э. К. Пекарскому.³⁾ Примерами из устной литературы насыщен его капитальный, известный специалистам всего мира и переводимый в настоящее время на турецкий язык «Словарь якутского языка», «едва ли не самый монументальный из лингвистических трудов» по языкам северо-восточной Азии, как писал о нем академик В. В. Бартольд,⁴⁾ «сокровищница языка якутов» — по отзыву академика В. В. Радлова.⁵⁾ «Несколько народов Востока имеют еще такие словари... Якутский словарь навсегда связан с именем Эдуарда Карловича Пекарского, который положил на него почти пятьдесят лет своей жизни, так как с 1881 года он начал работу над словарем», — писал академик С. Ф. Ольденбург.⁶⁾ Строго говоря, капитальный труд Э. К. Пекарского представляет в значи-

¹⁾ Издательство Академии Наук СССР, Ленинград, 1927.

²⁾ См. П. П. Хороших, Якуты. Опыт указателя историко-этнографической литературы о якутской народности. Под редакцией и с предисловием Э. К. Пекарского, Иркутск, 1924, стр. 48. Фольклора касается № 451—518, указатель имеет немало пропусков.

³⁾ См. мою заметку «Памяти Э. К. Пекарского», «Известия Акад. Наук СССР», 1934. Отделение общественных наук, стр. 743.

⁴⁾ История изучения Востока в Европе и России, изд. 2, Ленинград, 1923, стр. 240.

⁵⁾ «Живая Старина», год XVI, в. 4, Ленинград, 1908, стр. 65. Словарь издан Академией Наук СССР и состоит из тридцати выпусксов (1907—1930 гг.), содержащих до двадцати пяти тысяч слов.

⁶⁾ Предисловие к в. 13 Словаря.

тельной степени материалы по якутскому словарю, которые подлежат еще дальнейшей обработке.

Под редакцией Э. К. Пекарского изданы Академией Наук СССР «Образцы народной литературы якутов» на якутском языке, собранные как самим Э. К. Пекарским (т. I в пяти выпусках, 1907—1911 годов), так и И. А. Худяковым (т. II в двух выпусках, 1913 и 1918 годов) и В. Н. Васильевым (т. III в одном выпуске, 1916 год).

Первое крупное собрание образцов словесного творчества якутов в переводе на русский язык политического ссыльного И. А. Худякова «Верхоянский сборник» (сказки, песни, загадки, пословицы) было издано в 1890 году.

Работе славной плеяды политических ссыльных по изучению якутов, их хозяйства, быта, обычного права, языка и литературы, плеяды, к которой, кроме вышеперечисленных деятелей, относятся также Витаневский, Левенталь, Истремский, И. И. Майнов, Осмоловский, Иохельсон, Ефремов и др., предшествовала, как первое по времени крупное научно-исследовательское предприятие в этой области, снаряженная Академией Наук для исследования крайнего севера и востока Сибири экспедиция 1842—1845 годов во главе с профессором Киевского университета, естественником по специальности, впоследствии академиком А. Ф. Миддендорфом,¹⁾ которая, по словам академика В. В. Бартольда,²⁾ относящимся к 1925 году, «до сих пор занимает первое место среди ученых путешествий в Сибирь, совершенных в XIX веке». На основе собранных Миддендорфом материалов по языку и литературе якутов академик Бетлингк, по специальности лингвист-индианист, написал и издал классический труд на немецком языке³⁾ «О языке якутов».

В предисловии к своему труду «Якуты» В. Л. Серошевский писал (стр. XI): «Самую существенную помощь и самые ценные указания я получил в трудах высокоуважаемого покойного А. Ф. Миддендорфа... Все это побудило меня посвятить мой труд незабвенному ученому». Оговариваясь, что «к сожа-

¹⁾ А. Ф. Миддендорф, Путешествие на север и восток Сибири, ч. 2, отд. VI, СПб., 1878.

²⁾ История изучения Востока, стр. 233.

³⁾ Ueber die Sprache der Jakuten, 1851.

лению, научная ценность обширного труда г. Серошевского не соответствует высоким заслугам путешественника, памяти которого труд этот посвящен», Э. К. Пекарский¹⁾ заявляет: «Можно без преувеличения сказать, что именно Миддендорф положил начало основательному изучению быта якутов». О труде же Бетлингка следует сказать, что он не только положил начало научному изучению якутского языка, но и открыл новую для XIX века эру в исследовании системы тюркских языков вообще, подобно тому как следующую эру в этом исследовании в XX веке, после Октябрьской революции, открыл академик Н. Я. Марр своей работой по чувашскому языку и своими дальнейшими тюркологическими исследованиями. Автор нового учения о языке в связи с историей мышления и материальной культуры, академик Марр, не обращался к определению места якутского языка ни в системе тюркских языков, ни в едином процессе языкоизвестия вообще, но он дал в 1922 году заметку²⁾ «Якутские параллели к бытовым религиозным явлениям у кавказских яфетидов» в связи со статьей В. М. Ионова «Дух — хозяин леса у якутов». Институт языка и мышления имени академика Н. Я. Марра при Всесоюзной Академии Наук уделил внимание якутам в новейшем своем издании «Язык и мышление. І» (1933 год), поместив статью якутского ученого Г. Ксенофонтова «Расшифровка двух памятников орхонской письменности из западного Прибайкалья», в которой автор пытается прочесть эти памятники с помощью своего родного якутского языка, о чём речь будет еще дальше.

Выдающаяся работа по изучению якутов в дореволюционное время была проделана так называемой Сибиряковской экспедицией 1894—1896 годов, организованной Восточно-Сибирским Отделом Русского Географического Общества под руководством политического ссыльного, известного Д. А. Клеменца. Большинство материалов этой экспедиции, составлявших по плану издательства тридцать томов, оказались за отсутствием средств не изданными или увидели свет зна-

¹⁾ Миддендорф и его якутские тексты, Записки Вост. Отд. Русск. Археол. Общ., т. XVIII, 1908, стр. 043.

²⁾ Журнал «Христианский Восток», т. VI, в. 8, 1922, стр. 352—353.

чительно позже, отчасти после Октябрьской революции, в изданиях Академии Наук, частью же утрачены.

К числу первых по времени собирателей якутского фольклора надо причислить известного декабриста и писателя А. А. Бестужева (Марлинского), прожившего в Якутске в политической ссылке полтора года (1828—1829). Он напечатал в 1891 году небольшую статью¹⁾ про якутский кумысный праздник — «Сибирские нравы. Исых», обработал в стихах якутскую легенду²⁾ «Саатарь», приступил к изучению якутского языка и сообщил ряд этнографических материалов в письмах к родным и знакомым.³⁾

Октябрьская революция, открывшая перед якутским народом путь к новому, счастливому будущему, внесла решительное изменение и в дело научного изучения Якутии во всех отношениях.

Сравнительно с великими задачами хозяйственного и культурного строительства, ставшими перед трудящимися Якутии после окончания гражданской войны во исполнение требований национальной политики Ленина—Сталина, изученность природных богатств этой страны и особенностей ее населения, несмотря на ряд перечисленных выше научных предприятий, оказалась совершенно недостаточной. По инициативе Совета Народных Комиссаров Якутской АССР Всесоюзная Академия Наук провела в 1925—1931 годах комплексное экспедиционное обследование Якутии, в результате которого появилась в свет делая новая библиотека печатных трудов по ЯАССР, заключающих в себе материалы не только данной экспедиции, но и некоторых предшествующих путешествий. Состоявшей при Академии Наук Комиссией по изучению ЯАССР под председательством сначала академика С. Ф. Ольденбурга, а затем академика В. Л. Комарова, издано более тридцати выпусков «Материалов» и до пятнадцати томов

¹⁾ Полное собрание сочинений Марлинского, изд. А. А. Каспари, в двух томах, т. II, стр. 305—306.

²⁾ Н. Котляревский, Декабристы. Кн. А. Одоевский и А. Бестужев, 1907, стр. 153, 161, 234—235. Кубалов, Декабристы в Якутской области. Сборник трудов профессоров и преподавателей Гос. Иркутского университета, в. 2, 1921, стр. 130—131.

³⁾ М. Семёновский, Александр Бестужев в Якутске, «Русский Вестник», т. V, 1870, стр. 213—264.

«Трудов». Словесному художественному творчеству якутов посвящен т. VII «Трудов» (1929 год) — «Образцы народной литературы якутов» С. В. Ястребского (только в переводе на русский язык) со статьей того же автора «Народное творчество якутов» (стр. 1—10) и с предисловием профессора С. Е. Малова. Нельзя не пожалеть, что С. В. Ястребский не последовал примеру академика Б. Я. Владимирцова, давшего подробную вступительную статью к своему «Монголо-ойратскому героическому эпосу» (1923 год) и что он не осветил в отношении якутского словесного художественного творчества ряда вопросов, затронутых в отношении ойратского эпоса академиком Владимирцовым: с какими классами якутского народа связаны различные виды литературы; имеются ли профессиональные исполнители отдельных видов литературы, если имеются, то как они подготовляются к своей профессии, какова биография хотя бы некоторых из них, каков репертуар отдельных певцов; в какой стадии расцвета или упадка находятся отдельные виды литературы в различных районах Якутии в связи с переменами в общественном строе якутов и как эти перемены отражаются на содержании и форме соответствующих произведений; при каких обстоятельствах, в какой обстановке и каким образом (сказывание, пение, сопровождение аккомпанементом на музыкальных инструментах) исполняются те или иные произведения, и как на них реагируют присутствующие; проявляют или не проявляют исполнители литературных произведений, и в частности профессионалы, известной доли личного творчества и т. д. Проф. Малов в своем предисловии вскользь коснулся лишь небольшой части этих вопросов.

Том IV тех же «Трудов» Якутской Комиссии Академии Наук (1929 год) заключает в себе «Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов», собранные Д. М. Павлиновым, Н. А. Виташевским и А. Г. Левенталем, двумя последними главным образом во время упомянутой выше Сибиряковской экспедиции конца XIX века. В предисловии к этому труду И. И. Майнов дал историю изучения якутского обычного права и привел подробную справку о судьбе Сибиряковской экспедиции. В материалах Н. А. Виташевского имеется указание (стр. 135), что к числу «специалистов»,

пользовавшихся в семье особыми правами, относились кузнецы, писари, шаманы, лекари и сказочники.

При разработке некоторых вопросов обычного права Н. А. Виташевский пользовался данными устной художественной литературы (например, стр. 168, 207).

Как известно, политические ссылочные, сделавшие очень много для изучения якутов, принадлежали преимущественно к группе народников, и это обстоятельство определено отразилось на освещении собранных материалов в смысле известной идеализации якутской «общины» и игнорирования классового характера якутского общества XVII—XIX веков. В работах В. Ф. Троццанского, особенно в его «Набросках о якутах Якутского округа» (1911 год), бросается в глаза необоснованное или неправильно обосновываемое подчеркивание «первобытности» якутов (стр. 19) и даже, можно сказать, известная «европейская» «якутофobia», выражаясь в причислении якутов к «низшей расе» (стр. 86, 98), к «действительным дикарям» (стр. 40), к народам, находящимся «в зоологическом периоде» (стр. 36, 49). С особым удовольствием в связи с этим прочел я в новом труде иркутского профессора Н. Н. Козмина, полученном мною как раз во время составления настоящего предисловия, «К вопросу о турецко-монгольском феодализме» (1934 год) следующие строки: «В отношении сибирских туземцев... в буржуазной этнографической литературе установилось совершенно определенное представление как о живших, да и продолжающих жить, в условиях патриархально-родового строя. Их быт представляется как быт «примитивный», а хозяйство — еще не вышедшим из рамок замкнуто-натурального и насыщенным элементами «первобытного коммунизма»... Почтенные «ученые» мужи считают большинство сибирских туземцев первобытными дикарями... Что всего курьезнее, аналогичные представления популярны и среди части самой туземной интеллигенции... Поэтому, чтобы правильно оценивать историческую перспективу, нужно отбросить мысль, что население Сибири... представляло дикарей... И турки, и монголы, и тунгусы не раз создавали сильные государства и жили... для своего времени достаточно высокой культурной жизнью» (стр. 78—90). Да отповедь Троццанскому и якут-

ский ученый, ранее упоминавшийся Г. В. Ксенофонтов, в своей книге «Хрестес. Шаманизм и христианство» (1929 год), язвительно коснувшись попутно моего собственного практического описания (1916 год) якутского звука «кх» с неосторожным, как я теперь понял, с моей стороны использованием, без всякого злого намерения, стиха Крыловской басни «Ворона и лиса» (стр. 141).

По мере роста успехов хозяйственного и культурного строительства в ЯАССР растут и крепнут научные учреждения и научные кадры в самой Якутии, прежде всего в ее столице — Якутске, ширится участие самих якутов в научном изучении своей страны, развивается местная научная литература на русском и якутском языках по различным дисциплинам и в том числе по литературоведению, включая фольклор.

Отдельные представители якутской национальной интеллигенции, преимущественно из среды полуфеодалов-тойонов, содействовали изучению их языка и литературы и до Октябрьской революции, особенно после 1905 года, когда усилилось национальное движение среди якутов и когда зародилась некоторая печатная литература на якутском языке.

Следующие якуты содействовали Э. К. Пекарскому в составлении его словаря и в собирании образцов устной литературы: Е. Д. Николаев, В. Е. Оросин, сообщивший между прочим заклинание при игре в карты, И. В. Оросин, ведший в 1892 году дневник погоды на якутском языке, И. Е. Оросин, К. Е. Оросин, записывавший сказки, П. Ф. Порядин, автор якутско-русского словаря 1877 года (рукопись), Н. С. и С. В. Слепцовых.

Особого упоминания заслуживает знаток быта, языка и литературы якутов, ныне здравствующая в Москве якутская женщина Мария Николаевна Слепцова-Андронова, которая много содействовала своими знаниями работам своего мужа В. М. Ионова и его друга Э. К. Пекарского и которая после Октябрьской революции участвовала в переводе на якутский язык брошюр по сельскому хозяйству. Якут С. А. Новгородов, ныне покойный,¹⁾ речь о котором еще

¹⁾ См. написанный мною его некролог в журнале «Жизнь национальностей» (1924, кн. 1): «Памяти первого якутского ученого лингвиста».

впереди, получивший высшее образование в Ленинградском университете и в Институте живых восточных языков, за свои студенческие годы напечатал две работы по якутскому фольклору: «Дух — хозяин леса у якутов» (1914 год) и «Призывание Баянай» (1916 год).

В послевоенное время дал ряд интересных печатных работ по истории и религиозному фольклору якутов член Восточно-Сибирского Отдела Географического Общества, упоминавшийся ранее Г. В. Ксенофонтов: «Легенды и рассказы о шаманах» (вышло двумя изданиями в 1928 и 1930 годах), «Хрестес. Шаманизм и христианство» (1926 год) и др.

Ряд материалов по языку и фольклору якутов обнародовал якутский поэт А. Е. Кулаковский, в том числе обширное собрание на якутском языке с переводом на русский «Якутские пословицы и поговорки» в «Сборнике трудов исследовательского общества» «Saqa Keskile», в. 2 (Якутск, 1925 год). Современный якутский поэт и лингвист П. А. Оюнский дал в том же научном якутском органе, основанном в 1925 году, статью: «Якутская сказка, ее сюжет и содержание» (1927 год).

С полным основанием можно сказать, что в настоящее время первое место в изучении языка, литературы и верований якутов принадлежит самим якутам, которые и ранее широко содействовали приезжим исследователям в их изучении истории якутской культуры.

II. ЯКУТСКАЯ УСТНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Якуты не имели к моменту завоевания их страны русскими в XVII веке национальной письменности, но в языке сохраняются: 1) весьма древнее по форме, родное слово для обозначения «начертания, письма, буквы, писания, грамоты, книги» — «сурук», которое еще чувашеведом Золотницким было сопоставлено, чего не заметил Э. К. Пекарский, с чувашским словом в значении «письмо, записка» — «сыры» и которому в других языках тюркской системы соответствуют слова «айзгу», «джазув» и т. д., и 2) еще одно слово «бичик», которое по-якутски значит «узор», «украшение», а по-монгольски («бицик») и в некоторых языках

туркской системы (уйгурском и др.) «ббитиг» — «письмо». У якутов кроме того существуют предания об утрате ими некогда своего письма. Вот отрывок одного такого предания:¹⁾ «Среди бурят Омогой, сын Кааранга, отличался большим умом и тяжелым, упрямым правом. У него было три жены, четверо сыновей, две дочери и много невесток. Враждя и ссорясь со своими сородичами, он стал думать о том, что хорошо было бы найти подходящее место в какой-нибудь отдаленной земле и поселиться там. И вот, посоветовавшись с друзьями-сородичами и домочадцами, он склонил их на свою сторону, и они бежали, не зная даже, куда именно они направляются. Идя таким образом, набрали они на большую реку (Лену), по течению которой пошли дальше. Во время этого путешествия они потеряли свои тогдашние учёные письмена». По другому преданию²⁾ Эллей, появившийся на Лене после Омогоя (или Омогона) и происходивший из бурят,³⁾ сообщил Омогою, что на своей прежней родине он был бы грамотным и обладал бы книгами, но он бросил свои книги в реку, когда бежал из дома. По третьему преданию, изданному Э. К. Пекарским,⁴⁾ Омогон принадлежал к племени киргизов, а Эллей, как указано выше, и его отец Дархан — к племени бурят. Во время бегства на реку Лену Дархан заболел и умер, а его сын Эллей, согласно завещанию отца, «уложил отца в висячий гроб вместе с их письменами» (стр. 6). Якутский писатель Оюнский в своей статье, которую я упоминал в конце главы первой, приводит интересные данные из героических поэм — «олонгхо» о том (стр. 138), что первый легендарный якутский «пovествователь» был грамотным и пользовался для писания орлиным пером, что, по некоторым

1) Э. К. Пекарский, Из преданий о жизни якутов до встречи их с русскими (Записки Русск. Геогр. Общества по отделению этнографии, т. XXXIV, Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина, 1909, стр. 115. Имя Огой, иначе Омогон, ср. с названием бурятского рода (кости) Обогон (Бурятоведение, № 3—4, 1927, стр. 83).

2) М. Овчинников, Из материалов по этнографии якутов. I. Легенды, сказки, предания («Этнографическое Обозрение», 1897, № 3, кн. XXXIV), стр. 148.

3) Э. Пекарский, Предания о том, откуда произошли якуты, Иркутск, 1923, стр. 5.

4) См. выше список 3.

версиям, у него были «каменные скрижали», что вторым грамотным лицом был «Огонь Джурантай» и что, по смутным преданиям, у якутов существовали «берестяные и зеленые ведомости».

В собрании пословиц, изданных Э. К. Пекарским в якутском тексте с польским переводом,¹⁾ имеется интересная пословица с упоминанием слова «сурук» (письмо), очевидно из числа сравнительно новых:

«У русских расписка (сурук), а у якутов — слово».

Г. В. Ксенофонтов в своих докладах на тему «Происхождение якутов» ссыпался на упоминаемые в «олонгхо» восьмигранные каменные столбы с письменами и рассматривал эти упоминания наряду с преданиями об утрате якутами письменности, как свидетельства уйгурского происхождения якутов,²⁾ а в ранее отмеченной нами статье в сборнике «Язык и мышление» остроумно пытается приписать предкам якутов в западном Прибайкальи надписи енисейско-орхонским алфавитом или древними турецкими рунами на двух каменных пряслицах (веретенных катушках).

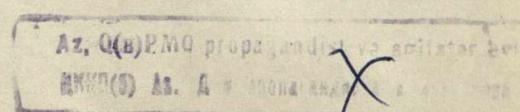
Российские миссионеры, проводники русификации, распространяли среди якутов через переводы на якутский язык религиозных христианских книг сначала церковно-славянский, затем русский алфавит. Политические ссылочные, занимавшиеся изучением якутского языка на основе грамматики и словаря академика Бетлингка, познакомили представителей якутской интеллигенции с алфавитом Бетлингка, в основе которого лежал также русский алфавит, осложненный рядом дополнительных букв. «Бетлингская транскрипция» применялась якутами в национальном письме и в печати при возникновении после 1905 года печатной национальной литературы, которая до Октябрьской революции не получила значительного развития.

После Февральской революции 1917 года питомец Ленинградского университета, якут С. А. Новгородов, убедил якутское учительство принять составленный им якутский алфавит на основе латинского, но с рядом крайне условных знаков, применяемых исключительно в западно-европейской

1) Rocznik Orientalistyczny, II, Львов, 1923, стр. 197, № 68.

2) Бурятоведение, I—III (V—VIII), 1928, стр. 279

ЧОЧЧА

научной транскрипции. Новгородовский алфавит применялся в Якутии и после Октябрьской революции до 1922 года, когда он был заменен более простым и практичным «новым алфавитом» на латинской же основе, распространявшимся Всесоюзным Центральным Комитетом нового алфавита при ЦИКе СССР.

В настоящее время развивается якутская печатная литература, школьно-учебная, научно-популярная, научная, политическая, художественная, вырабатывается и развивается новый якутский литературный язык.

Произведения художественной литературы якутов, утрачивших, по сведениям, свою старую письменность в незапамятные времена и приобретших новую письменность совсем недавно, существовали до завоевания Якутии русскими и долго после этого в устной форме (фольклор), передаваясь из поколения в поколение по памяти и подвергаясь при передаче различным изменениям в зависимости прежде всего от происходивших изменений в состоянии якутского общества и его классов.

Литературные произведения, представленные в настоящем сборнике, будучи записаны на протяжении второй половины XIX и начала XX века русскими и другими европейскими исследователями Якутии или представителями современной якутской интеллигенции, принадлежат якутской литературе периода разложения родового строя, полностью, однако, до недавнего еще времени не исчезнувшего, зачатков раннего феодализма, не получившего дальнейшего развития, и зарождения в условиях российского колониального режима якутской торговой буржуазии, получившей только после революции 1905 года некоторую, весьма слабую возможность создавать новую национальную литературу. Таким образом, перед нами находятся образцы литературы докапиталистического общества, принадлежащей народу, не объединившемуся в феодальное государство, разделенному на роды и родовые группы, но сознававшему свое племенное «урянхайско-якутское» (ураангай-сах) единство при наличии вместе с тем внутри этого единства класса эксплоататоров-тойонов и класса эксплуатируемых.

Отражая в себе пережиточно еще более старые периоды истории якутов и их культуры, литература рассматриваемого

периода, определенно переходного, состоит из ряда отдельов (жанров), на состояния которых более или менее по-разному оказывается этот переходный характер отошедшей выше в историю эпохи.

Столетия хозяйствования в Якутии агентов российской колониальной политики — чиновников, миссионеров и коммерсантов — были временем, когда национальная якутская культура не только не развивалась, но с возрастающей силой угнеталась и падала, и это обстоятельство ускоряло внутренний процесс отживания и разложения отдельных видов якутской литературы феодально-родового периода.

В. Л. Серошевскому якуты в 1891 году рассказывали: «В старину люди любили играть и веселиться. Бысыахы (кумысный праздник) устраивались часто, и народа на них собиралось много. Побывают у именитых людей своего рода и наслега, затем кучей идут в соседний наслег, а там и дальше... Очень бывало весело... Теперь (1891 год) бысыахы вывелись. Кобыл якуты перестали доить, и табунов стало меньше. Все обеднели, стада рассеялись, а люди все больше гоняются за деньгами... Нет больше ни борцов, ни богатырей, ни богатых людей» (стр. 461). В другом месте В. Л. Серошевский отмечает, что якутами совершенно забыты их военные родовые песни, а «в старину богатыри выходили на бой с песнями» (стр. 470—471).

Но и записанные в годы упадка и разложения старой национальной культуры произведения якутской литературы, особенно героические поэмы, производят на современного читателя не-якута сильное, волнующее впечатление своими своеобразными художественными красотами. «Меня, — думаю, что и каждого читателя, — поразил и поразит этот чудный мир якутской фантазии, его особый своеобразный размах» — пишет профессор С. Е. Малов в предисловии к «Образдам» С. В. Ястремского (1929 год). «Здесь, в олонгхо (героические поэмы), мы вступаем в очаровательный мир, полный поэзии, полный могучих красок», «поразительно могуча, страстна, полна поэзии бывает олонгхо» — говорит сам собиратель, С. В. Ястремский (стр. 3 и 6). Приведя несколько отзывов якутов об их героических поэмах, В. Л. Серошевский прибавляет: «Конечно, в этих отзывах много восторженности, но, созна-

юсь, что и во мне не раз своеобразные поэтические образы якутских олонгхо, пропетые вдохновенным голосом, вызывали удивление» (стр. 594).

Вот как отзывался о якутской сказке и о сказочниках в 1925 году современный нам якутский поэт и фольклорист А. Кулаковский: «Сказку слушают с раннего вечера и до предутреннего сна, то есть под ряд тринадцать-четырнадцать часов. (Богачи иногда заставляли рассказывать сказки под ряд по трое суток с короткими перерывами для сна и еды.) Слушают все с затянутым дыханием, сильно увлекаясь и стараясь не проронить ни одного слова. А ведь якуты вообще довольно апатичный народ... Каждый позабыл свои заботы, свое горе и унесся в волшебный, прекрасный мир чарующих грез... А сам сказочник, как истинный поэт, увлекся больше всех, у него даже глаза закрыты, чтобы окончательно отрешиться от «грешной» земли с ее злободневными дрязгами и прозой... В глазах слушателей сказочник совершенно преобразился: он не прежний знакомец Уйбан, а какое-то сверхъестественное прекрасное существо, окруженное таинственным ореолом. ¹⁾

Мне самому, к сожалению, не приходилось еще бывать в Якутии и слушать исполнение старинных литературных произведений на месте из уст якутских сказителей, но,знакомясь впервые с этими произведениями по докладам Э. К. Пекарского в Ленинграде и сравнивая их с аналогичными произведениями тех тюркских народов, среди которых я путешествовал и фольклорную литературу которых я изучал, я выносила впечатление, что героический эпос якутов, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, сохранился в еще более художественно богатом и своеобразном состоянии, чем у киргизов Средней Азии с их пользующейся заслуженной известностью героической поэмой Манаас или у тюрков Алтая с их героическими сказками. ²⁾

1) А. Кулаковский, Якутский язык (Сборник трудов Saqa Keskile, в. 2, 1925) стр. 69.

2) См. Н. Я. Никифоров, Аносский сборник. Собрание сказок алтайцев. С примечаниями Г. Н. Потанина (Записки Зап.-Сиб. Отд. Геогр. Общества, т. XXXVII, Омск, 1913. См. еще «Алтайский эпос. Котугат», «Академия», 1933, с хорошими, но излишне «монголофильтскими» введением и комментариями проф. Н. К. Дмитриева.

Большинство видов (жанров) якутской старинной литературы упоминается в героических поэмах, хорошо воспроизводящих старую якутскую жизнь и составляющих наиболее интересный и ценный в художественном отношении отдел старинной якутской литературы, как яствует из выше-приведенных отзывов.

Современное состояние изученности устной якутской литературы, и в частности эпоса, не дает возможности осветить в настоящем предисловии ряд вопросов, поставленных мною в предыдущей главе в связи со сборником С. Ястремского. Литературоведческие организации Ленинграда, Москвы и Якутска должны принять срочные меры к планомерному и интенсивному собиранию и исследованию остатков якутской литературы докапиталистического периода во всем ее многогранном объеме на всей территории обитания якутов, с соблюдением всех требований, предъявляемых к такому изучению современным литературоведением. ¹⁾

Медлить в этом деле совершенно недопустимо, так как уже и в настоящее время многое из этой старинной устной литературы утрачено безвозвратно, а при быстроте темпов развития новой советской якутской культуры среди широких масс трудающихся Якутии, которым суждено миновать капиталистический путь развития, естественно, скоро забудутся и последние остатки словесно-художественной якутской старины, представляющей один из источников истории якутского общества, а также имеющей при критическом к ней подходе значение и для развития нового советского литературного языка якутов. Само собою разумеется, что наряду со спешным изучением остатков якутской литературы феодально-родового периода необходимо собирать и исследовать памятники современного советского фольклора якутов и руководить развитием этого нового фольклора.

До сих пор в литературе по якутоведению не установлены еще с достаточной точностью и не характеризованы жанры якутской докапиталистической художественной литературы.

1) См. А. И. Лозанова, К ближайшим задачам советской фольклористики («Советская Этнография», 1932, № 2). Проф. А. И. Дреев, Фольклор. Программа-задания для заочного отделения языка и литературы педагогических институтов, 1933.

Относящаяся к этому вопросу якутская терминология (олонгхо и т. д.), подробно представленная в словаре Э. К. Пекарского и в других работах, также является пока сырым, неисследованным надежающим образом материалом. Новейшая попытка классификации некоторых жанров с учетом и якутской терминологии принадлежит Э. К. Пекарскому: ¹⁾ «Якутская сказка». Признаваясь в том, что он, в подражание Худякову, сам объединил в первом томе своих «Образцов якутской народной литературы» под одним названием «олонгхо» три рода якутских произведений, Э. К. Пекарский отмечает (стр. 423), что якуты применяют «к своим сказочным произведениям» четыре термина: 1) «былыр» — «былое», то есть повествования, отчасти легендарные, отчасти исторические, иногда со следами художественной обработки. Худяков называл эти произведения «сагами», которые представлены в его «Верхоянском сборнике» пятью образцами: «Бярть-Хара» (в этом повествовании среди других якутских героев упоминается и Тыгын, организовавший сопротивление русским при их первом появлении в Якутии), «Хоро» (прапорители якутов) и др. Очевидно, эти произведения относятся к категории якутских сказаний, преданий, легенд, и истоки их более поздние, чем олонгхо. 2) «Устуория» — сказки, проникшие к якутам от русских, например о Жар-птице, Иван-да-ре. К этой же категории относятся якутами рассказы о Петре I, легенда об Александре Македонском и др. Серошевский говорит (стр. 603): «Сторья (история), которая в сущности не что иное, как русская обаякученная сказка, бледнее всех остальных по изложению. Она переполнена руссизмами и какая-то вялая в действии». 3) «Кэпсээн», по словам Э. К. Пекарского, «якутская сказка, сильно руссифицированная. Если устуория — русская сказка, попавшая в якутский оборот, то кэпсээн — якутская сказка, подвергшаяся изменению под влиянием русских привнесений» (стр. 424). Я считаю, что такая характеристика «кэпсээн» может относиться далеко не ко всем произведениям этой категории. Во-первых, в категорию «кэпсээн» входят не только сказки, но и, судя по словарю Э. К. Пекарского,

¹⁾ Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. Сборник статей, Ленинград, 1934, стр. 421.

«сказания, анекдоты, предания, легенды, былины», как мне представляется, связанные своим бытением, в отличие от олонгхо, со средою широких трудящихся масс. Серошевский (стр. 604) объявляет «кэпсээн» «настоящей якутской сказкой», а Виташевский ¹⁾ считает «кэпсээн» «рассказом». Во-вторых, не все «кэпсээн» руссифицированы. Так, Серошевский указывает (стр. 604), что «самые остроумные якутские кэпсээн, в которых больше всего заметно отличие их от сторы и олонгхо (былины), это — сказки из животного мира», и вот, в частности, среди последних сказок имеются такие, в которых нельзя обнаружить никаких «русских привнесений». 4) «Олонгхо», на которых Э. К. Пекарский в разбираемой статье подробно не останавливается (стр. 426), не давая и перевода этого якутского термина, имеющего, по словарю Пекарского, значения: «героическая былина, эпическая песня о подвигах богатырей, героическая поэма, имеющая стихотворный размер, сказка, вымыщеный рассказ, история, басня». По-моему, олонгхо — эпические поэмы в прозе со стихотворными вставками — песнями, сочиненные особым эпическим языком на потребу господствующего класса — тойонов. Опыт классификации Э. К. Пекарского базируется в основном на данных Серошевского. Последний в разных местах своей книги «Якуты» то подробно, то вскользь касается следующих видов якутской устной литературы: 1) предания (стр. 190, 209, 252, 450, 463) и легенды (стр. 523); 2) сказки (стр. 252) и 3) былины (стр. 252, 449); 4) песни (стр. 449, 462); песни свадебные (стр. 542), колыбельные (стр. 529), «кумысовые песни» (стр. 463), «родовые военные песни» (стр. 471), мужские и женские любовные песни (стр. 582); 5) причитания по умершим (стр. 515—516); 6) детские скороговорки (стр. 533). В специальной главе «Народное словесное творчество» (стр. 587—613) Серошевский подробнее говорит о песнях мужских и женских, которые распадаются на героические, любовные, описательные, игривые, плясовые, шаманские, торжественные хоровые гимны (стр. 590), и описывает при этом песенные состязания. Аккомпанирования на музыкальном инструменте не существует, так как единствен-

¹⁾ «Живая старина», год XXI (1912), в. 2—3, стр. 451.

ный якутский музыкальный инструмент — «хамыс», соответствующий украинской друмле, для аккомпанимента не годится. Большое сравнительно внимание уделяет Серошевский олонгхо (стр. 592—595, 610—613), упоминая об исполнителях олонгхо — певцах и их обучении (стр. 594). Серошевский приводит образцы загадок (стр. 596—597), упоминает без примеров поговорки, каламбуры, короткие повествования (стр. 596), предания, коротенькие рассказы, анекдоты и более пространные повествования «былыр» (стр. 597—598). Даются в переводе один былыр (стр. 598—602) и одна сказка «Крысий голова, война птиц и четвероногих» (стр. 604—609).

В следующей главе «Верования» Серошевский, описывая культ шаманства (стр. 638—650), шаманские обряды, характеризует шаманские «заклинания» и «песнопения» (стр. 641—644), а в конце главы сообщает о «гимнах» светлым богам старинного якутского пантеона (стр. 672—674). Песнопения шамана сопровождались своеобразной игрой на большом шаманском бубне, который именуется у Серошевского барабаном (стр. 640—641). «Раз и два увидевши настоящих шамнов, — писал Серошевский (стр. 639), — я понял деление их на великих, средних и лживых. Иной из этих кудесников так мастерски располагает свет и темноту, тишину и заклинания, модуляции его голоса так гибки, жесты так своеобразны и выразительны, удары барабана и тон их так соответствуют моменту, и все это перевито такой оригинальной лентой неожиданных слов, остроумных загадок, художественных, часто изящных метафор, что невольно поддается прелести созерцания этого дикого, свободного творчества дикой, свободной души». Заключительные слова этого высказывания характерны для автора — идеалиста-народника, не обращавшего внимания на эксплоататорскую роль служителя религиозного культа в классовом якутском обществе.

Господствующий класс — «тойоны»-полуфеодалы были той средой, которая преимущественно обслуживалась, как указывалось выше, и олонгхосутами — исполнителями эпических поэм. «Я слыхал, — пишет Серошевский (стр. 492), — одну олонгхо, исполненную четырьмя зараз певцами... Этот способ петь былины куда красивее единоличного, но практикуется он все реже... угощенье группы певцов в продолже-

ние даже одного вечера стоит довольно дорого на якутский тощий карман. Угощенье такое всегда бывает самое лучшее, на какое способен хозяин. Кажется, что угощенье это и слава — вот единственная награда якутского певца. Впрочем, я слыхал о певцах наемных, которым платили за песни деньги и подарки». «Олонгхо — самая установившаяся и законченная из форм якутского народного творчества: в ней личному творчеству отведено меньше всего места... Язык олонгхо дышит древностью... Личные особенности богатырей якутского эпоса очерчены бледно, характеры их однообразны, зато природа описана там иногда неподражаемо, а подробности и внешняя отделка всякого события достигают истинно художественной чистоты и изящества... Иные якутские былины представляют целые циклы... К таким принадлежит, например, цикл Хан-Джаргытай, записанный Худяковым» — пишет Серошевский (стр. 611) и продолжает: «Известный верхоянский сказочник Маньчары... хвалился передо мною тем, что он знает такую олонгхо, которую можно рассказывать месяц».

Принадлежа народу, который до завоевания его в XVII веке русскими, как указывалось выше, едва вступал в стадию раннего феодализма, героические поэмы олонгхо якутов, подобно соответствующим произведениям их южных соседей, бурят,¹⁾ с одной стороны, являются несомненно результатом длительного развития словесно-художественного творчества, а с другой — представляют собою ряд напластований на весьма архаическую основу, отличаются своеобразием и по своим сюжетам и в отношении поэтики и сочетают в себе описание подвигов кочевых богатырей-скотоводов, а иногда и звероловов, с описанием действий шаманских божеств, добрых и злых, небесных и подземных, их земных потомков, а также шаманов и шаманок. Значительно в меньшей степени, чем у бурят, на якутских олонгхо сказалось, вероятно, через бурятское посредство, влияние буддизма, что отметил профессор Малов в предисловии к «Образдам» Ястремского (стр. 111):

¹⁾ См. Жамцарано, Заметки о монгольском геронческом эпосе (Произведения народной словесности бурят. Собрал Ц. Ж. Жамцарано, в. 3, 1918), и Владимирацов, Монголо-ойратский геронческий эпос. Предисловие, стр. 13—16.

Аджи-Буджу есть санскритское раджа Бходжа, а демонская птица хардай — птица гаруда буддийских текстов.

Для иллюстрации слов Серошевского об иногда неподражаемых описаниях в олонгхо природы привожу небольшой отрывок из поэмы «Вороным конем владеющий, в оборотничествах искусившийся Кулун Куллустур» из «Сборника» Ястремского (стр. 56):

«Простор поперек неведомый — широкая сияющая страна! Протяжение вдоль неведомое — необъятная вдоль земля!»

С подножья восточных склонов путанными нитями перевита нарядная земля, с западных склонов отчеканены ее красивые луговины, с северных склонов отлиты ее маxровые поля, с южных склонов добыты ее зеленого шелка долины, вытянутым листам жести подобны ее уроцища, тени не видно — светлые озера, пенюю не покрываются молочные озерки, грязью там творог, солончаками — скопы молочные, черные глубины — это масло с квашенным молоком, лесные озерки — сливочное масло, горы — из кишечного жира, утесы — из подбрюшного жира, вровень с головою молодецкого коня растет там хвоць, а зеленая осока — по развивающейся чолку доброго коня; по гладкие виски отменного коня — черная осока, по коленные чашки прекрасного коня — нарядная трава; как жгуты из серебра — там ветлы, как сученое серебро — там ивы; красуются березы, кругом тальник, ерником поросли дороги. Нет зимы, а все тянется лето, такая страна! Ночей нет, а все стоит светлый день, такая земля! Подобное этому, но еще более обширное описание страны находим в поэме «Хан-Джарыгтай» Верхоянского сборника Худякова (стр. 136—137), а другое схожее описание имеется в поэме «Басым-нилан-батыр» того же сборника Худякова (стр. 249—250). Иной, более уточненной, под влиянием буддийской литературы, красотой отличаются описания страны (Хангай-Алтая) в поэмах монголов-ойратов, переведенных академиком Б. Я. Владимирдовым (стр. 55—56, 103—104, 217—232).

Привожу для сравнения отрывок одного из этих описаний (стр. 55): «... Алоэ и кипарисы повырастали вместе, и не было, говорят, имени и числа другим прекрасным деревьям. Степные полынь и ковыль повырастали вместе, и в тучной, прекрасной траве совсем не было, говорят, пустого

промежутка — пространства. Ревут, исца пищи, силой страшной обладающие дикие звери; шумят и поют звонкоголосые птицы; шестидесяти родов жаворонки чирикают и забавляются; семидесяти мастей антилопы идут, пасясь, друг за другом. Вот всерадостная, прекрасная отчизна! Вот как говорят о ней!»

При установлении различий между олонгхо и кэпсээн, попытки чего делались Серошевским и вслед за ним Э. К. Пекарским в упоминавшейся выше статье «Якутская сказка» (стр. 425), необходимо считаться с тем, что олонгхо, соответствующие в известной степени русским былинам, являются достоянием преимущественно господствующего класса тойонов якутского общества периода начатков раннего феодализма и плодом творчества профессионалов-олонгхосут, обслуживающих тойонов, с использованием материалов и дофеодальной формации, а в разнообразном составе кэпсээн имеются, с одной стороны, связанные с дофеодальным периодом сказки мифологического характера, в том числе отмеченные Серошевским «животные сказки», а с другой стороны, среди других произведений, те же олонгхо, но изменившие свою форму (простой язык, отсутствие пения, сокращенный размер) в связи с проникновением их в другую социальную среду — в трудящиеся массы.

Биографий профессионалов-сказителей и сведений об их репертуаре я в литературе не встречал. В книге Г. В. Ксенофонтова «Легенды и рассказы о шаманах» (издание второе, 1930 года) в отделе «Данные о личности сказителей» (стр. 115—120) приводятся весьма краткие сведения о пятидесяти двух якутах, доставлявших материалы автору, причем выделяются сказители: Г. Т. Алексеев, А. Васильев, М. Говоров, И. И. Данилов, И. П. Догоюков (восьмидесяти лет, неграмотный, известный певец-импровизатор, завсегдатай ысыахов, якут Накасского наслега Ниурбинского улуса), В. Козлов (тридцати четырех лет, «в качестве отпрыска когда-то богатой и родовитой фамилии, по семейной традиции, является хранителем народных легенд о прошлом»), Н. У. Павлов (семидесяти шести лет, неграмотный, происходит из знатного рода. В молодости умел сказывать быльны и славился как известный певец. Западно-Кангаласский улус),

В. Ф. Попов (сорока пяти лет, второго Бородонского наслега Хочинского округа. Грамотный, известный в своем районе певец-импровизатор, хороший рассказчик), К. Слепцов (шестидесяти пяти лет, четвертого Мальжегарского наслега Западно-Кангалацкого улуса. Неграмотен. Известен в ближайшем районе как хороший сказитель богатырских былин).

При классовом характере якутского общества в момент завоевания Якутии в XVII веке русскими, значительно позднее записанные якутские пословицы должны также носить на себе отпечаток классовости, но, насколько мне известно, с этой стороны якутские пословицы еще не изучались.

В среде аристократов, знати сложилась, надо думать, пословица Верхоянского сборника (стр. 6) и «Образцов» Ястремского (стр. 181, 193): «Орленок всегда орел; вороненок всегда ворон». ¹⁾ В недрах трудящихся и эксплуатируемых масс должна была сложиться пословица сборника Худякова (стр. 9) и А. Е. Кулаковского (стр. 17, № 83): «С верхового берет плетку, с пешехода — посох», как и пословица в «Образдах» Ястремского (стр. 180, № 147): «Богатый, и варнаком будь, — господин; бедный, и умным будь, — дурак, как говорится», ²⁾ или пословица сборника Кулаковского (стр. 19, № 8): «Богатый не жалеет бедняка, бедняк не жалеет богача».

В предисловии к своему сборнику А. Е. Кулаковский отмечает, что в Колымске, Усть-Янске и Жиганске «язык поэзии забыт» (стр. 7) и что повсюду в Якутии молодежь «пословиц знает ничтожное количество».

Некоторые фольклорные жанры не отражены или слабо отражены в существующих изданиях. Так, не уделялось должного внимания «рабочим песням», возникновение которых относится к эпохе первобытного общества и существование которых в классовом обществе наблюдается, естественно, среди трудящихся (крестьян, пастухов). Из песен Верхоянского сборника к этой категории относится, думаю, песня «Покос», в которой имеются слова:

¹⁾ Эта пословица имеется и в собрании Э. К. Пекарского (*Rocznik Orientalistyczny*, II, стр. 200, № 98).

²⁾ Вариант в сборнике Кулаковского (стр. 20, № 16): «Хозяин юрты, хоть и варнак, а все же владыка (басылык); хозяин шалаша, хоть и разбойник, а все же барин» (тойон).

«Вот я-то, стоючи спутником вместе с восьмизубым деревом (вилиами), стоя — вошедши на самую середину медно-желтого места, стоя, я вот досадую.

Вот я-то, я, человек, вошедши и стоя на блестящем серебряном пупе среднего места (земли), держуки дерево с корнями и ветвями, стоя с ним рядом, мучаюсь...»

Не замечал я в литературе по якутам и якутских скороговорок, о которых упоминает Серошевский (стр. 533). Нет примеров на скороговорки и в словаре Э. К. Пекарского при словах: «чабыргах» — «скороговорка» и «чабыргах-таа» — «говорить скороговоркою».

Г. В. Ксенофонтов в своих «Легендах» (стр. 112) сообщает, что «якуты отличают обыкновенное пение от шаманского». Последнее передается словом «кутурад», что значит — бесноваться. Напев при кутурар значительно отличается от простого пения: поют грубым голосом, порывисто, с беспрестанным мотанием головой, не глядя на людей. В словаре Э. К. Пекарского, кроме глагола «кутур» — «шаманить», приводится еще выражение «тоюк туой» — «импровизировать шаманский напев».

В другом месте тех же «Легенд» (стр. 109) Г. В. Ксенофонтов пишет: «Несомненно, у якутов шаманизм находится в теснейшей связи с развитием народной поэзии и с проявлением дара поэтической импровизации... По древнейшим понятиям якутов, первый признак явления духов, это — обретение человеком дара поэтической импровизации. Среди них есть немало скептиков, которые отвергают и шаманских духов, признавая их просто за «тыл иччитэ», то есть «оживание словесных образов» (собственно, «дух — хозяин речи». А. С.).

Образцов шаманских песнопений издано чрезвычайно мало. Шаманские мистерии совершаются по ночам. Описание их дано Серошевским (*«Якуты»*, стр. 639), а до него, в 1890 году, Н. А. Виташевским, ¹⁾ который писал: «В литературе существует много описаний шаманских действий, но все эти описания крайне поверхностны и обыкновенно проникнуты или грубой иронией, или голым презрением к пред-

¹⁾ Материалы для изучения шаманства у якутов. Записки В.-Сибирского Отд. Русск. Геогр. Общества по этнографии, т. II, в. 2, Иркутск, 1890, стр. 37.

мету. Наше описание, с сохранением по возможности всех подлинных оборотов шаманских заклинаний, с изображением всего обряда в форме драматического действия, является в литературе первым опытом этого рода». Литература о якутском шаманстве приведена, кроме упоминавшегося ранее указателя П. П. Хороших (стр. 24—27, № 340—353), в труде участника настоящего сборника А. А. Попова:¹⁾ «Материалы для библиографии русской литературы по изучению шаманства северо-азиатских народов» (стр. 77—87, № 364—426).

Обращаясь к форме произведений устной якутской литературы, приходится прежде всего отметить, что Серопевский совершил ошибку, когда к стихотворным произведениям отнес только песни, а все остальное (стр. 596—598) — к прозе. В действительности, как уже указывалось выше, стихотворные вставки-песни имеются всегда в олонгхах, а затем стихотворную форму имеют многие загадки, поговорки, пословицы.

Не останавливалась на вопросе о метре якутского стихосложения, ограничусь указанием на то, что в стихах богато применяется аллитерация, выражаяющаяся прежде всего в том, что все слова внутри стиха начинаются с одного и того же звука, а затем в том, что гласные в одном стихе бывают только твердые или только мягкие, и, наконец, в том, что новые стихи начинаются одними и теми же звуками. Вот отрывок из хороводной песни на кумысном празднике по записи Миддендорфа в издании и переводе Э. К. Пекарского.²⁾

Kägä käksyätä,
Ötön üötlä,
Toyon çorguyda,
Kuragači kuyaarda,
Küörägäy kölçüydä...

Кукушка закувовала,
Горлица заворковала,
Орел заклектал,
Кулик закуликал,
Жаворонок стал делать трели...

¹⁾ Издание Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера ЦИК СССР, Ленинград, 1934.

²⁾ Э. К. Пекарский, Миддендорф и его якутские тексты (Записки Вост. Отд. Археол. Общества, т. XVIII, 1908), стр. 049 и 053. Русская транскрипция мною переделана на латинскую.

«Правила якутского стихосложения» А. Е. Куляковского, опубликованные в 1925 году,¹⁾ дают достаточно полное представление о форме якутских стихов, хотя вопрос о метре нуждается в дальнейшем исследовании.

III. О НАСТОЯЩЕМ СБОРНИКЕ

По просьбе составителей настоящего сборника я взял на себя смелость написать к нему предисловие, хотя и не принадлежу к числу знатоков якутского языка и якутской литературы.

Сборник составлен при участии моего бывшего ученика по Географическому факультету Ленинградского Госуниверситета, сотрудника Института антропологии и этнографии Всесоюзной Академии Наук, специалиста по якутам и уроженца Якутии, автора ряда работ по этнографии Сибири, А. А. Попова.

В сборнике представлены все главнейшие отделы старинной якутской литературы, литературы докапиталистического общества: героические поэмы (олонгхы), сказки (кэпсээн), прядания и легенды (былыры), песни (ырыы), шаманские заклинания (алгысы), поговорки и пословицы (ёс хосооно), загадки (таабрыны). В конце сборника, наряду с примечаниями, указателем якутских слов и оборотов речи и указателем собственных имен, дан и указатель источников настоящего сборника со всеми подробностями. Большинство произведений сборника издается впервые по переводам, исполненным А. А. Поповым. Часть произведений и в якутских оригиналах записана тем же А. А. Поповым; часть записана студентом Ленинградского Института Автомобильно-дорожного транспорта, якутом Г. А. Неустроевым; по одному произведению записано студентом Ленинградского Педагогического Института им. Герцена, якутом Н. Романовым, и студентом Ленинградского Института народов Севера при ЦИК СССР, якутом Г. Никитиным.

Составители сборника стремились не только издать главным образом доселе неизвестные образцы якутской литературы

¹⁾ Сборник трудов Исследовательского Общества «Saqa Kes Kile», в. 1, Якутск, 1925, стр. 76.

туры, но и представить их в художественной обработке на русском языке, без искажения их якутского колорита.

В такой же переработке даны в сборнике и некоторые ранее изданные переводы С. В. Ястремского, И. А. Худякова и др. Художественная обработка производилась Е. М. Тагер.

Чтобы подготовить читателей к ознакомлению с двумя героическими поэмами (олонгхо), самыми крупными по объему произведениями сборника, освоение которых затрудняется сложностью их построения, я даю их краткое содержание, в дополнение к «остову-плану», предложеному профессором С. Е. Маловым в предисловии к «Образцам» С. В. Ястремского.

Поэма первая. Эр-Соготох (герой-одиночка) был создан без отца и без матери. После того как он побывал у священного дуба и поговорил со своей старшей сестрой, духом земли — кормилицей, созидающейницей, к нему явились с неба среди грома от Айыны-Тойона три вестника на белых конях и сообщили ему повеление своего господина ехать на запад к родоначальнику девяти кузнеццов, Черному-Кузнеццу-Гибель-Дуодарба, и заказать ему кольчугу, саблю, лук, стрелы и булаву с ядром. Выполнив этот заказ, Черный-Кузнец-Дуодарба потребовал в качестве платы дочь старика демона Арсаан-Дуолана, девицу Ники-Харахсын, и Эр-Соготох поехал далее на запад, в страну мрака, чтобы добыть для Черного-Кузнеда эту девицу. Победив в борьбе сына Арсаан-Дуолана, которого отец освободил для борьбы из оков, Эр-Соготох получил девицу, вернулся на лыжах к Кузнеду, и тот, взяв девицу, отпустил героя с пожеланием ему счастья и с рядом наставлений. Снова явились небесные вестники от Белого-Создателя-Господина — деда героя и от Ясной-Почтенной-Госпожи — бабки героя и передали их повеление ехать на восток за своей суженой, за дочерью Медного-Божьего-Господина по имени Мотылек-Красотка-Белая-Юкэйдэн. Получив у священного дуба напутствие от своей старшей сестры — владычицы земли, герой поехал на восток и по дороге повстречался со спустившимся с облаков демоном по имени Громадный-Верзила, который направлялся к Медному-Божьему-Господину сватом от соперника Эр-Соготоха, Господина Кулута, сына Почтенного-Громадного-Господина. Устроили состяза-

ние в стрельбе из луков. Эр-Соготох победил, прибыл к отцу суженой, узнал, что у него имеется второй соперник, владыка моря, Нюргун Могучий, отправился на север, чтобы его уничтожить, а Кулут, его первый соперник, ранее его направился туда же и с той же целью, но, узнав о поездке Эр-Соготоха, отлетел на небо, так как считал этого соперника непобедимым.

Близ северного моря Эр-Соготох убил караульную птицу, племянницу Нюргуна, в гнезде на Гибель-Осине обернулся в Гибель-Ерша, переплыл море до бугра, где жил Нюргун, а оттуда перелетел соколом на восточный край моря, вступил в борьбу на «пальмах» — боевых ножах с одногонгом и одноглазым демоном, который оказался Нюргуном, победил его с помощью небесных вестников, но старуха-мать Нюргуна воскресила своего сына и баюкала его в колыбели. Эр-Соготох вторично убил Нюргуна, на этот раз вместе с его матерью, но не сразу вернулся с суженой, а предварительно, по указанию Гибель-Черного-Ворона, спас дочь Харахаан-Господина, по имени Хаачылаан-Кую, от сына демона Длинногоного, за владениями Юедюеня, хозяина Червивого Моря, с помощью Юедюеня, превратил последнего из старика в молодого и женил его на спасенной красавице. Наконец, Эр-Соготох направился на юг и женился сам на своей суженой Белой-Юкэйдэн. По дороге из родительского дома на запад в землю мужа красавица рассказала Эр-Соготоху виденный ею зловещий сон; муж не обратил внимания на сон и в результате чар таинственной женщины лишился своей красавицы, которую похитил демон-владелец Ледовитого моря Джессин-Богатырь. Будучи беременной от Эр-Соготоха, жена его отказалась отиться демону-похитителю под предлогом беременности.

Спустившиеся с неба три шаманки вывели Эр-Соготоха из зачарованного состояния, и он отправился на серых лыжах искать свою похищенную жену, а той порой красавица родила прекрасного сына, которому дала по указанию трех небесных шаманок имя Басымджи-Богатырь. Демон-похититель хотел его съесть, но красавица сумела отговорить его от этого. Еще дважды спасался ребенок от покушений демона, превращаясь то в лисицу, то в Ексекю-Птицу. Возмущавший Басымджи вступил в единоборство с демоном. В этот

момент прибыл Эр-Соготох, увез жену, а Басымджи стал одолевать демона, который, чтобы спасти свою жизнь, согласился пойти к Басымджи в работники, превратился в однорогого быка, и Басымджи поехал на нем верхом на юг к своему отцу, а приехав, убил демона-быка. Девять дней пировали.

Три небесных вестника на белых конях явились к Басымджи-Богатырю, доставили ему молодого коня Джабын-Тугуй, рожденного от небесного жеребца Хан-Джэргэстэя, и передали повеление ехать на восток за суженою по имени Ясная Туналынгса, дочерью Джагалыяма-Богатого-Господина. Молодой богатырь, доселе нагой, оделся в шкуру убитого им отцовского быка Тойон-Той болуну, захватил лук и наруч своего отца, сел на коня, простился с родителями и устремился на восток по материку, по долине, потом по тундре прибыл к золотой юрте Красивого-Богатого-Господина. Устроив костер из священного дуба, Басымджи стал жарить на нем лучших жеребца, кобылу, быка и корову хозяина усадьбы. Домочадцы хозяина отказались из страха вступить в переговоры с гостем, сам хозяин-старик не мог выйти к нему из-за своей тучности, пошла к нему старуха-служанка, обратившись в жертвенную корову, узнала его имя, его происхождение и цель его приезда.

Красивый-Богатый-Господин не возражал против брака, но появился соперник, потомок Гибель-Боя шамана и Гибель-Зла шаманки, сын Арсаан-Дуулана и Глыбы-Громады-Госпожи, по имени Мерзлый-Торольджун-богатырь. Месяц длилось единоборство. Басымджи победил, получил красавицу Солице-Ясное и вернулся к родителям. Девять дней пировали, а затем «богато и широко жили».

Поэма вторая. «Шаманки Уолумар и Айгыр» (запись Э. К. Пекарского, 1886 года). Жили в теплых краях в полном довольствии, проводя время в играх, в прогулках, на конях по имени Щебечущие-Подорожники, две сестры шаманки Уолумар и Айгыр. Однажды младшая увидела кошмарный сон, рассказала его старшей сестре, та пошаманила, а потом обе они про сон забыли. Раз подъехали они к священному дубу, и тут сон сбылся. С неба пала железная кобыла, родила зеленое место и исчезла. Старшая разрезала место, появился демон

и увез Уолумар. Айгыр же осталась дома, стала шаманиТЬ — камлать об ушедших, а затем отправилась им вслед сначала лесами, потом сенокосами, наконец, тундрой, вступила в борьбу с демоном и спасла сестру. Снова появился демон и увел Уолумар, а Айгыр превратилась в стерха и полетела за ними, но, увидав, что оба спустились в подземный мир вместе с конем Подорожником, вернулась домой. Уолумар спаслась на своем коне, улетела из-под земли, оставив демона с его женой, Бабой-Ягой, попала на двор к богачу Баай-Хараахан-Тойону, застала в его доме больного его сына, красавца Кюн-Эрилика, исцелила его своим камланьем, предварительно получив от отца его обещание женить на ней Кюн-Эрилика, в то время как присутствовавший шаман Кыкыллаан оказался бессильным исцелить Кюн-Эрилика, да и сам стал умирать. Уолумар согласилась исцелить и Кыкыллаан-шамана, если он отдаст ей своего сына, лучшего человека Бэрэт-Бэрэгэна. Кыкыллаан исцелился, а сын его Бэрэт-Бэрэгэн и Кюн-Эрилик таинственно исчезли, шаманка Уолумар вернулась домой к сестре Айгыр. Погадали на гадальных ложках, и ложки «на счастливую сторону пали». Уолумар поворожила, и появилось два красавца. Кюн-Эрилик стал мужем старшей шаманки, а Бэрэт-Бэрэгэн — младшей. Красавцы стали собственниками-владельцами земель и скота, а шаманки — по дому хозяевами. Родились у шаманок по сыну. Богиня родов нарекла сыну Кюн-Эрилика имя Кюлюктэй-Бэрэгэн, а сыну Бэрэт-Бэрэгэна — имя Бэрбээкэй-Бэрэгэн.

Снова увидела Айгыр зловещий сон, Уолумар пошаманила, предупредила отцов об опасности и не выпускала из дома сыновей. Прибежали мужчины к священному дубу, и вешний сон сбылся. С облака к дубу пала железная кобыла, породила зеленое место, оборотилась в восемь железных верблюжат и в восемь концов неба разлетелась, а зеленое место лопнуло, и появился страшный сидящий человек, который оказался Суодалба, посланным с неба для ухода за детьми в качестве дядьки. Когда дети подросли, они заявили родителям, что отправляются на восток к Джагалын-Баай-Тойону и Томороон-Баай-Тойону. К последнему прибыл свататься за дочку его Буура-Дохсун, сын Грозного Грома, а с востока прибыл еще Мученый-Казненный Эр-Соготох, говорили они.

Поехали на конях Подорожниках, а Суодалба следовал за ними пешком и ухаживал. Достигли жилища Джагалын-Баай-Тойона и его жены Джагалымыма-Баай-Хотун, и Бэрбээкэй-Бэртэн женился на их дочери (Нарын-Нюргустай) Айтальн-Кую без всякой борьбы. Молодые богатыри поехали дальше на восток доставать в жены Кюлюктэй-Бэргэну дочь Томороон-Баай-Тойона по имени Туярыма-Кую. Произошло состязание скорходов: со стороны Кюлюктэй-Бэргэна бежал Суодалба, со стороны его соперника Буура-Дохсuna — Джэргэльгэн, из коих победил первый. Состязались в борьбе: со стороны Кюлюктэй-Бэргэна — Суодалба, со стороны соперника — Сююё-Ботур, и снова победил Суодалба. Суодалба в вечерней суматохе увез дочь хозяина, молодые богатыри вслед за ним выехали, а Буура-Дохсун послал свою девицу Кыбый-Эрэмэх, чтобы передала Суодалбе его требование оставить Туярыма-Кую, но Суодалба изнасиловал вестницу, а девицу Туярым-Кую повез дальше и по дороге отбил нападение сватов Буура-Дохсuna по имени Кытыгырас-Бараанча и Хаарджыт-Сокол, да и самого Буура-Дохсuna. Прибыли два богатыря и их дядька с красавицей к Джагалын-Баай-Тойону. Девять дней тянулся свадебный пир Бэрбээкэй-Бэргэна и Айтальн-Кую. Джагалын-Баай-Тойон отправил к Томороон-Баай-Тойону своего конюха Этири-Май с предложением разрешить свадьбу Кюлюктэй-Бэргэна и Туярымы-Кую, и тот привез согласие. Суодалба поехал вперед известить родителей своих питомцев о происшедшем, а затем прибыли и богатыри с женами и приданым. Начался великий пир. Суодалба в награду за свою службу попросил у Уолумар-шаманки себе в жены ее тайную дочь и, не получив ответа, скрылся в лес. Когда Кюн-Эрилик и Бэрэт-Бэргэн его нашли, он их прогнал.

Конец этой второй поэмы, повидимому, сообщен собирателю в сокращенном и испорченном виде.

Из этих двух героических поэм особенно популярной и распространенной среди якутов является первая — «Эр-Соготох», судя по тому, что она имеется в ряде собраний во многих вариантах, как это отмечено профессором С. Е. Маловым в предисловии к «Образцам» Ястремского (стр. II—III). Сокращенный пересказ этой поэмы в форме сказки, как полагает профессор С. Е. Малов, или, по-моему, вернее — в виде

предания в издании В. Л. Приклонского,¹⁾ изображает Эр-Соготох как первого якута, «с седьмого неба сотворенного» (стр. 174), от которого «произошли теперешние якуты» (стр. 176). Нельзя не сопоставить этого варианта поэмы «Эр-Соготох» со «Сказанием о происхождении якутов», записанным в 1907 году П. Н. Малыгиным и изданным в его переводе Э. К. Пекарским.²⁾

В этом сказании один из легендарных предков якутов, бурят Эллей, о котором мы уже упоминали во второй главе, имеется «Эр-Соготох-Эллей» (стр. 5), как он именуется и в «Сказаниях о древних богатырях и битвах» настоящего сборника.

Из семи сказок настоящего сборника шесть издаются, насколько мне известно, впервые, и только седьмая — «Чирок и Беркут», принадлежащая к отделу «Животных сказок», была раньше издана в русском переводе Худяковым (стр. 69). Серошевский отметил (стр. 604), что «Худяков и Борисов записали в Верхоянском улусе три разных варианта кэпсээн, описывающих под видом перелетных птиц разведение и заселение новых мест якутами. В Намском улусе мне рассказали такую же кэпсээн, но я не записал ее, потому что она была почти слово в слово такая же, как записанная Худяковым под названием „Чирок и Беркут“». Серошевский приводит далее русский перевод другой «Животной сказки»: «Крысий голова, война птиц и четвероногих» (стр. 604—609). В сборнике Худякова есть еще «Животная сказка»: «Летающие крылатые» (стр. 73—74).

Из остальных шести обращает на себя особое внимание небольшая детская сказка «Лучшее из лучших», в которой старуха путем беседы с солнцем, тучей, ветром, горой, мышью, собакой, человеком, злым духом, шаманом, огнем, водой и землею показывает, что «лучшее из лучших» является земля.

Третья сказка «Маленький богатырь в сером зипуне» относится к числу богатырских, четвертая — «Обманщик-просмешник» — к числу юмористических, как и пятая «Шалун-баловень». Две остальные: «Предсказатель судьбы» и «Омолов» следует причислить к «чудесным сказкам».

¹⁾ «Живая старина», II, 1890, стр. 174—176. Еще три варианта там же, III, 1891, стр. 163—174.

²⁾ Предания о том, откуда произошли якуты, Иркутск, 1925.

Предание «Сказание о древних богатырях и битвах» является одним из интересных вариантов преданий, издававшихся ранее и отчасти упоминавшихся мною во второй главе (в связи с вопросом о древнем якутском письме) и в третьей главе (в связи с поэмой «Эр-Соготох»).

Если сказки, предания и легенды могут увлечь читателя своим оригинальным содержанием, то следующие за ними песни и далее шаманские заклинания привлекательны, как олончхо, помимо своего содержания, также и своей художественною формою, поскольку она передана в переводе.

Просмотренные мною прежние издания переводов якутских песен не содержат в себе ни одной, которая могла бы и по своей форме, и по своему объему, и по значимости своего содержания быть сравнена с песнью настоящего сборника «О временах года», записанной А. А. Поповым после Октябрьской революции, в 1919 году, в Вилойском округе. Отличаясь выдающимися художественными достоинствами, песня эта не только не имеет ничего общего с «примитивной» культурой, которую приписывали якутам Троцянский и другие, но, сохранив в своих образах поэтическую традицию старинных произведений тойонской среды и будучи сочинена неграмотным импровизатором, отражает, по-моему, настроения новой якутской мелкой буржуазии, продолжавшей играть активную роль в Якутии и после Октябрьской революции.

Отличаются довольно заметно от старых лирических песен «О реке» и «О любви», заимствованных из прежних изданий, записанные в недавние годы песни: «Как дни и годы меняются», принадлежащая, повидимому, тойонской среде, и «Почему посещать перстали», повидимому, из крестьянской среды.

К числу бытовых обрядовых песен относится «Благословение невесты». Возможно, что к обрядовым календарным песням принадлежит песня «Орел», поскольку якуты относились к орлу с «религиозным уважением», по словам В. М. Ионова, и поскольку «с прилетом орла кончается старый год — зимний, и начинается новый — летний». ¹⁾

1) В. М. Ионов, Орёл по воззрениям якутов (Сборник Музея антропологии и этнографии Академии Наук, XVI, 1913), стр. 1 и 5.

Совершенно исключительную ценность и чрезвычайный интерес представляют переводы сложных и трудных шаманских заклинаний при «оживлении» бубна, то есть при обращении его якобы в ездовое животное для мнимого путешествия шамана-оюна по небесам, и заклинаний при изгнании шаманом болезни. Данные заклинания издаются впервые, да и вообще переводы шаманских заклинаний издавались ранее в весьма ограниченных размерах, так как, по авторитетному утверждению Г. В. Ксенофонтова, ¹⁾ «перевод на русский язык шаманских стихотворных импровизаций представляется делом не легким».

Если не все пословицы и поговорки, вошедшие в сборник, могут быть признаны достаточно характерными по своему содержанию, то все же подбор их довольно разнообразен. Пословица вторая подчеркивает высокое общественное положение певца наряду с шаманом и кузнецом, причем следует иметь в виду, что кузнецы почитались у якутов наравне с шаманами, как отмечено и Г. В. Ксенофонтовым в его «Легендах» (стр. 110). Среди пословиц о богачах-эксплоататорах одной из самых сильных надо признать 21-ю: «Этот демон только тем человек, что еду поглощает». Заслуживает далее внимания пословица 22-я, относящаяся ко временам грабительских набегов русских казаков. Рядом с нею следует упомянуть пословицу 24-ю о кумовстве русских чиновников и пословицу 106-ю о поборах, производившихся теми же чиновниками. Старые национальные отношения в Якутии с якутской точки зрения отражены в пословице 53-й: «Разве я тунгус кочующий или русский проплывший, что ты мне не верил», и в пословице 81-й: «Русский и при смерти за долгом руку протянет».

Из четырех пословиц про женщину три отражают старое отношение к женщине свысока якута-мужчины, а четвертая (№ 37), происходящая, может быть, из женской среды, справедливо характеризует трудящуюся женщину-якутку.

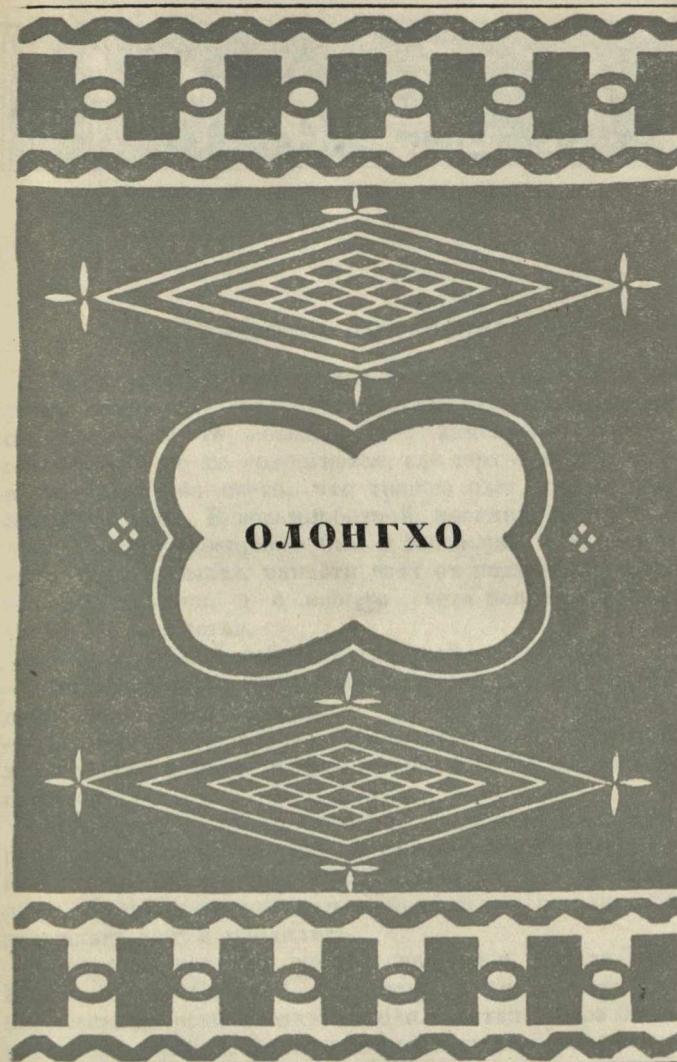
Загадки, в отличие от пословиц и поговорок, привлекают к себе внимание читателя не только своими значениями

1) Легенды и рассказы о шаманах, изд. 2, Москва, 1930, стр. 9.

ями-отгадками, но и художественными образами, восходящими иногда к древней якутской мифологии, как, например, в загадке про гром: «Ржет жеребец вселенной, ревет бык важной страны». Издаваемые загадки принадлежат различным историческим эпохам. К числу более поздних загадок относятся такие, как «три солдата носят одну фуражку» (таган).

Я уверен в том, что настоящее издание, посвященное фольклору одного из народов советского Севера — якутов, привлечет к себе сочувственное внимание широких читательских кругов нашей страны, в которой за последние годы наблюдается и поощряется живой интерес к устному художественному творчеству, старому и современному, всех народов великого отечества трудящихся, строящих новую жизнь, новую культуру.

A. H. Самойлович

ЭР-СОГОТОХ (ОДИНОКИЙ)

На благословенном нашем свете, что лежачими горами окаймлен — не то сдвинется; стоячими горами скреплен — не то всколышется; каменными горами обставлен — не то содрогнется; где верх — земля, вода в середине — на свете, что травою одет, создан был некий человек. В восьмиободной, восьмикрайной вотчине создан; своюправен был и запальчив. С вышнего неба беду вызывал, напасти звал от подземного злых абаасы племени, а с нашего света непредвиденные накликал несчастья.

Был красивый собою и храбрый.

Ни почтенного господина-батюшки, ни почтеної госпожи-матушки не знаяв.

— Если б я с неба упал, инеем был бы одет; если б из подземного мира вышел, землей был бы покрыт, — говорил.

Имя ему было Эр-Соготох (Одинокий). Конный скот его бродил вольно, и рогатый скот разбрелся без вести. Много крылатых клали рядами цветные яйца. Суету, сутолоку подымало зверье, — наплыли себе надежный уют и плодились.

Посреди урочищ росло священное дерево-дуб. Корни его до Ситхи¹ тянулись, сучья до моря добирались, до реки Таатты доходили ветви. Кора была черненого серебра, иглы золотые, шишки серебряные, громадные, подобные заздравным кубкам зажиточного

человека, листья широкие — серебряные, береста се-ребряная; желтою влагой сочилось, каплями с яйдо гоголя; трепетало, роняя влагу каплями с яйдо кряквы.

Однажды утром пришел сюда тот человек и так говорил:

— Ну, вот! Старшая сестра моя. Дух земли, кормилица, создательница. Вы, девять молодых красавцев-парней, травы украшающих. Вы, восемь заклинающих девушек, землю нарядами убирающие.² От кого по крови я, чьей утробы? Каким духом создан? Не от рока ли веления на мне? Что на молочном озере живет, с подножьем из беломолочного камня, Юрюнг-Айыы-Тойон — не от него ли происхожу?

У которого пятятся люди, а скот спотыкается, который слывет гордедом, Важный-Громадный-Владыка,³ — из его поколенья самые вспыльчивые, самые горячие, самые злобные, самые драчливые не придут же с вызовом, в бой не вступят.

Та, что на семи подпорах неколебима широкая преисподняя, где торные царь-проходы, знаменитые царь-дороги,⁴ опасные крутизы, где волнами ходят знатные люди и ледяною дугою — знатные женщины,⁵ где зияют густым огневым туманом реющие долины, где обомлели восемь колен-родов и над ними родона-чальник стал Арсаан-Дуолан-старик,⁶ со стоймия завязшими в тине парнями, с лежащими расслабленными девушками, с ширококостными знаменитыми жеребцами и черными упрямymi быками, — та преисподняя, тот восточный край, где очаг убийств и темных дел, не несут же несчастья.

Северной стороны вороватых и визгливых улусов сыны, оборотни, искушенные в схватке, в единоборстве, — не бьют меня по темени, не обуздывают меня, не ломают рук, не ломают ног, высокое имя мое не снижают, не грязнят белое лицо, самого меня, богатыря, не убивают.

Южной стороны несчастного холма владелец, одногий Судал-богатырь, проведавши, изведет ли шатуном-болезнью моих белых быстрых коней, разбежав-

шихся до белого леса. Или сухоткою сведет моих черных крутогорых быков, что бродят по черному лесу. Изведет ли?

На счастливом, благополучном бугре буроватой глины есть, говорят, юрта, в тридцать комнат, с сорока стеклянными окнами. Подпирают восемьдесят лиственничных подпор — не пошатнулась бы. Девяносто лиственниц плахи скрепляют — не содрогнулась бы.

В этой юрте родился он, говорят.

Чтобы ходить — медный пол. Тройная крыша серебряная, с севера и с юга тройные стены — стужа не прохватила бы.

Жаркий, важный очаг; словно озеро, белым-белый шесток; с седоватою бородою важный, почтенный, святой огонь.

Так плотно захлопывается дверь, что семьдесят человек не распахнут. Так широки сени, что задыхающейся лошади рысью вдоль них не пробежать, и входная дверь такая, что восемьдесят человек, расставив ноги, не могут открыть.

С обильного вихрями белого неба града не задержит — гладкий и чистый двор. Посреди двора — с девятью резными укращениями, главная коновязь.

В юрте, словно поле, стол-лабаз, на нем, словно озера, — ярагоденного серебра тарелки, а на тарелках — восьми отгулявшихся кобылиц отборного сала наложено и доброго жиру, и все это само собою сварилось.

Он вверх режет и жует, он вниз режет и глотает. Крепким кумысом горло поправляет, свежим кумысом глотку прочищает. Вот еда.

Глянул на красный угол — домочадцев нет. Глянул на левую сторону — работников нет. На правую сторону глянул — служителей нет.

Расходился нрав, кровь кинулась в голову; волосы на висках, как горящая сера, с треском вспыхнули; стянуло брюшные жилы, сухожилья спины вытянулись. Золотой пол пробив, выбежал на гладкий, что-

обильного вихрями белого неба града не задержит, — на чистый двор свой.

Схватил с крюка серые лыжи, надел, побежал в восьмибодную красивую, разуbraneную усадьбу.

От бега его, вздымаясь, ходило море, гулкое широкое небо белками обоих глаз выглянуло, а преисподня языком по грудь выпятила. Вьюга поднялась. Град выпал градинами с трехтравую корову. Прибежал.

Гром вверху загрохотал, крупный дождь хлынул. С четырех краев неба волокнистые, будто с головами, с ногами, белые облака понеслись. Небо распахнулось, и прибыли на трех молочно-белых конях три парня с серебряными пальмами — слуги Айыны-Тойона.

— Ну, вот! В смуты старых годов вскормленный Эр-Соготох, внимай! Обоими чуткими ушами слушай. Что ясное солнце, глазами твоими гляди. Как озеро глубоким теменем вникай.

«Мы прибыли, доверенные вестники, нарочные послы. На молочном озере живущий, с подножьем молочного камня, — белый дождь — питье его, Юрюнг-Айыны-Тойон, Белый-Великий-Господин, дед твой, послал. Солнце — глаз, кумысный мех — грудь. Яспая-Чтимая-Госпожа, бабка твоя, послала.

«На западе, как загривок медведя, поросший шерстью, — такой травой и деревьями поросшая, черная-черная страна, — по ту сторону ее поезжай. Доедешь до перехвата семи дорог, будет тебе толстый черный старик, с молодыми конями и коровами, с вешиими девушкиами, с ведунами-парнями. Туда левым краем войди.

«За девяносто дневных переходов слышен стук наковални его горна — вот какая страна. В буроватом бугре приютившийся, где девяносто отверстий, с шумными, громадными — будто белые кобылицы — мехами, с наковалней из плотного преисподнего камня, с молотом — как волна морская; тот, у кого девяносто, как уголь, черных парней угольщиками, у кого

семьдесят рослых черных парней слесарями,⁷ — он, девяти кузнецам родоначальник, Гибель-Дуодарба-Черный-Кузнец: к нему войди.

«В семь рядов плотного железа полы вели сковать. В восемь рядов листового железа клинья вели склеивать. В девять слоев каленого железа стан вели сварить. Чугунным черным камнем вели оторочить. Цветного камня пуговицы вели положить. Бить будут, чтоб не пробилась, колоть будут, чтоб не сломалась, рубить будут, чтоб не изрубрилась, — такую кольчугу вели изготовить.

«Адского зверя костью вели натереть. В моче семи девушек небесной высги вели закалить. В запекшейся крови трехголовой Ексекю-Птицы вели отпустить. Чтоб с того берега леса зубы в губах красивого парня в ней отражались, а с южного склона леса девичьи глаза с бровями, радостно дрожа, переливали, — такую саблю вели изготовить.

«Из Кимен-Имен страны крепким деревом вели скрепить. Из Томон-Имен⁸ страны берестою вели покрыть. Из нижнего мира пестрой Гибель-Рыбы⁹ пузырем склеить вели. Желчую Ексекю-Птицы окрасить вели. Тетиву поставить из прямой кишке крупного лося. Как извив длинной долины, роговой грохочущий лук согнуть.

«Меткие пернатые горючие черные стрелы, как опушка шубы небогатой, вели заострить. В девяносто пудов булаву вели сковать. В пятьдесят пудов гладкого черного камня ядро вели обтесать.

Тогда Эр-Соготох заказывать доспехи отправился.

Ехал по черной-черной стране, такими деревьями и травами поросшей, как шерсть на загривке медведя. Показался, верно, приютившийся в буроватом бугре, в девяноста местах отверстом, девяти кузнецам родоначальник, Гибель-Дуодарба-Черный-Кузнец; сидит среди костра.

— Ну, вот! Девяти кузнецам родоначальник, Гибель-Дуодарба-Черный-Кузнец. Господин дедушка мой, здравствуй!

«Своими чуткими ушами разбирай. Что солнце, ясными, зоркими глазами гляди. Словно озеро, глубоким, проницательным теменем внимай.

«В семь рядов плотного железа полы мне скуй. В восемь рядов листового железа клинья поставь. В девять рядов закаленного железа стан укрепи. Чугунным черным камнем оторочь. Цветного камня пуговицы положи. Рубят — не щепнилась бы, секут — не щербилась бы, бьют — не пробивалась бы, такую железную кольчугу мне изготоуь.

«Алского черного зверя рогом натри. Семи дев небесной выси мочою закали. Ексекю-Птицы запекшиеся кровью отпусти. Чтобы с того берега леса зубы в губах красивого парня ослепительно в ней отражались, а девичьи глаза с бровями с южного склона леса в ней радостной дрожью играли, — такую саблю мне изготоуь.

«С Кимен-Имен страны крепким деревом скрепленный, с Томон-Имен страны берестою отделанный, склеенный kleem из пузыря пестрой Гибель-Рыбы, раскрашенный кровью Льва-Зверя¹⁰ и желчью Ексекю-Птицы, с тетивою из прямой кишкы крупного лося, как излучина долины, роговой гулкий лук изготоуь.

«Меткие пернатые, горючие черные стрелы; девяностопудовое из гладкого черного камня ядро изготоуь. Плату тебе вдоволь дам. Шершавые тиски разглажу. Наковальню обветшалую обновлю.

Девяти кузнецам родонаучальник, Гибель-Дуодарба-Кузнец изготоуил такие доспехи. Эр-Соготох надел.

Девяти кузнецам родонаучальник, Гибель-Дуодарба-Черный-Кузнец плату свою просит:

— Вот! Вот! Вот! На лето четыре махровые жерди установить, а на зиму восемь важных, толстых столбов воздвигнуть; на большом шестке седую бороду — святой огонь зажечь, уютный дом построить, запоздалых детей родить, поздний скот водить возжелал я, славу ее слыша; и таяло сердце, внимая молве о ней.

«Она — дочь Арсаан-Дуолапа-старика, кто родонаучальник восьми обомлевших колен-родов, у кого торные дарь-проходы и знаменитые древние дарь-дороги, где опасные крутизны и вьюгою обвитые холмы, где заики-кукушки и косноязычные вороны, где волшами ходят знатные люди, где реют огнем открытые долины.

«Она — девяти сынов его последыш и родилась позже восьми дочерей его. Она — зрачок его глаз, — глянь на нее, белизна зубов его, — попробуй вырвать; отпавший кусочек его, заключенного в сумку, владыки сердца. На коня верхом не сядет: грех это, слава пойдет ведь. Щебечущий-clave- журчащее-нёбо-Ники-Харахсын-девица; в плату мне — привези ее.

Эр-Соготох в путь пустился, прямо на запад поехал. Мутной, как уха, страны, где словно мертвый заячий глаз, выщербленное солнце; где все навыворот, все опрокинуто, и ночь стоит непроглядная, — торного дарь-прохода достиг он, древней знаменитой дарь-дороги, опасной крутизны. Тогда на пути сказал:

— Вот! Вот! Вот! Заика-кукушка, зловеще не кукуй.

Торный дарь-проход, помех не чини. Древняя, знаменитая дарь-дорога, препятствий не ставь.

«Я иду прямо к старику Арсаан-Дуолану. Мне

надо летей запоздалых родить, поздний скот водить.

«Щебечущий-clave- журчащее-каменное-нёбо-огонь-куций-голый-хвост-Ники-Харахсын-девушку в жены взять иду я.

«Дашь — возьму, и не дашь — возьму. Добром не отъеду: на смертного посажу тебя коня, в смертную одежду одену, снижу высокое имя твое, белое лицо изгрязю.

Так, говорят, сказала.

Услышала желтолицая, в замшевом платье, в железном колпаке, с железными и медными серьгами, — демонова девка услышала. Остромордо серою мышью обернувшись, пала, говорят, в громадный дом, вынырнула пред отцом и матерью.

Говорит:

— И беда, и напасть, и путаница. А я радешенька.
«Густой туман — мои напевы, снег и дождь — мой крик, черная мгла — моя песнь, ураган — моя весть.

«В смуты старых годов вскормленный, в браны прежних годов дома заживший, в деяния былых годов рожденный человек, Эр-Соготох именем, с творожистым телом, с гнойным мозгом, с плотью от земли, с разумом от ветра, с дыханием от вихря, — человек этот прибыл.

«Глянь — зеницу твоего ока; вырви — белизну твоих зубов; из средины твоего владыки-сердца выпавшую щебечущий-ключ-журчащее-каменное-нёбо-огонь-кудый-голый-хвост-Ники-Харахсын-девицу, дитя твое, взять я пришел. Говорит. Даши — возьму, говорит. Не дашь — возьму, говорит.

— Вот как, — говорит старик: — родившего отца не знаявшему, вскормившей матери не ведавшему, от кого по крови — не знаявшему, чьей утробы — не ведавшему, не отдам такому. На мой благополучный бугор, в мою счастливую страну не приходило еще так вертеть мною демоново племя. Дитя мое не отдам.

Тогда с восьминожного железного лабаза, с подстилки из листового железа, с одеяла листового железа, с плотной чернокаменной подушки, осьминогих чудищ-демонов девка, щебечущий-ключ-журчащее-каменное-нёбо-огонь-кудый-голый-хвост-девушка, Ники-Харахсын по имени, отцу и матери слово сказала:

— Ой, матушка милая. Уже давно необманные были приметы, что придет мой муж. Ой, батюшка милый. Еще в прежние夜里 все тот же сон беспрерывно видела, что пришел мой суженый. Значит, святой земле назначена я. А ведь я родилась, когда исполнилось семь веков, что Смертного-боя-шаман в течение семи дней и ночей по заказу вашему шаманил — разрезал веревку,¹¹ чтоб родились у вас. Принесите мою наинковую шапку, опущенную кожей с голов девяноста человек. И обвесыте затылочными костями семидесяти человек. Скорее внесите мое ожерелье из позвонков

восьмидесяти человек. Мои штаны внесите, ребрами девяноста человек увешанные. Обувь мою внесите, зубами семидесяти человек усаженную. Корольки и жемчуг навесьте на меня. И принесите хорьковое опахало. Ведь я теперь суженая чужеземца. Ухожу.

Старик сказал:

— Старуха! Внеси мне одежду, что в молодости носил.

Разрыли амбар, принесли. Надели железную жесткую куртку, крепкие железные штаны, железные сапоги и в семи местах до дыр заношенную железную шляпу. На железных костылях вывели. Вывели на двор, в девяноста местах дырявый. Оперся там о коновязь о трех перехватах.

— Ну, покажите мне этого человека, — сказал.

Один парень с железным крюком по груди его вверх взбежал, заделил и потянул вниз нижние его веки. Другой парень с крюком по хребту вверх взбежал; уперся ногами в рябое каменное темя, верхние веки его заделил и вверх подтянул. Как голубыми бусами, вскинул глазами:

— Фу, — сказал. — Не даю дитя мое. Для дитяти моего не подходишь ты, — говорит. — Уведите меня, парни.

Подошел к железному амбару. К замку, висевшему, что живот лежачей коровы. Вытащил из кармана ключ. Амбар настежь открыл.

А туда поглядеть — к железному столбу железным канатом прикрученный, с черной, как столб, ногою, из пупа растущею, и та нога у бабок дешью закована; с рукою, словно десять лопат громадных, вороватою, загребистою, из подложечки выросшею, и та рука у запястья железною дешью скована; с дюжею черною шею, железною дешью у горла закованою; с железными волосами, будто роща сосенок, покрытых смолистыми пупырышками; с глазом посреди лба, как замерзшее озеро; с железными торчащими ресницами, с переносцем высоким, что хребет захудалого быка; с седой бородой, как медвежий нагрудник старинных

*

31

людей; с раскрытым, как овраг, ртом, с семью зелеными громадными зубами, будто семь обгорелых черных пней; с длинным чумным языком,— человек стоит. Ему слово сказал старик:

— Вот! Вот! Вот! Ты был среброгрудым жаворонком моим. Ты был моим златогрудым птенчиком. Тебе было поднять мои серебряные кости, златые кости мои в гробницу положить. Тебе было искрой моего огня сверкнуть. Это памятник будет на моем пепелище, говорил я. Так вот: в смуты давних дней вскормленный, в браны прежних лет домом построившийся, в деяниях былых годов родившийся — Эр-Соготох именем — прибыл. Завтра вызовет на бой. Пойди, побороть попытайся.

На это стоящий улыбнулся, приподнявшись края губ, и глухо расхохотался. Прояснился на девять пальцев грязью покрытый нос, кровавыми злыми глазами взглянул, седая борода задвигалась туда и сюда. Слово сказал:

— Ой! ой! ой! Почтенный господин-батюшка. В мрачную темницу ты заточил меня. Уютно устроил. Ужасный мне дом воздвигнул на целых три года. Мое большое каменное горло наполни. Дай чему-нибудь гнить в моем громадном каменном чреве. Знаменитую мою каменную глотку услади. Если тот человек лишь из таза женщины вышел, — отчего мне не бороться.

Старик пошел в дом. Велел целиком изжарить и коней и коров, натолкал ему в рот.

Мутное небо прояснилось. Ржавое солнце краешком выплыло.

Раскрутили со столба железный канат, расковали железные цепи. Сына демона привели.

Эр-Соготох оперся на пальму и слово сказал:

— Ну, вот! Из какой ты страны, бездельник? Какой страны ты язва? Я ударю тебя по темени. Обуздаю тебя. Искрошу тебя. Снижу высокое имя твое. Искрошу белое лицо.¹² Посажу тебя на смертного твоего коня. Смертные яства дам вкусить. В смертные одежды облеку. Выходи сейчас же, — сказал.

Вот абаасы воровскою, загребистою, будто десять громадных лопат, рукою сгреб было человека за темя. Но тот подмышками у него проскочил. Пальмою трехгранное его громадное сердце раскроил; рассек главную боевую жилу, что, у хребта вздымаясь, идет. Девять голых поперек стоявших белых холмов охвативши, демонов сын навзничь упал. Ровно десять лопат, загребистой лапой стал он, лежа, бить по земле. И слово сказал:

— Ой! ой! ой! — заплакал, застонал. — Почтенный Господин-батюшка! Гляди на участь мою добрую, радуйся. Солнышко-Госпожа-матушка! Смейся при вести о смерти моей. Двукружная, двукрайняя, широкая, клокочущая государыня-земля, — говорит: — серединой твоей ты разверзлась, прочь убрала твою толстую дверь, тяжелые прясла отвалила, беду наслала. С горем одинок я, знать. Ни бога, знать, нет у меня, ни счастья, ни доли. Ой, Эр-Соготох, друг. Не мучь, друг, меня, старика. Еще раз порази.

На то Эр-Соготох:

— На добрую лошадь одна плеть, а у хорошего человека слово одно. Обойдешься и так, негодай.

Демон этот, тридцать дней лежа, трепыхался и, наконец, издох.

Эр-Соготох во славу месяца и солнца прах его развеял.

Тогда старик велел вытолкать на двор ту свою дочь, что раньше не отдавал, со словами:

— Пусть берет эту женщину. — Потом: — Не разорил ли землю Эр-Соготох? — спрашивал у парней своих.

— Не разорил, нет, — сказали.

Эр-Соготох схватил за ворот девушку, туго притянул к спине своей, надел свои серые лыжи, торными знаменитыми проходами поднялся, знаменитыми древними путями-дорогами в свою землю поехал, — в путь пустился.

Такою землею, где выбоины по печень, а кочки до колен хватают, такою страною поехал, и буроватой

горшечной глины бугор — девяти кузнедов родоначальника, Гибель-Дуодарба-Черного-Кузнеда его дом показался.

Увидевши это, Эр-Соготох еще на пути вскричал, говорят:

— Ну, вот! Ну, вот! От знаменитых из чужеземцев, издалека взял я женщину и в жены тебе везу. Летом четыре жерди с пучками веток наверху укрепи, берестяную летнюю юрту урасу — поставь. Зимою восемь больших основных столбов поставь — зимнюю юрту построй. Внушительно-важный огонь зажги. Нарядное жилище устрой. Запоздальных детей воспитай. Поздний скот вскорми. В постели лежать равную тебе привез, с тобою жить суженую.

Женщину, что вез на спине, старику бросил. Старик поймал в руки, понес женщину в дом. Главное окно дома настежь раскрыло. Войдя в дом, жену свою левой рукой подмышкою зажал. Затем, прощаясь, благословил Эр-Соготоха и сказал:

— Таки-так. Таки-так. Впереди тебя всюду пусть идет великое счастье, с голову шестигодового коня, а за тобой следом широкое изобилие — как десятисаженный стог сена. А рядом с тобой пусть идет с прекрасной лосиной шкурой на плечах, с полными руками добра, всем явно богатый, щедро и обильно наделяющий Дух Охоты, Богатый-Владелец-Баай-Баянай, дед твой. Дитя мое! У кого стрела, берегись, не падай. Дитя мое! У кого лук, смотри, не вались. У кого крепкая грудь, перед тем не робей. У кого хлесткий язык, не отступай. У кого огненный взгляд, не убегай. Прощай, — сказал.

Эр-Соготох пустился в путь. Прибыл он в осьминогоную, осьмикрайнюю землю родную.

Как приехал туда, с четырех углов неба пришли белые облака волокнистые, небо разверзлось.

На трех, что молоко, белых конях, с тремя серебряными пальмами, парни, слуги Айны-Тойона, явились и так сказали:

— Ну, вот! В смути быльих времен вскормленный,

в невзгоды минувших лет рожденный, в битвы прежних годов на жилье осевший. Эр-Соготох, богатырь.

«Чуткими ушами слушай внимательно. Что солнце, ясными глазами пристально гляди. Головы проницательной, глубоким, ровно б озеро, теменем верно внимай.

«Мы пришли, доверенные гонцы, послы нарочных. На молочном озере жилье его, сам, что молоко, белый; белый дождь — питье его, Юрюнг-Айны-Тойон, дед твой, послал. Солнце-глаз, кумысный кожаный мех-грудь, серебро-переносье. Ясная-Почтенная-Госпожа, бабка твоя, — послала.

«Как раз отсюда, держа путь в сторону восхода летнего солнца, поедешь, — молодой ты, а изнутившись, достигаемой страны достигнешь; до той страны, где широкое гулкое небо свисает, как волнистые журавлиные перья, а преисподня загибается кверху, как лыжи тунгуса, — до этой страны доберешься. Есть там человек по имени Медный-Большой-Тойон; дымокур его, что солнечного дня пар, реет, а дым — что легкий туман месячной ночи; проруби на восьми-проточном маслоподобном море у него.

«Девять сынов у него, стройных, как молодые журавли, — так после них родилось восемь статных, как лебеди, дочерей, так меньшая из них; глядеть — со зрачком его глаза равний, вырвать — с белизною зубов его сравни; заключенного в сумку владыки сердца его комочком она отпала, от сосков лосихи вспоенная, костным мозгом лося умащённая, лосиным мясом вскормленная; с тех долин собранными отборными рысцами и собольими мехами закутанная выросла, — Юрюмэчи-Белая-Бабочка-Красотка-Юкрайдээн-Кую по имени. Эту-то женщину восемь божеств назначили, а Властитель судьбы, Господин твой дед, указал, вскормившая тебя Хранительница объявила: это, говорит, участь твоя; поезжай, говорит; поздно явившихся на свет детей породи, говорит; запоздавший скот вскорми, говорит; летом поставь, говорит, четыре счастливых жерди с ветками на концах; зимой,

говорит, вкоти восемь основных толстых столбов; священный важный огонь, говорит, зажги; нарядный дом, говорит, устрой.

Скрылись. Эр-Соготох-богатырь к восьмиветному священному дубу-дереву пришел. И сказал:
— Ну, вот! Земли владычица, нарядная, красивая госпожа тетушка. Вотчины владычица, кормилица, создательница, госпожа старшая сестрица моя!

«Ясными, как солнце, глазами ясно взгляни! Двумя, как полный месяц, круглыми чуткими ущами вслушайся, проницательной головы твоей теменем, словно озеро, глубокими, ласково внимай!

«Грудью сшибиться намерен отправиться я, со знаменитым столкнуться, с сильным побороться, с быстрым в беге померяться.

«Превосходному не дай превзойти, от печалиного обереги! Лихому обидеть не дай! Прости! — сказал.

И вот восьмиветного священного дуба-дерева дух, вотчины владычица, кормилица, создательница, госпожа старшая сестра его, сейчас же явилась. Серебристых соболей доху накинула, пятнистой рыси шапку набскреня набросила; лучших волчьих шкур шароварами¹³ колени охвачены, пятнистой рыси передних лап рукавчики наяды; серебристых соболей задних лапок сапожки обуты. Что ласковое солнце, глаза ясно глядели, что небо светлое, лицо сияло, блестящие, кумысному меху подобные, с сосдами груди ее вздымались, белели одетые мехом колени. С тресмя отверстиями пеструю гадальную ложку держала, семью зелеными травами, как опахалом, себя обвевала. Обратилась, говорят, госпожа с такими словами:

— Ну, вот! Ниспошли! Даруй! Да будет так! Дитя мое! У кого стрелы, не падай! У кого лук, не вались! Перед крепкогрудым не робей! Перед грозным взором не поскользнись! Перед сильным не споткнись! От

скорохола не отставай! Лихому в обиду себя не давай! Чарам не подчиняйся! Ниспошли! Даруй! Прости! Сосдов груди моей отведай.¹⁴

Онпал на колени и стал сосать.

От груди своей оттолкнула и вмиг исчезла.

Эр-Соготох прямо на восток в путь пустился. Зиму лютую по бурям распознавал, лето жаркое по дождю, осень позднюю по моросящему снегу.

Один ведь, как пятьдесят человек, бесновался. Как палец один, а гаму-веселья — на восемьдесят человек. Один-одинешенек, а крику, а шуму — на девяносто человек.

С небес беду великую звал, из подземного мира молил невзгоды, с земли — гибель несущего племени.

На небе, среди облаков, гул послышался: едет, кто-то поет:

Дуралла, Дуралла! Кобылка моя!
Твои берестяные плечи дрожат,
Твои железные крылья стучат,
Троегорбая, ржаво-бурая кобылка моя!
Рысдой семени, потрухивай!
Роковая Царица — земля моя.
Беспростветная Царица — моя родина,
Имя моей юрты — Клокочущая,
Моих кровных зовут Вороватые,
С верхнего неба родом я,
Громадный-Верзила — имя мое.
Есть, говорят, Большой-Медный-Тойон,
Пар ясного дня — дымокур у него;
Туман лунной ночи — дым от него;
На масляном море прорубь у него.
К нему-то пути выспрашиваю,
К нему дорогу выведываю,
Менышую его на уме держу.
Девяти сыновей последняя,
Из восьми дочерей младшая,
Молоком лосихи вспоенная,
Костным мозгом лося умащенная,

Мехами с тех долин собранными,
Рысыми мехами укутанныя,
В собольих мехах выросшая
Юрюмэчи-Белая-Бабочка—
Красотка-Юкэйдээн по имени,—
Ее-то в жены задумал взять
Такой есть владыка Громадный-Тойон,¹⁵
У которого слуги пятятся,
У которого скот толчется назад;
Дородный-Жернов — жена его;
Огромный-Кулут — сын его,—
Вот кто меня сватом послал!

Такими словами закончилась песня, перестал петь.
А тогда Эр-Соготох сказал:

— Ну, вот! Зрячие глаза твои покрыло, уши закле-
пало, мысль твою развеяло! Последний толк отняло!
Важничашь ты, собачий сын, что родом с верхнего
неба! Хвастаешь, Громадный-Верзила-богатырь: де-
монов ты сын! Ну-ка, скорее спускайся! Потягаемся,
померяемся! Я тебе голову разобью, обуздаю тебя,
толстую шкуру искромсаю, черную кровь выточу, креп-
кие кости твои измельчу.

Не успел сказать, как осьминогих чудищ нечистых
сын спустился с метелью, криком, градом, вихрем и
вьюгой. Стянул он вершинами семь лиственниц и за-
ржавый повод привязал к ним свою ржаво-бурую
кобылку, о трех горбах горбатую. Поглядел из-под
своей загребистой лапы, громацкой, как десять лопат
для отгребанья снега. Откинул шапку, стал своими
громадными десятью пальцами чесать щетину свою,
что проступала пупырышками, как смола на смо-
листой сосенке, а запуршали, посыпались зеленые
виши, как жуки-водолюбы на лесном озерке. Заго-
ворил:

— Ой-ойшенки! Бедняжка! Бедняжка! Где тебе,
с твоими ли руками вступать в бой да кровь выпу-
скать? Ах, ах! Вот такой-то бедняга, с таким-то
растопыренными десятью пальцами, выступает про-

тивником — кости выламывать, сокрушать! Убирайся
туда, откуда пришел! В родную землю свою прова-
ливай!

Огнем, как загорается сера, вспыхнули волосы
на висках Эр-Соготоха-богатыря; как лук, туго стя-
нуло его короткие ребра; спинные жилы назад свело,
а жилы печени свернуло в трубку, и так сказал:

— Ну, вот! Какой страны ты нищий, кривая сволочь?
Гляди-ка на соль его клюва! Но в какой же стране
не найдется отчаянного? Гляди-ка на яд уст его!
Гляди-ка на досаду чудищ-демонов сына! Как пова-
ливвшуюся веху, поставил тебя. Выцветшие затесины
кровью смажу. Посажу тебя на смертного твоего
коня, в смертные одежды одену, смертную пищу дам
вкусить! Будет прощальный твой путь!

Сын нечистых каменную гору до основания отва-
лил и щитом себе поставил.

Человек чистого мира землянную гору до основания
отвалил, щитом себе поставил.

— Стреляться будем! — сказали.

Эр-Соготох, чистого мира человек, сказал:

— Ты первый.

— Первый, так первый! — сказал сын абаасы.

Вытащил ржавый свой лук и с широким нако-
нечником стрелу. Припал на колени, от одного до
другого уха натянул и сказал:

— Друг мой! Гляди-ка на силу моего большого пальца,
на меткость!

С такими словами грянули его два большие пальца,
словно удар грома в сильную грозу. Стрела пробила
землянную гору. Человек успел упасть навзничь, и стрела
пролетела как раз мимо груди его.

Сын абаасы обрадовался и стал скакать большими
прижками:

— Что же будет, как выстрелю еще? От одного
ветра моей стрелы ты падаешь, валишься. Чем же ты
так прославлен?

На это Эр-Соготох схватил свой, что речная из-
лучина, громадный, гулкий роговой лук и меткую

пернатую, струя горючая, черную стрелу, от одного до другого уха натянул и, присевши, сказал:

— От небес благословение на мне лежало, от судьбы получил веления, и парни и девушки даны были мне в удел Духом отчины.

«Стрела моя, дитя! Ни горы, ни преграды тебя да не остановят; не застрянь в ивовых кустах, в складки земли не попади!

«Пробей насеквзъ его заключенное в сумку громадное сердце; выпуклую жилу, что у хребта! Унизъ его высокое имя! Белое лицо изгрызи!

Тут огнем вспыхнули два его большие пальца — как гром в грозу, грянули.

Каменную гору свалил до основания.

Сын абаасы вверх подскочил и нырнул за пределы западного неба.

Эр-Соготох, надев свои серые лыжи, отправился прямо на восток.

Едет он прямо на восток и доехает до того Большого-Медного-Тойона, что владеет тремя белобуланными уроцищами. Ну, доехавши туда, глядит.

Показалась золотая юрта. Верхние три рода толпою ниспали. Громадного-Дородного-Тойона, знаменитого чванством, — дом у него холодный и слуги забияки, — его-то сын, огромный Кулут, говорят, прибыл свататься к дочери Большого-Медного-Тойона, — с демонским своим племенем прибыл. И Большому-Медному-Тойону:

— Дочь твою взять прибыл я! — говорит. — Даешь ли, не даешь ли, тихо и мирно не уеду, — возьму. Не даешь — разорю усадьбу твою, омрачу твои ясные дни, окрестный племя-народ твой весь до основания уничтожу, прахом развею.

На это Большой-Медный-Тойон:

— Отчего не дать? Дал бы! Да просватана. Берет Нюргун Могучий по имени. Земля его на севере, и владеет он там огнелеющим морем.¹⁶ Он раньше тебя

взять приезжал и свата засыпал, и приедет в полночь ини того месяца. К нему отправляйся. Убей властелина огнелеющего моря, Нюргуна Могучего. Когда убьешь, дам тебе мою doch.

Тогда Огромный-Кулут в путь пустился, с демонским своим племенем отбыл. Священный важный огонь Нюргуна Могучего погасить желая, разорить его отчину, высокое имя его подрезать, самого Могучего убить, с грозным, сильным народом своим двинулся. Едет прямо на север.

И вот прибыл к Большому-Медному-Тойону Эр-Соготох. Приехавши, застал он дома Большого-Медного-Тойона.

С зычным голосом, с большим кадыком, с окладистой бородой, старый Тойон был. Ну, сказал старик:

— Ну, вот! В смуты былых годов вскормленный, в битвы прежних годов на жилье осевший, в схватки старых годов родившийся, Эр-Соготох-богатырь!

«Чуткими ушами внимай! Ясными, зоркими глазами пристально гляди! Проницательной головы темением, как озеро глубоким, вникай!

«Отчего и не дать тебе мое дитя? Лучшую часть белых коней, что до чистого леса растянулись, дал бы тебе; из черных моих коров, что до темного леса добреди, самых отборных и круглогорих. И от добра, что в сумах хранится, самое лучшее дал бы. Да владелец моря, Нюргун Могучий по имени, еще до тебя приходил. Обещал прибыть в полночь ини того месяца. Туда поезжай; священный важный огонь его погаси, нарядный дом разори, омрачи его ласковое солнце, его высокое имя срежь, самого, Могучего, убей.

Услыхав это, Эр-Соготох прямо на север пустился. Вслед за Огромным Кулутом быстро поехал: из-под ног земля пылью рассыпалась по вершинам лиственниц; от бега его вздымалось и бушевало море.

Еще до середины пути настиг. Пальмою искропили народ Кулута. Длинные их кости бревнами по-

пыли, малые кости прахом пошли, а кровь — кровавыми ручьями. Больше половины людей его погибло. Посмотрев, Огромный-Кулут сказал:

— Ой-ой-ой! Ой-ой-ой! Парни! Или ваши зоркие глаза засорило, ваши чуткие уши заклепало? Едет в смути быльих годов вскормленный Эр-Соготох-богатырь. Известный чванством, Дородный-Тойон, отец мой, говорил, да и Дородная-Госпожа, моя мать, говорила: «Смотри, не вступай в битву с Эр-Соготохом!» — говорили, Эр-Соготох-богатырь ведь это едет, — как раз тот человек, что разгонит кровь у Нюргуна Могучего-Удалого, поразит его в темя, обуздаст, толстую кожу искромсает, выточит черную кровь, измелеет крепкие кости, ясный день омрачит, разорит усадьбу, священный важный огонь погасит, понизит высокое имя. Вот кто едет! Эр-Соготох-богатырь! Прости, паренек! — сказал.

Отлётел ввышине небо.

Эр-Соготох прямо на север поехал. Достиг огнегреющего моря, что за три дневных перехода не допускает к себе. Поверх этого моря птица не перелетит, а низом мышь не прoroется.

Прибыл, стал смотреть.

С того берега моря голубыми сплохами пышет огонь. А из-за огня вылетела черная поджарая птица с такими железными крыльями, как две длинные полосы бересты, и с такими перьями, как мечи, с поджарой железной семисаженной спиной, с железной трехсаженной шеей, с железным хвостом, как в трубку свернутая береста, с громадной, как чан, головою, с такими, как чашка, глазами и с крючковатыми железными когтями. Летит, выговаривает:

— Ой-ойшеньки! Ой-ойшеньки! Лечу я дозорным ляди моего, Нюргуна Могучего-богатыря: Эр-Соготох едет, говорят.

Была там Гибель-Осина, трехветвистая. В глубине ветвей было, как десятисаженный стог сена, гнездо. Птица туда села.

Увидел это Эр-Соготох; схватил свой, как излу-

чина великой долины, гулкий роковой лук, что обделан был крепким деревом с Кимен-Имен, березою с Хаман-Имен, берестою с Томон-Имен, и склеен klesem из пузыря пестрой Гибель-Птицы, и выкрашен львиною кровью с желчью Ексекю-Птицы. Вытащил свою меткую, пернатую, горючая струя, черную стрелу, припал на колени, натянул до самых ушей.

Загремели два его большие пальца, — как в грозу гром, грянули. Стрела пробила птице громадное трехгренное сердце, перерезала большую боевую жилу, что у хребта.

Снизилось высокое ее имя, сама она, Богатырь-Птица, сгинула, упала в середину моря, — погибла железная птица.

Эр-Соготох стал кататься-валиться. С жабрами назад, с чешуею навыворот в Гибель-Ерша рыбу обернулся, кинулся в середину огнегреющего моря.

Девять дней и ночей плыл он, доплыл до громадного бугра с выходом на вершине. Тогда вышел, принял свой собственный вид, поднялся вверх и сказал:

— Ну, вот! Нюргун Могучий! Из дальней страны, расспрашивая, из знаменитой страны, выведывая, из именитой страны нарочно прибыл, явился я белое лицо твое изгрызить, высокое твое имя понизить, тебя, Могучего, убить. Вставай! Выходи!

На это лежавший в доме человек, Нюргун Могучий, голосом заговорил, слово сказал:

— Ой! ой! ой! Эй, ты, паренек! Эр-Соготох-богатырь! По ту сторону огнегреющего моря моего есть чистое поле, гладкая каменная страна. Туда иди. Чья удача верх возьмет, чье счастье лучше!

Тогда Эр-Соготох оборотился соколом, с ожерельем на шее, с бубенчиками на хвосте. Полетел; на восточный край огнем реющего моря спустился.

Посмотрел — человек стоит там; весь железный стоит человек. По верхнюю обшивку натаznиков, в железной кудой куртке был он, в железных штанах, в железных сапогах, из железа были у него и рукавицы, и шашка.

Одна у него была черная нога, что столбом росла из пупса. Из-под ложечки выросла громадная вороватая рука. Один только глаз, как раз посреди лба, белел, как вымерзшее озеро. Переносье громадное, как спинная кость худого быка. Окладистая седая борода, как стариинный нагрудник из медвежьей шкуры. Зияющий рот, как овраг, и в нем семь громадных зубов, зеленых, каждый величиною с нож, и темносиний язык, словно зеленая селезенка.

Сказал этот абаасы:

— Ой! ой! ой! Эр-Соготох удалой! Эй, парень! Большого-Медного-Тойона дочь, лосихи молоком вспоенную, лосиным мозгом умащенную, лосиным мясом вскормленную, красотой трех долин взращенную, Юрюмаччи-Белую-Бабочку-Красотку-Юкрайдээн, женщину мою, не даю. Пока жив, не дам.

На это, говорят, Эр-Соготох так ответил:

— Ну, вот! Откуда ты, убогий? Осьминогий чудище-абаасы! Хорошо пугну я тебя. Высокое имя твое снижу. Тебя, Могучего, убью. Не тебе назначили эту женщину восемь божеств. Мне ее рок Господин указал. Для меня на молочном озере живущий, с подножием из белого, как молоко, камня, белым дождем утоляющий жажду, Созидающий-Белый-Тойой, дед мой, ее создал. Миром тебе не отдам. Ну, подходи-ка! — сказал.

С поднятыми пальмами друг другу навстречу побежали богатыри. Стали рубиться. Стук — что раскаты грома в грозу.

Бросают пальмы; кулаками по ребрам молотят друг друга.

От этого боя лев заревел, говорят; выпал град и снег, говорят; крепкое дерево ломилось, говорят.

Так тяжело ступали, что накренили море, и железная морская Рыба-Ерш, с колючками назад, с чешуею навыворот, так забегала, что себе плавники изрезала.

Непоколебимую преисподнюю они в такую грязь встоптали, что паук, и тот бы увязнул.

С гулкого широкого неба от боя их с вихрем град стал падать, такой, будто мерзлые молодые коровы комом валились.

Среди чистого поля вымотали они друг у друга боевые жилы, что у хребта вздымаются, и на землю грязнулись.

Оба лежат. Вьюга прошла по ним. Покрылись плесенью на три пальца, а глаза их мхом поросли. Оба, в борьбе поверженные, ждут неминуемой смерти.

С четырех углов неба пришли четыре волокнистые облака. Небо разверзлось. На трех, как молоко, белых конях, с тремя, как молоко, белыми пальмами парни Тойона, слуги-стремянные, наклонясь, стали смотреть и слова выговаривать, и речь молвить:

— Ну, вот! Молочное озеро — седалище его, собою белый, как молоко; белый дождь — питье его, — Белый-Созидающий-Тойон послал! Доверенными вестниками прибыли мы, нарочными явились послами. Эр-Соготоха создала эта женщина. А тебе велено на смертного коня сесть, смертную одежду надеть, смертные твои яства вкусить.

Небесными восьмигранными медными пиками пронзили Нюргуну Могучему в сумку заключенное владыку-сердце и у хребта его вздымающуюся боевую жилу вскрыли. Сын абаасы задыхаться начал; издох.

Чистого мира человеку, Эр-Соготоху, в рот каплями, с яйдо гоголя, золотистую влагу влили. Вскочил Эр-Соготох. Схватил свою пальму, в мелкие крошки искробил демонова сына, на пир солнцу и месяцу развеял.

Затем Эр-Соготох обратился в сокола, с ожерельем на шее, с бубенчиками на хвосте, полетел вверх, превратился в огненную звезду, лег на видимом якутами низшем, лежачем небе.

Видит: с северного края моря идет горбатая, с тремя горбами, старуха.

Взглянул на нее Эр-Соготох: с облезлой мордой белую собаку ведет она. Дальше смотрит: у нее подмышикою железная колыбель, с железным желобком и железной дугой.

— Беда! Беда! — запела она: — густой туман — напевы мои, снег и дождь — вопли мои, черный дым — песнопенья мои! И-и! плакала она: — дитя мое, могучий Нюргун! сюда! — звала она собаку: — из косточек сына моего ужель ни осколочка не найти? Найди!

Та побежала и принесла кость. Сейчас ту кость схватила старуха, в железную колыбель брякнула, собаку свою повела, колыбель подмышку взяла и пошла на север.

Эр-Соготох спустился вниз; качался, валялся и превратился в самого захудалого парня, в дрянной, обтерханной куртке, поджарого, с иссохшими — кожа и кости — руками, с большим, как в водянке, брюхом.

Побежал прямо на север. Вдоль по такой глубоко проторенной дороге побежал, что человек по шею в ней скрывался; бежал по стране с чахлой железной травою и чахлыми железными деревьями.

Глядит — стоит железная юрта. В полы своей дрянной, обтерханной куртки насобирал он железного хвороста и вошел в железную юрту.

Видит: сидит старуха на железной кровати из ног девяноста человек, из хребтов семидесяти человек, из шеи восьмидесяти человек:¹⁷ она сидит и железную колыбель колышет. Взглянула на него и страшным голосом раскричалась:

— Уходи прочь, если гибели своей не хочешь! Ты напустил холода на ребенка!

Парень брякнул свои дрова, подошел к камельку, громко плонул на ладони и оба глаза себе вытер. Подошел к старухе и слово сказал:

— Ой! ой! Бабушка! матушка! тетушка! Сжался, смилиостивься, пожалей! Верхних трех поколений-родов владения обошел я; к владельцам окон стучался я, к владельцам дымовых труб заглядывал, просился к владельцам стен; войти — дома не встретил, разговаривать — слова не слышал, сидеть — сиденья не видел, поесть — еды не нашел.

«Нижний восьми поколений-родов владения обошел я; к владельцам окон просился, к владельцам дымо-

вых труб заглянул, к владельцам стен стучался, пороги обивал: войти — дома не встретил, сесть — сиденья не видел, говорить — слова не слышал, есть — еды не нашел.

«Бабушка! Был у тебя сын, Нюргун Могучий. Бывало, я ночи у него ночевал, дни дневал, вкусные его кушанья ел, сладким сном спал, — старшим мне братом был.

«Вот он умер. Сталось так, как проклиновший напроклинал; сталося так, как злоречивый наговорил: на брошенном жилье его поросла вонючая полынь. Видел я это и плакал.

«Во имя этого на одну ночь дай мне приют.

— Бедняга! — сказала старуха: — пойди в чулан, поешь там.

Пошел в чулан, показал вид, будто ел, и, выпятив брюхо, пришел назад.

— Парнюга! — сказала старуха: — пойди-ка сюда, покачай ребенка.

Парень взялся за дужку железной колыбели; качает, поет:

Стук-бряк! Стук-бряк! Баю-бай —
поплачь, покричи!
Едва рожденного плачем заплач,
Криком грудного ребенка вскричи!
Трижды умри и вновь оживи!
На роду тебе написано так.
Мать твоя не могла родить,
Семь веков не рожала детей,
Семь столетий бесплодна была.
Семеро суток шаманил твой дед,
Твой дед шаман, Гибель-Бой-шаман,
Разрезал веревку семь дней и ночей,
Шаманил, снимал бесплодье с нее,—
Вот тогда-то родился ты.
Эр-Соготох тебя убил.
Если тебе суждена судьба —
Запутанный след его проследить,

Занесенный след его разыскать,
Разорвать его красивые швы,
Слюстую юрту его расслоить,¹⁸
Снизить высокое имя его;
Если тебе написано народу —
Срезать высокое имя его,
Белое лицо его загрязнить,
Могучего Эр-Соготоха убить,—
Снова явись, немедля родись.

На это старуха сказала:
— Эх, бедняжка! Парень моего, бедняжки, причиняя лучше моих-то! Ах! парень мой, беденский. За смертью сына моего, за стряпнею, за слезами моими, я и не спала еще, — засну-ка. Покачай ребенка. На свою железную кровать из ног девяноста человек, из хребтов семидесяти человек, из шей восьми-десети человек навзничь повалилась она и, заснув, захрапела.

Как только она заснула, этот парень вынес на двор ее ребенка, положил там. Вбежал в дом, вошел в железный чулан, взял железную веревку и накрепко привязал старуху к кровати. В крепком, в трех местах заплатанием горшке поставил топить олово. Оно растаяло, потом закипело. Взял в руки горшок и вылил старухе в глаза.

— Ой, больно! — вскричала старуха и с кроватью на спине вскочила и побежала на парня. Парень побежал, распахнул толчком дверь, потом вернулся и пальмою отрубил голову старухе.

Старуха на порог верхом упала и загребистыми своими ладонями, с десять больших лопат, била землю. А голова сказала:

Густые туманы — напевы мои,
Снега и дожди — вопли мои,
Черная мгла — песни мои!
О досада, горе мое!
Обманщику я обмануть далась!

Плуту дала спутовать над собой!
Хитро обернувшись, обманом приля,
Спутовал искусно Эр-Соготох;
Победить — победил, одолеть — одолел,
Снизил высокое имя мое,
Белое мие лицо изгрызнил,
Меня, Богатыршу, убил-сгубил
С ребенком сразил, с родней разорил,
Со мною совсем извел!

Старуха умерла. Эр-Соготох ее в росу тумана обратил на шир месяцу и солнцу. Изрубил семьдесят листвениниц, вырыл большую яму в три печатные сажени и сделал костер. Того ребенка в железной, с железною дужкой, колыбели он привесил и вытряс; ступив ногою, накренил море, а потом воду оттолкнул обратно.

Тогда сказал:

— Я урезал твоё высокое имя, я изгрызил твоё белое лицо. Их славу я урезал, всех их я уничтожил.

Свои серые лыжи надел и поехал прямо на юг, в родную землю тестя своего.

Когда вот он ехал, летит с тремя детенышами Гибель-Черный ворон и так выговаривает:

— Кар-кар! чул-чал! Эр-Соготох! Раскрой твои чуткие уши! Ясными глазами пристально смотри! Проницательной головы, глубоким, словно озеро, теменем вникай.

Как раз отсюда прямо на восток направясь, доедешь до такого места: до червивого моря доедешь.¹⁹ К владельцу его, что одет в рябые лягушечьи шкуры, что на спине носит кузовок с червями и на леденистый багор, как на посох, опирается, к Юедюенстарику прибудешь.

«Когда переправишься по ту сторону червивого моря, ты доедешь до Богатого-Хараахана-Тойона, — у него чернеющая открытая отчина, а под глазами такие черные родинки, что величиною, как сумочка, каждая.

«Девяноста сыновей его последыш, из восьми-

десяти дочерей его младшая, зрачок его глаза, белизна зубов, комочек его заключенного в сумку владыки сердца — с ложку крови румянц — Нежная Хычылаан-Куо дочь у него. На развевающейся чолке вышнего неба родившийся, на грифе преисподней живущий, с тремя тенями.²⁰ Длинноногий демонов сын к этой женшине прибыл.

Иди тула, спаси ее нежное дыхание, глубокие вздохи ее защиты, в тесноту твою зажми, в ширь твоей укрой! Спаси от лихого!

Птица та улетела.

Эр-Соготох прямо на восток пустился. Долго ли ехал, не знал; скоро лъ доехал, не понял. Прибыл к червивому морю, — поверх его птица не перелетит, а низом остроносая мышь не пророется; и на север, и на юг пределы его неизведомы. Прибыл он к владельцу червивого моря, Юедюен-старику, — юрта у него, как обрубок наковални; одет в рябые лягушечьи шкуры; на спине — кузовок с червями; посохом у него ледянистый багор.

Эр-Соготох:

— Ну, вот! Червивого моря владелец! Юедюен-старик! Здорово! Чуткими ушами, отверстыми, слушай! Ласковое солнце — глазами зоркими гляди! Проницательной головы теменем, словно б озеро, глубоким, внимай! Имя мое — Эр-Соготох, я вскормлен в смуты белых годов, в битвы прежних времен сотворен, в деяния прошлых лет родился. Как перейти мне на ту сторону червивого моря? Путь укажи мне, найди проход, растолкуй дорогу. Плату тебе вдоволь дам: увидишь благодарность доброго человека, приличного человека дары узнаешь и всю щедрость его руки.

На это Юедюен-старик:

— Одежду мою из рябых лягушечьих шкур надень на себя. Взвали себе на спину мою ношу — кузовок с червями. Мой ледянистый багор за посохи возьми. Оборотись в такого, как я.

Эр-Соготох, выслушав, стал кататься-валиться и оборотился стариком, как Юедюен-старик. В одежду из рябых лягушечьих шкур оделся, кузовок с червями взвалил на спину, ледянистый багор за посохи взял: сделался таким, как владелец червивого моря.

Перешел через червивое море.

Оборотнем в путь отправился и пришел к Богатому-Харахаану-Тойону, тому, что владеет чернеющей открытой отчиной; под глазами у него черные родинки, такие большие, как сумочки.

— О-о! Чего это бедный Юедюен-старик пришелся? — послышались голоса.

Из красного своего угла, колотыми узорами в пять рядов разубранного,²¹ с прилавка своего, в десять рядов выемками украшенного, с кровати своей, золотой, восьминогой, с постелью из меха летних соболей, с одеялом из меха зимних соболей; та, что ест один только жир без мяса, а пьет только сливки без молока, та, у которой нитки шелковые, а иглы серебряные — с ложку крови румянц — нежная Хычылаан-Куо, — сквозь одежду тело просвечивало, сквозь кости мозг костей виднелся, — мягко, неслышно пропорхнула, перед отцом и матерью стала. Глаза что у черного жеребенка, в морозы родившегося, — такими глазами глянула; губы что у серенького жеребенка, весною родившегося, такими губами повела. Задвигалось горло, как струна. Гортань дрогнула. И пропела слово:

Пожелтев, разметались волосы твои,
Что грифа и хвост белого коня, —
Почтенный мой, ясноокий мой,
С прекрасным переносьем, батюшка!
Ясными солнце-глазами глянь!
На самую младшую дочь посмотрят!
Припомни, как баюкал меня,
Качал-прижимал к золотой груди,
Благословлял, приговаривал:
«Пойдешь, моя дочь, в чужие края,

Построишь нарядный скотный двор,²²
Зажжешь внушительно-важный огонь!..»
Неправдой стали обеты твои!
Абаасы в пасть назначена я!
Гладки седые волосы твои,
Что грива и хвост серого коня.
Почтенная, ясноокая,
Прекрасная госпожа матушка!
Бывало, упругими сосдами кормя,
На убранные колени меня положив,
Пророчишь мне, приговариваешь...
Ох, да зачем же пророчила ты?
Зачем же ты мне предсказывала:
«Пойдешь, моя дочь, в чужие края,
Построишь нарядный скотный двор,
Зажжешь внушительно-важный огонь...»?
Ложью стали желанья твои!
Самая младшая из сестер,
Одна из всех несчастна я, знать,
Лихому в пасть уготована я!
Сегодня ночью я видела сон
И так себе толковала его:
На берег червивого моря, знать,
Прибыл из той земли человек,
Вскормленный в смуты былых годов,
Выросший в битвах древних времен,
Рожденный в подвиги прошлых лет.
Эр-Соготох, человек, якут.
Так толковала, проснулась с тем,
Кто-нибудь, думаю, едет к нам!
Мать, отец! Поплите взглянуть!

Тогда вскочил старик:

— Ну-ка, парни, выйдите! посмотрите! — сказал: — не водилось за дочкою, чтобы лгала!
Тотчас вперегонки повыскочили, туда-сюда глянули, — как есть ничего.
— Э! ну, кто к нам придет? — говорят: — только вот и есть, что сосед *наш* Юедюен-старик, — говорят.

Услыхав, девушка с плачем на свой прилавок ушла.
Юедюен-старик пошел к двери хлева и заснул.
Проснувшись, вскочил, подошел к правому боку камелька и смотрит.

У красного угла, в пять рядов проколотыми узорами разубраниного, пришел-сидит, оказывается, с тремя тенями Железный-Добырган; тот, что на вздымающейся чолке вышнего неба родился и на гриве преисподней поселился.

Как лужайка, громадный светлый стол выдвигают, блестящие тарелки ставят. Великолепного быка, Коротконогого-Тойболуна по имени, целиком сварили, принесли, целиком выложили на стол.

— Ну, вот! Зятишка! Любимое дитя наше взявший!
Тогда Юедюен-старик:

— Где только стены, приглядывался я. Где окна, глядел. Где трубы, заглядывал. Войти — дома не нашел, поговорить — слова не слышал, посидеть — сиденья не видел. Я живу промыслом с лесного озера, существую охотой с большого болота. Еда моя — рябые лягушки, убогий стол мой — черные жабы. Зятишка! Едой поделись.

На это абаасы:

— Ой! Юедюен-старик! Что и говорить! Правда!
Отрубил голову быка, Юедюену бросил. Юедюен поймал голову, стал обгладывать.

— Старый уж я! — сказал: — зубы совсем повыпали. Сам ешь эту голову! — сказал и бросил назад голову быка. Попал в грудь сыну абаасы.

— Досадно! — сказал сын абаасы и вскочил.

Юедюен-старик бросился за печку. Сын абаасы за ним.

Юедюен-старик выбежал на двор. Сын абаасы следом.

И выскочили они на твердый, как камень, двор, такой гладкий, что граду обильного вихрями белого неба негде там удержаться.

Загремели оба, как гром в грозу. Рубили друг другу бока.

От ярого бол лев зарыкал, град вихрем посыпался,
крепкие деревья свалились.

В высы живущие в высы улетели, подземные пали
под землю.

Из домашних самые храбрые в хлев бросились,
самые доблестные на полати вскочили, трусы под лавки
забились, этого боя бойсь.

Между собою:

— Удалой, гляди-ка, старик!

— Силен, вишь, Юедюен-старик! — говорили.

— Юедюен-старик в молодости богатырь был! — сказали.

Вышишие три колена-рода, наклонившись, глядели:

— Э! Вот это бойды!

Подземные восемь колен-ролов, выдвинувшись, говорили:

— Вот это народ!

Пока говорили, Эр-Соготох, подев, бросил нечистых сына: тот, упав, пробил землю на семь саженей.

Эр-Соготох сел ему на грудь и вынул свой малый да острый нож, из стали семи брусьев железа выкованный; вырезал ему хрящи горла, вытащил главную боевую жилу, что идет вдоль хребта. Заплакал сын нечистых. Понесли смрад из его рта.

— Ой! ой! — воскликнувшись, сказал он. Подобно языку проклинающей женщины, отборными загремел словами. И слова его были такие: — Эр-Соготох-богатырь! Хитро обернувшись, искусно спутовавши, пришел ты и посадил меня на смертного моего коня, в смертные одежды одел, смертные яства дал вкусить! В последний путь попал я, видно. На смертное седалище, знать, я сел. Твои боги верх взяли, твое небо осилило. Рока моего исполнение, дней моих завершение, знать, от тебя настало: я погиб, умираю.

Старик и старуха сказали:

— Нужно наградить червивого моря владельца, Юедюена-старика. Дадим треть нашего скота: для бедняка богатейшая награда! — говорили.

На дворе Эр-Соготох, свой образ приняв, сказал:
— Ну, вот! С чернеющей громадной вотчиной, с большими, как сумочки, черными родинками под глазами Богатый-Хараахан-старик! Чуткие твои уши раскрой!

В смуты былых годов вскормленный, в бои прежних лет на жилье осевший, в деяниях древних времен родившийся, на двух серых лошадях-лыжах, Эр-Соготох — называемый я человек. Из дальних стран, выспрашивая, пришел. Из славных стран, славное имя называя, прибыл. Ласковыми, ясными глазами взгляни!

«Зрачок глаза твоего, белизну зуба твоего, комочком от владыки-сердца твоего отпавшую, из восьми дочерей твоих, как белые лебеди, позже всех родившуюся, из девяти сыновей твоих, как вольные журавли, самую младшую; у нее нитки шелковые, иглы серебряные, с ложку крови — румянец: Нежную-Хычылаан-Кую, дочь твою, — ее всю увешай уборами, одень в одежды длинные. Самых видных белых коней, что табунами до белого леса дотянулись; самых круговоротных черных коров твоих из стад, что до черного леса добрели, — дай ей в приданое. Дочь твою сейчас же мне выпши! Не задерживай путника! Не держи дорожного человека!»

Сговорились старик со старухою. Дитя свое богато нарядили, в одежды длинные одели, — белых бегунов, что до белого леса доходят, самых видных в приданое дали, самых круговоротных черных коров, что табунами до черного леса пасутся, в приданое дали. Выдали дочь свою, с румянцем в ложку крови, Нежную-Хычылаан-Кую.

Множество слуг с нею: восемьдесят дали стремянных, чтоб гнали стада белых коней и черных коров.

Эр-Соготох-богатырь оделся в свои рябые лягушечьи шкуры, кузовок с червями, ионшу свою, положил на плечи, взял за посох ледянистый багор свой; принял образ старика, такого, как Юедюен-старик. Подмышку левой руки зажал женщину, перешел через

червивое море. Оно стало песчаной косой; переправили через него белые и черные стада. Эр-Соготох прибыл к Юедюену-старику.

Сняв свою одежду из рыбых лягушечьих шкур, скинул кузовок с червями, носу свою, и бросил посох свой, ледянистый багор. Юедюена-старика за волосы с затылка сгреб и пальмою кожу с него начал сдирать. Юедюен-старик всякие слова говорил, муки и муки изведал и лежал, и плакал вот так:

Жил я, владел я червивым морем,
Не был я, правда, такой уже знатный,—
Лиши на коне до меня достигнешь;
Не был я, правда, такой уже славный,—
Долгий путь до меня изъездишь.
Я промышлял на лесных озерах,
Брал со святых озер добычу,
Рыбы безмолвной, яйца тупее,
Если б в огонь я попал — сгорел бы,
Не был я страшный, не был могучий...

Эр-Соготох поставил его на ноги. Тело его совсем было ободрано, и торчали кости, а изнутри во множестве выползли мелкие земляные черви. Эр-Соготох-богатырь налил ему в рот золотистой волшебной влаги, и стал старик бледномощный.

Эр-Соготох сказал:

— Ну, вот! Пусть же тебя теперь никто не называет: владелец червивого моря, Юедюен-старик. Отныне твое имя — в даль идущая слава: Акыма-Богатый-Тойон, — сказал.

«Богатого Харахаана, господина громадной чернеющей вотчины, под глазами его родинки величиною с сумочки, — его дочь, зрачок его глаза, белизна зуба его, заключенного в сумку владыки-сердца комочек, ту, что ест только жир без мяса, пьет сливки без молока, нитки у неё шелковые, а иглы серебряные, именем Хычылаан-Кую, — даю тебе в жены, — сказал.

«Породи девять вольных журавлей-сыновей, восемь статных белых лебедей-дочерей, до старости детей роди, до старости скот выводи, на лето четыре счастливые основные жерди поставь, на зиму восемь толстых важных столбов укрепи. Священный, важный огонь зажги! Нарядный дом построй! Пешему почтегом будь, конному приютом, возвышай униженного, обедневшего поддержи, — сказал.

«Вот плата за переправу через червивое море! Прости!

И, оставив ту женщину, со скотом и припасами, он надел свои серые лыжи и пустился прямо на юг.

От стремительности бега заволновалось, забушевало море, вьюга настала, поднялся ветер и непогода, зарыкал лев, пурга забушевала, крепкие деревья ломались. Достигая, достиг страны Медного-Доброго-Тойона.

— Приехал к тестю! — сказал.

— С удалыми я состязался, со славными спибался, с силачами боролся, быстрых перегонял, демонов силу громил, незримых силу губил; пред огненноглазым не отступал, пред угрожающим не робел. Господин мой тесть!

— Выставь же, с озеро шириной, заповедный кумысный чан. Лес светлых березок насади. Нарядные жбаны рядами поставь. Груды кубков резных приготовь. Внимай!

Поглядел, — что орел собою, с большим, обросшим бородою, лицом старик перед ним. По левую его руку — как снег, седая дородная родовитая старуха. На ней накинута отборных соболей доха, пятнистых рысей шапка набекрень надета. Лучшие волчьи шкуры облегают колени. Серебристого соболя задних лапок сапожки обуты. В руке держит о трех отверстиях пеструю гадальную ложку.

Светлый, как озеро, вынесли заповедный кумысный чан; рощу серебристых березок рассадили; рядами

нарядные жбаны расставили; резные заздравные кубки горою насыпали. Приказали девяти мальчикам подносить кумысные кубки, где масло плавало комками с утиное яйцо. Поднесли мясо девяти юных кобылиц. Положили на сиденья целые шкуры белых коней.

Словно поле, чистый стол поставили. Словно озера, блестящих серебряных тарелок наставили. Восьми отгулявшихся кобылиц отборного жибу и сала толстого наложили.

Эр-Соготох на белой конской шкуре сел. Вверх ножом резал, съедал, вниз ножом резал, проглатывал. Наелся. Захватил сразу девять громадных кубков, все девять налиты сливками от молока юных кобылиц. В рот опрокинул, бурливой речки потоком.

Когда напился, старик слово сказал:

— Ну, вот! С полной сотней годов, одряхлел, захирел я, старик. Едва восьмидесяти лет, уже в бессилии исхудал. Три людских века прожил, удрученный, ославивший старик я. Эр-Соготох! Обоими твоими чуткими ушами слушай! Что ясное солнце, зоркими глазами гляди! Проницательной головы, как озеро, глубоким теменем внемли. Ты ее спас от нечистой пасти. От глотки незримого избавил. Смотри — моего глаза зрачок, вырви — белизна моих зубов, комочком заключенного в сумку владыки-сердца моего отпадает она. С трех долин выбирая лучшее, растил ее; лосихи сосдов молоком питал, костным мозгом лосинным умашая, воспитывал, мясом лосиным кормил; три травки стельки у ней, трех сажен коса — Юрюмэччи-Белую Бабочку-Красотку, дитя мое, отдаю.

Белая снег-голова, дородная родовитая старуха слово сказала:

— Глубоко в недрах златых моих приютив, у заключенного в сумку владыки-сердца моего уединив, десять месяцев носила я, пока она, что вода, слабая, костями не окрепла. Через недра мои пробилась она. С хребта серебристого соболя мехом хранимую воспитывала, пятнистой рыси мехом окутанную, растила, на пушных воленях моих ее пестовала, сосдами груди моей

кормила. Без мяса жиром одним кормила, без молока сливками поила, что нравилось, ела она, по выбору своему одевалась. Белых бегунов моих, что до белого леса теснятся, виднейших в приданое даю, из черных моих, что до черного леса толпятся, лучшую часть круготорогих в приданое даю. В сумах добро у меня — отборное дам. В амбара рядами медная посуда — самую звонкую назначаю. Пусть козни могучего вас не тронут, беда не коснется, лихой не обидит.

Эр-Соготоху двери открыли. Вощел.

По золотому полу их медленно, как по мягкому, ступая, вошел он. На правой половине, на плотном и длинном прилавке сел. Круглыми большими глазами кругом оглянулся. И видит он, что в красном углу, в пять рядов проколотыми узорами разубранном, на прилавке, в десять рядов резьбою украшенном, на подстилке из меха летнего соболя, на одеяле из меха зимней рыси, Юрюмэччи-Белая-Бабочка-Красотка-Юкэйдээн женщина сидит. Сквозь платье тело виднеется, сквозь тело — кости, сквозь кости — мозг костей. Мрачный дом светлым становится, светлый дом сиять начинает — такая красавая сидит.

Увидев ее, Эр-Соготох-богатырь железную свою броню-одежду, с полями семирядными, шнурового серебра, с восьмиклинной кольчугой черного железа, с девятиполосным станом закаленного железа, черным чугуном отороченную, с драгоценного черного камня пуговицами — железную свою броню-одежду снял.

Пришла к женщине. Легли. Полюбился с ней, говорят. На утро поднялись. Железную броню-одежду надел. Голубых пучин водою обмылся, черных пучин водою отмылся.

Словно поле, громадный стол выставлен. Расставлены огромные, как озеро блестящие, серебряные блюда. Восьми отгулявшихся кобылиц жиру доблого, толстого сала наложено.

Эр-Соготох выпнул свой ловкий и острый ножик, из семи кусков железа выкованный. Вверх резал — жевал, вниз резал — проглатывал. Кончил.

Несут крепкого кумысу чашу, — еще с тех пор,
как старик домом обзавелся, хранилась. Желтое масло
кладут комками с утиное яйцо.

Бурливой речки потоком опрокинул в рот. Жен-
щину за ворот сгреб. Выбежал. Старик со старухой
за ним.

Эр-Соготох бежит, надев свои серые лыжи. Прямо
на запад держит. От стремительного бега лев зарыкал,
с вихрем снег стал падать, деревья ломались, морские
волны вздымались, бурили, выюга взвилась, кругом
выло и бушевало. В путь пустился!

Отец с матерью глядели на дочку свою: в путь
пустилась! Тогда сказали:

Ну, вот! Дитя наше, дочь, дитятко-дочь увез!
Не дав наглядеться на лик полного солида — увез!
Не дав запомнить облик отчего дома — увез!
Не дав проститься, не дав поплакать с родней — увез!
Почтенный отец-господин не вышел благословить.
Почтенная мать-госпожа не успела сказать: прощай!
Увез, повидаться с братьями, с девятью журавлями,
не дав.

Увез, побеседовать с сестрами, с восемью лебедями,
не дав.

До белого леса теснятся быстрые бегуны, —
Не выбрала белых себе, не выбрала лучших коней.
До черного леса пасется с крутыми рогами скот, —
Не выбрала видных себе, не выбрала черных быков.
В сумах хранится добро, — не тронула лучших одежд.
В амбара лежит серебро, — не коснулась звенивших
убранств.

Не нарядив, не убрав, ничем не украсив — увез!
Дитятко-дочь, услышь! Даруй! Ниспошли! Прости!
Коварные козни, заклятье на вас, — не касайтесь ее!
Несчастья — не нападайте! Лютое лихо — не тронь!
Дома, в дальнем kraю — пышноверхие жерди вбей,
Восемь опорных столбов крепко в землю утверди.
Важный священный огонь разожги, разведи, держи.
Будет нарядно жилье! Конский просторен двор!

Дымные юрты поставь! Пропахшие хлевы строй.
Так до старости будь! Рожай! умножай стада!
Конному лай ночлег, пешего приюти!
Краткое удлиняй! Узкое расширяй!
Дитятко-дочь-дитя! Прости! Даруй! Ниспошли!

Отправились. С выбоинами по печень, с кочеками
по колена, с ямами в рост человека, землю проехали.
Наоборот кружащегося, темной ночи неба землю
проехали. С ржавым солнцем, заячьему желудку подоб-
ным, землю проехали.

Говорят, та женщина, со стельками из трех зеле-
ных трав, с трехсаженными косами Юрюмэчи-Белая-
Бабочка-Красотка-Юкэйдээн-женщина, на пути сказала,
сон свой рассказывая:

— Ну, вот! Почтительное мое слово прими, заветного
моего слова не брось, последнее слово не оставь! Эту
ночь мне виделся сон: очень зловещий был! Ну, друг,
Эр-Соготох-богатырь! Верхние три рода,²³ очень
что-то, наклонясь, глядеть стали, а нечистое нижнее
племя поговаривать стало! Ты приедешь завтра к узлу
девяти дорог, к разделу восьми путей прибудешь,
к перехвату семи следов когда приедешь, — женщина
почетно встретит тебя и скажет: «Я — Акыма-Той-
она-Богатого дочь, имя мое — Нежная. Диля мой —
Эр-Соготох! Не ты ли приехал? В пути был, прого-
лодался, должно! В дороге был, пить, наверное, хо-
чешь! Ехал — устал, поди! Вот сливки молока моло-
дой кобылицы, вот превосходный кумыс. Насыться
перед отъездом!» О, не ешь, когда она потчевать тебя
будет! И краем глаза не гляди! Много муки изведе-
ешь: что ветлу гибкую скрутит тебя, в дугу согнет.

Что сказала жена, слово это — слышал ли, или
не слыхал.

Приехал к славному узлу девяти дорог, к разделу
восьми путей, к сближению семи следов. Глядь, —
стоит, серебристых соболей доху накинув, пятнистой
рыси шапку набекрень надев, колени свои птанами
лучших волчьих шкур охватив, серебристых соболей

задних лапок меха сапожки обув, о трех отверстиях пеструю гадальную ложку в руках держа; что озеро, чан кумысный налив; что лес, серебристых березок насадив, нарядные кожаные жбаны в ряд наполнив, заздравных кубков много приготовив; по правую руку девять молодых парней — девять резных кубков подносить им велено; по левую руку восемь девиц — восемь кубков держать им велено; что озера, блестящих серебряных тарелок наставлено, что поле светлый стол выставлен; восемьми отгулявшихся кобылиц вдоволь и сала и жиру наложено, цельная шкура белого коня на сиденье брошена. Такая женщина! И так сказала:

— Ну, вот! Дядя мой, Эр-Соготох, приехал! В пути человек проголодался, знать! — говорит. — В дороге человек — жажды его донимает, конечно! Едет — устал, наверное! Бежавшего настигала ты, врага преследовал, недругов губил, демонскую силу громил. Я — дочь Акымала-Богатого-Тойона. Я — женщина, Нежной называемая. Остановись. Отведай! — позвала.

Наперекор жене пошел Эр-Соготох; согласился отведать, на цельную белую конскую шкуру сел.

Загудело шумом в ушах у него, провалился на дно бездны, на семь саженей лед пробил. Падая, разбил вдребезги восемь ребер своих, ногу сломал, руку искалечил, и глаз один выпад — не знает.

Лежит он, говорят, — сверху плесенью на три пальца покрылся, внизу на шесть пальцев подгнил. Куда девалась жена — не знает.

Где холмы с дарящей вьюгой, где зияют огневым туманом реющие долины, где тиню покрыты черные парни и глыбами застыли черные девицы, где широкая, неколебимая преисподня, — туда женщину эту, Юрюмэччи-Белую-Бабочку-Красотку-Юкэйдээн называемую женщину, осьминогих чудищ-демонов сын унес, владелец Ледовитого Моря Железный-Джессин-богатырь. На середину Ледовитого Моря принес. Ввел в свой

дом из ледяных глыб, с дверью на крышу. Посадил эту женщину на железную подстилку, на железное одеяло, на тяжелую каменную подушку.

Абаасы пошел в чулан, взял в трех местах заплатанный серый тяжелый горшок, натолкал медвежьего мяса, поставил на очаг каменный, с двумя устьями — наперед и назад. Взял выщербленную миску и поломанную ложку. Листового железа куртку свою подобрал. На лбу у него пот стал проступать. Сидит, ест медвежатину. Кровавыми своими глазами исподлобья на жену посмотрев, сказал:

— Ой-ой-ой! Голубка, голубушка моя полюбила! В эту ненастную, непроглядную ночь полюбимся мы с тобою! Встряхни перину, выбей железное одеяло, положи подушки, постель скорее изготовь.

Медвежатину съел, жене ничего не дав.

Женщина приказа не выполнила.

Абаасы вскочил, женщину смял, насилино хотел положить. Женщина пышными своими серебряными пальцами, словно десяток горностаев в руках держала, оттолкнула его. Уронила слезы из глаз, как русский жемчуг, крупные. И слово сказала:

— Владелец Ледовитого Моря, Железный-Джессин-богатырь! О дружочек милый! О господин дорогой и друг! Эр-Соготох именем человек раньше тебя мужем моим был. От него я три месяца как беремenna. Не может в утробе женщины родиться ребенок от демона и от человека чистого мира. Надо отсрочить ночи, надо дни переждать.

Абаасы глухим голосом рассмеялся:

— Э-эр! Милашка моя! Что я могу знать? По крайности господина связка моего, Эр-Соготоха, ребенка ты мне на руки принесешь. Съем по крайности.

С женой своей не поспал, говорят.

Эр-Соготох на семисаженном, льдом покрытом, дне бездны лежит. От горемыки горе не отходит, не отходит от страдальца скорбь. Вот, лежа, глубоко

вздохнул из самой глубины недр своих. Затем, все лежа, сказал:

— Ну, вот! Вышли! На молочном озере живущий, с белым каменным подножьем. Белый-Творец-Тойон, дед мой! Солнце — глаз, серебро — переносье, кожаный мех — грудь, Ясная Почтенная Госпожа, бабка моя! Властитель рока, дед мой! Ясными, что солнце, очами зоркими взглядитесь! Вслушайтесь вашими чуткими ушами, полному месяцу подобными! Вникните, словно озеро, глубоким теменем проницательных ваших голов! Обманулся, поддался я! Лиху дал себя погубить! Чудице-Незримый притиснул меня! Принизилось высокое имя мое. Изгрызнилось белое лицо. Умираю я, богатырь. Сверстников поношеньем стал. Глаза заволокло слезами. Спасите мое дыхание чистое.

Тогда с четырех углов неба вышли, вздымаясь, облака волокнистые, и небо разверзлось.

Большие шаманки, три шаманки, с пышными шелковыми кистями, обвешанные золотыми пластинками, серебряными кружочками, с громадными, словно озера, белыми бубнами, с белыми мохнатыми колотушками, Владыки-Солнца дочь Кюегельджин-шаманка, Владыки-Месида дочь Ытык-Нуолур-шаманка, Белая-Айтальян-шаманка — три шаманки низошли, говорят.

Золотистого цвета восьмисаженнойю священною веревкою вытащили, говорят, сверху на три пальца заплесневшего, снизу на шесть пальцев прогнившего; омыли в молочном озере, что никогда пеною не заволакивалось. Потом положили Эр-Соготоха и с трех сторон около него стали, взяли свои, словно озера, громадные белые бубны, мохнатые колотушки взяли. Зазвенели золотые таблички, забились шелковые кисти. И запели:

— Ну, вот! Восьми божеств шаманки мы! Три года назад умершего исцеляли мы! Дитя наше! Эр-Соготох! К ясному солнцу твое дыхание чистое крепким арканом привязали мы! От грозящей тебе смерти спасли! До злобного наваждения удалили! Убежавшего от тебя настигли, ушедшего от тебя преследуй, иди

за врагом своим и сокруши его, недруга губи. Ниспошли! Даруй! Ниспошли! Даруй!

Владыки-Солнца дочь Кюегельджин-шаманка поплела, поворожила, Белая-Айтальян-шаманка святою властью насытила его, говорят. Эр-Соготох вскочил, говоря:

— Да никак это я уснул, друг?

Три большие шаманки восхлинули:

— Ах, ах! — и улетели на небо.

Эр-Соготох, надев свои серые лыжи, жену разыскивать едет. Вот женщина, что живет у чудища в доме, — исполнилось десять ее месяцев. Тогда, лишь абаасы ушел на промысел, женщина эта почувствовала роды и слово сказала:

— Ну, вот! У господина-отца праведного, у матери-госпожи Солнце-Глаз, кожаный мех-грудь — в усадьбе их когда вырастала я, когда с девятью моими, вольным журавлям подобными, старшими, братьями на милой земле жила, когда с восемью моими, лебедям подобными, старшими сестрами на светлой моей земле была, когда еще пасти чудища в удел не была я дана, не приходила еще в страну сына незримых, когда еще в нечистый дом не входила, когда еще в черную книгу не была вписана, когда наглой смерти еще не подпала, когда лютою гибели еще не касалась... О! мутится мой разум глубокий. Вступик я стала, находчивая! Силы падают у меня, крепкой! Задушевые подруги былых моих дней, прошедших лет! Владыки-Солнца дочь Кюегельджин-шаманка, Белая шаманка Айтальян-шаманка, Владыки-Месида дочь Ытык-Нуолур-шаманка! Отверстыми ушами вслушивайтесь! Вглядитесь, что ясное солнце, глазами зоркими! Вникните, словно озеро, глубоким теменем проницательных голов ваших!

Лишь сказала это, как с четырех углов неба прилетели четыре волокнистые облака. Небо словно разверзлось.

С золотыми табличками, с серебряными кружками, с кистями шелковыми, пышными, с белыми, подобно

озеру, громадными бубнами, с белыми мохнатыми кошутушками, три шаманки на кровлю дома демонова сына спустились. Сказали:

— Ну, вот! Молоком лосихи вспоенная, жиром лоси умащенная, лосиным мясом вскормленная, Юрюмеччи-Бабочка-Белая-Красотка-Юкрайдээн! Дитя наше! Не плачь, не горюй! Сейчас, — говорили они, — с золотистыми кудрями до плеч родится мальчик. Назови: не для земли, поросшей деревьями и травами, родившийся Басымджи-богатырь — так назови. Твое дыхание чистое этот ребенок спасет. Избавит тебя от злого, из нечистой страны увезет. Прости!

Улетели.

Сейчас же эта женщина оперлась на кровать и с криками разрешилась мальчиком с золотистыми кудрями до плеч. Ребенок заплакал.

А тем временем вернулся муж и бросился на ребенка. Ребенок меж пальцев проскользнул, убежал от абаасы. Промчались они вокруг очага. Ребенок вскочил на подстилку матери. Абаасы бросился схватить. Мать оттолкнула, упираясь руками в грудь, сына нечистых, мужа своего, и сказала:

— Ну, вот! По твоим словам, ты так именит, что конем до тебя доезжать надо, так славен, что дороги до тебя изъездить надо. По твоим словам, ты владелец Ледовитого Моря, западные силачи — родня твоя. По твоим словам, на востоке — твои тетки, а на севере — дяди. По твоим словам, имя твое Железный-Джессин-богатырь. Будешь ты поговоркой верхних трех колен-родов и басней станешь восьми нижних колен-родов: «Ест, скажут, от смази мокрых, от вод влажных ребят!» Пусть хоть пополнеет в руках, округлятся ноги, спина: все равно твой будет.

— Ладно, друг! — говорит. — И правда! Что я знаю, друг? Я только увидел, и хочется съесть. Разве я когда видел, как рождается ребенок? Ну, пускай пополнеют его руки, округлятся ноги. Пусть будет по-твоему!

Эта женщина перерезала пуп у ребенка. Потом положила сына с собой, дала ему грудь. Стал он де-

сятилетний. Стали белые руки, цвета лиственницы, если снять кору, стали ноги толстые, как срубленная лиственница. В плечах широкий стал — шести слишком саженей. С красивым перехватом стал о пять саженей. Выпуклые бока выдавались на три сажени. С громадным переносцем, нос — словно передняя нога коня. Круглые, большие глаза, как кольда узды. Несказанно красив лицом, мощного вида собою. Словом, лучший был из якутов-уранхайцев. Это девятилетний такой был!

Абаасы вскочил. Смотрит: у шеи матери лежит это дитя. На него набросился. Ребенок проскочил подмышками абаасы. Из ледяных глыб дома половину снесли и выскочили. Абаасы вскачь побежал за ребенком. Проступил пот у ребенка. Утомил его абаасы. Вот, вот нагонит. Стал кататься-валиться ребенок. «Мать!» — воскликнул. Когда позгал мать, абаасы взглянул на него. А ребенок, обернувшись лисенком, бежит к матери, слово говорит:

— Ну, вот! В самой глубине золотых твоих недр, близ заключенного в сумку владыки-сердца, дала ты гнездо, жилье и уют, десять месяцев проносила. Я пробылся, расширил недра твои, родился. В нечистом доме родила ты. Уже с рождения демона пасти я обречен, уже с начала жизни для чудища глотки родился! О ясная, читимая госпожа-матушка! Зачем меня назвали восемь божеств моих, зачем назвали не для земли, поросшей деревьями и травами, родившимся Басымджи-богатырем? Выль мне навстречу, правую грудь свою белоснежную вынь!

Мать навстречу ему на колени пала, правую грудь вынула. Сын начал быстро сосать. Когда сосал, много раз абаасы хватал его невпопад.

Убежал. Абаасы погнался. Опять утомил, настигать стал. Ребенок стал кататься-валиться; двуголовую Екекию-Птицею, с широкими крылами, оборотившись, полетел в широкое гулкое небо.

Когда улетел, абаасы от злости досыпал земли и сору напихал себе в рот. А сын к нему слово сказал:

— Ну, вот! Абаасы! Отец мой! Малого ты меня возрастил. Худого утучнил. Лучшими, спасибо скажу, угощениями угощал. У груди златой на руках лежеял. Смотри, не гневи почтенную госпожу, мою мать, никогда не будь вспыльчив с нею. А я приведу тебе белого, бодоганного коня из белых бегунов, что до леса белого добрели, — награжу тебя. Демонов сын! Отец мой! Прости!

Сказав, улетел.

Абаасы с корнем вырвал лиственницу, взял как посох. Пошел к жене.

— Пойду, съем белую белянку! Заночует в моем широком каменном чреве! Услажу мою знаменитую каменную глотку. Смочу мой жадный длинный язык! — говорит.

Услыхала женщина эта, издали слово сказала:

— Ну, вот! О старик мой, бедняжка! Железный-Джессин-богатырь, друг мой! О, как иззяб, замерз! Как отошел, изголодался! Варначий сын и сам варнак, сын плута и сам плут, собачий сын, собака! Молоко его пил, пил. После того, как ты кормил, поил его, чем только желал, он же и издевался, как рябая собака, и смеялся, как серая собака.

— Правда, так! Подружка моя! что ж она может сделать, милая? Варначий сын и есть варнак. Так разве она подстрекала? Сын плута — и сам плут, конечно. Так разве она учила? До чего я, бедняга, дешел! Раз у меня открылся рот, так уж и есть моего птенчика! Раз у меня выросло брюхо, так сейчас и жрать дружочки!

Тогда из ледяных глыб дома вышла ему навстречу жена:

— Эх, старик! Где это побывал, друг? Очень я тосковала, друг, по тебе!

— Ох, подружка моя, бедная! — сказал он и стал ее целовать и нюхать и размазал ей по лицу и сопли свои, и слюни.

Об руку пошли к дому. Войдя, пошел к поставдю, достал в трех местах заплатанный серый горшок, на-

толкал медвежьего мяса, налил рассолу и стал кипятить на очаге своем, с устьем наперед и назад. Сел у очага, захватил щербатую миску с ломаной ложкой. Едва закипать стала та сторона, что к огню, он уже ест.

— Ах! Друг, дорогая моя! Не жди от меня, что спать с тобою буду эту ночь! Очень устал я, друг! Засну я, — сказал.

Повалился навзничь на свою железную кровать, заснул. На обе ноздри захрапел.

Чуть за полночь послышался страшный шум.

— Что это? — воскликнул абаасы и вскочил. Голоногим, с выпущенными глазами, с вытянутыми плоско рогами, с вывороченными шишками на лодыжках, околдованным зверем Тугут²⁴-Теленком-Оленем оборотился и провалился сквозь землю.

У самых подопшив того, что стоял на дворе, вынырнуть головою было собрался. Но на дворе стоящий с криком: «Что это?» — почти на версту вверх подпрыгнул.

Абаасы в своем собственном виде выскоцил.

Смотрит: в чем мать родила, голый стоит.

Пристальней смотрит: это — не для поросшей деревами и травами земли родившийся Басымджи-богатырь, сын его, прибыл, стоит.

Басымджи-богатырь нечистого за загривок сгреб, вытянул по спине треххвостной железною плетью: до того хлестал, что выступили лоснящиеся сухожилья спины.

В то время прибыл на серых лыжах Эр-Соготох-богатырь.

Навстречу прибывшему вышла жена его. Из глаз ее падали, как русский жемчуг, светлые слезы, и плачала она, говорят. Выплакавшись, сказала:

— Ну, вот! О милый, друг мой! Не послушал ты заветного моего слова, добруму слову не внял, святого слова не принял, жадной пасти чудовища обрек. Потомок незримых угнал меня в свою землю, злобных сынов привел в дом свой! Как ветлу сырую свернуло

меня, как дугу согнуло от близости злого духа, заключенное в сумку, владыка-сердце мое, никогда не волновавшееся, взволновалось; никогда не трепетавшие, крепкие кости мои стучали от трепета; от губителя дрожало тело мое, от чудовища волосы дыбом становились.

Увидел отца своего Басымджи-богатырь:
— Отец! — сказал: — здравствуй! Чего же стоишь?
Увози жену. Я остаюсь с абаасы.

И еще сказал:
— Где вскормлен ты, в страну родимую поезжай!
Где создан, в усадьбу свою отправляйся! Где появился,
в добрую ту землю иди! Построй там чистый дом!
Священный огонь зажги!

Эр-Соготох взял жену свою, пустился прямо на юг. Басымджи-богатырь остался. Он хлестал нечестного, пока сердце и печень не простили, выпучась через ребра. Силы стали падать у абаасы, пришел день его смерти, упал он. Слово сказал:

— Смертный день мой настал, прикоснулся ко мне последний день мой. Ой-ой-ой! Дитя мое Басымджи-богатырь! Много я своего молока тебе выпоил, малого тебя возрастил! Станешь ты поговоркой у трех верхних колен-родов. У нижних восьми колен-родов посмешищем будешь. Ровесников своих поношением станешь. Скажут: «Басымджи-богатырь отец своего убил!» Тяжелы слезы мои! Тяжелы слова! Много грехов у меня! Черные вины на мне! Убьешь меня, — все мои грехи взвалишь на себя. Твой отец, Эр-Соготох, толковал про свое богатство. Так возьми меня в работники смотреть за конями, за коровами. Гнушею, кланяюсь! Колени сгибая, падаю в ноги!

Басымджи-богатырь поднял абаасы:
— И, вправду, очень пригоден сено косить или рубить дрова. Надо мне взять его в работники.

Абаасы давай кататься-валяться, оборотился ржавобурым быком, с отметиной на лбу, с одним единственным рогом. На него Басымджи-богатырь вскочил верхом. Трехвостною железною плетью по

спине вытягивая, погнал, прямо на юг пустился. От стремительности его забурлило, заволновалось море; непоколебимая преисподняя, как пловучий островок мха, заколыхалась; гулкое широкое небо задернулось густым дымом. В путь пустился.

Приехал в усадьбу Эр-Соготоха, отца своего.

Ровно озеро, заповедный чан выставили. Вырастили рощу серебристых березок. Вынесли ряды нарядных кожаных бадей. Груды резных заздравных кубков навалили. Пировали пышный кумысный пир, пили кумыс из молока первожеребных кобыл. В правой стороне юрты солового убили, против камелька белого повалили, в левой стороне — черного, у порога — светлосивого, в сенях — рыжеватого. Саврасых на скотном дворе уложили. Подрагивающий парень свежевал, пухлый рубил на части, шустрый в котлах варили. Отец с матерью вышли пир открывать. Сын на ржаво-буром оборотне-быке приехал. На чистом, светлехоньком, таком гладком, что обильного вихрями светлого неба граду не задержаться, на крепком царь-дворе, у главного столба коновязи, девятью резными узорами разубраниного, быка этого — самого абаасы хотел привязать.

Тут мать взглянула. Пролила крупные, словно богатый жемчуг, слезы. Выплакавшись, слово сказала:
— Ну, вот! Своими двумя, что полный месяц, круглыми ушами вслушайся! Что ясное солнце, глазами зоркими гляди! Ровно озеро, глубоким проницательной головы теменем вникай! В самой глубине златых недр моих, близ заключенного в сумку владыки-сердца моего, дала тебе гнездо, жилье и уют. Десять месяцев, пока, что вода, слабый, не окреп костями, носила я. И, пробившись через недра, родился. Молодком груди моей белоснежной вскормлен. Равняла тебя со зрачком глаза своего, с белизною моих зубов. Почитала тебя за отпавший комочек моего заключенного в сумку владыки-сердца. Зачем привел ты его демонов-губителей сына? Или хотел показать: не видела, мол? О чудовище! Как пугалось его мое сердце!

О явный негодяй! Как трепетало перед ним мое тело!
Убери, возьми его прочь!

Сын ее вскочил на ржаво-бурого, с отметиной на лбу, быка, отправился прямо на юг. Выехал в черный сушняк, еще никому неведомый, где черный ворон крячет. Соскочил с оборотня. Один глаз выбил обортню, восемь ребер растоптал, оттоптал ногу, руку выломал, — бросил. Пир месяцу и солнцу! Сказали и развеяли. Погиб абаасы.

Назад возвращался, — так бежал, что пыль из-под ног шла по верхушкам лиственниц. Прибыл к отцу и матери.

Девять суток, день и ночь, пировали пир, игры играли без устали. Тут-то женщины плясали! Тут-то силачи боролись! Тут-то скороходы состязались в беге. Тут-то искусники скакали на одной ноге, обгоняли друг друга! Девять суток, день и ночь, словом, пировали, играли. Голодный тут-то наедался! Отощавший тут-то отгуливался. Тут-то, вместо морщин, лоском покрывались лица.

А сын, Басымджи-богатырь, на дворе навзничь лежит, подпервшись руками в бока, нога на ногу положивши, в небо смотрит.

Вот отец с матерью выходят, выносят самые лучшие одежды, из отборных мехов серебристых соболей, пятнистой рыси, из прекрасного волчьего меха, из лучших оленых, из самых крепких лосьих шкур. Но не могут добиться одеть: не одевается сын — и только.

Переглянулись.

— Э! Смотри-ка, друг! В доме абаасы родившись, в уме тронулось наше дитя! — говорили друг другу. — Своенравный какой! — сказали. — Через край гневный человек! — заявили. — Словно сухожилья ему тянет! — заметили. — Словно жилы ему кто трогает! — молвили.

Пошли в дом.

Когда отец с матерью входили в дом, а сын лежал и смотрел, с четырех краев неба надвинулись,

вздымаясь, волокнистые белые облака, а небо распахнулось. На трех молочно-белых конях, с тремя серебряными жезлами, слуги Тойона, три белых парня, сказали:

— Ну, вот! Не для страны, поросшей деревами и травами, родившийся Басымджи-богатырь! Своими чуткими ушами вслушивайся! Что ясное солнце, глазами зоркими гляди! Проницательной головы теменем, ровно озеро глубоким, вникай! Доверенными вестниками прибыли мы. Нарочные послы мы.

«На молочном озере жилье его, что молоко, белое каменное подножье у него, светлым дождем жажду утоляющий Белый-Творец-Тойон, дед твой, говорит.

«Солнце-глаз, каждый мех-груль золотое переносе, Ясная-Почтенная госпожа, бабка твоя, говорит.

«Властитель рока, Великий-Тойон, дед твой, указывает.

«Небесный жеребец, Хаан-Джергэстэй-жеребец, был отцом его. Хранительницы, тетки твоей, главная кобылица на ее скотном дворе, плотная и приземистая серая кобылица была его матерью. С бурной гривой, с мятущейся чолкой, с хвостом, что вихрь, с тремя поперечными метками, неопытного ретивого Джабын-Тугуй молодого коня послали они. Это конь восемью божествами назначенно-посланный.

«Севши верхом на него, поезжай на восток. Материк-страну проедешь, сменится поросшее ветлами долиной. Материк-землю проедешь, тундра пойдет. Взятые припасы кончатся, надетая одежда износится, пока доешь до той страны.

«У того места, где широкое гулкое небо, как волнистые перья журавля, свисает вниз, а преисподня, как лыжи тунгуса, поднимается вверх, живет он, Джагалыма-Богатый-Господин именем. У него три красивые вотчины, красивые кони, коровы красивые. Девятым журавлем подобным, сыновей его младшая, родившаяся после восьми, с лебедями схожих, дочерей его; та, что считают зрачком глаз его, белизной зубов его, отвалившимся комочком его заклю-

ченного в сумку владыки-сердца; та, что жиром без мяса вскормлена, без молока сливками вспоена, что питается сердцем и печенью опойка-жеребенка, а пьет топленый жир, та, у которой нитки шелковые, а иглы серебряные, Ясная-Сияющая-Туналынгса по имени — женщина.

«Восемь божеств твоих здесь назначили. Властитель рока твой здесь указал.

«Тебе велено водрузить для лета четыре счастливые жерди с пучками ветвей наверху; установить для зимы восемь крепких опорных столбов, нарядный дом построить, священный огонь зажечь, до старости детей родить, до дряхлости скот водить, быть ночлегом пешему, конному приютом, голодному трапезой. Ни-спошили! Даруй! Прости! — говорят.

И ниспустился конь. Басымджи-богатырь вскочил на ноги. С буйной чолкой, с разметавшейся гривой, с хвостом, что вихрь, с тремя поперечными метками, молодой конь его, Джабын-Тугуй, ниспустился.

Схватился за недоузок — из солнечных был лучей. Поводья были сплетены из лучей месяца, с неба взята узда, потник из мха преисподней, седло — бугор небесный, из уст веяло бурей, и дым из ноздрей курился. Куски горячего железа извергал он, струей для закалки железа мочился. Такой конь! И у крюка седельной луки привешена ловкая, в тридцать пудов, плеть.

Басымджи-богатырь отрубил голову отцу быку Тойон-Тойболуну. Как с зайца, целиком снял с него шкуру. Раньше нагой, нарядился он в бычью шкуру: глаза к глазам пригнал, рот ко рту, уши к ушам. Из задних ног обувь сделал, из передних — рукавицы, из шкуры головы — шапку, из спины — кафтан. Прибежав домой, схватил с крюка висевшие лук и налучье отда, Эр-Соготоха, и пальму его.

— Ему, старому, уже не надо! — сказал и подвязал к боку коня.

Сел на небесный бугор-седло коня своего. С отцом и матерью остановился проститься и слово сказал:

— Ну, вот! О давший жизнь, почтенный господин-батюшка мой! О родимая ясная, почтенная госпожа-матушка моя! Что солнце, ясными глазами зоркими всматривайтесь! Что полный месяц, ушами вашими слушайте! проницательной головы теменем, ровно озеро, глубоким, вникайте! Настал мне час сдружиться с дарь-дорогою девяти высот. Отправляюсь я в путь, где близко сойтись придется с дарь-путем восьми горных проходов. Еду изведать глубину бродов грозной пучины. Еду восходить на подъемы крутых гор. Еду, чтоб довелось мне установить для лета четыре жерди, с пучками веток на концах, а для зимы — вклюстить восемь опорных столбов. Еду построить уютный дом. Еду, чтобы пао на долю мне зажечь священный огонь. Еду, чтобы дала мне судьба родить до старости детей. Водить скот до дряхлости еду. Отец и мать, простите!

Схватил тридцатидневную плеть, пробивал круп коня, на восток направляя.

Изо рта коня сильной бурей веяло, из ноздрей курился дым. От стремительности его волновалось, бурлило море, крепкие деревья ломались, с вихрем снег стал падать, и лев зарыкал. В путь пустился.

Кончилась материки-страна, сменилась поросшей ветлами долиной. И кончилась материки-земля, тундра пошла.

Ехал он по такой стране, где ямы по глаз человека, выбоины по печень, а кочки по колена. Солнце там наоборот вращалось и всячье восходило. Стояла не-проглядная ночь.

Проехал эту страну, выехал по ту ее сторону. Он доехал до того места, где гулкое широкое небо свисает вниз, как перья журавля, а преисподняя загибается вверх, как концы лыж тунгуса; он прибыл во владения Красивого-Богатого-Тойона, с красивыми конями, с красивыми коровами.

И вот видит он, что солнце здесь никогда не заходит, месяц всегда без ущерба, кукушки никогда не перестают куковать, трава никогда не желтеет, деревья

не валятся, вода не убывает, не улетают гуси, не бросают гнезд журавли.

Бесчисленная птичья тварь, найдя тучное, мягкое гнездовье, блеском кроет ряды нанесенных красивых яиц, а суетливые, хлопотливые звери в крепкой, светлой стоянке выводят потомство.

Тут вздигнуты громадные конские дворы, извилистые веревки для привязи жеребят протянуты, тесно настроены дымные конские загоны, жмутся друг к другу пропитанные потом коровы хлевы, раздается ржанье плодовитых кобыл и мычанье молодых коров. Такая страна!

Увидел он, наконец, белый пышный уют Красивого-Богатого-Тойона. Заблистала золотая юрта.

Восьмиразвилристое священное дуб-дерево в пышной красе растет среди угодий. Корни его дотянулись до Ситхи, сучья до моря дошли, ветви до реки Таатты. Кора на нем черненого серебра, белого серебра береста, золотая заболонь на нем, крупного серебра шишкы, листового серебра листья. Такое, красунись, дерево растет.

К подножью его подъехал рысью Басымджи-богатырь, с коня соскочил.

Он зажег такой огонь, как жертвенный костер могучего шамана. И огонь стал пожирать священное дерево-дуб.

Стадного их жеребца, важного Хаан-Джарылык-жеребца блистающего на вертел насадил он. Главную кобылицу скотного двора, приземистую, коренастую, серую их кобылицу на вертел насадил. Племенного быка, Тойон-Тойболун-быка, на вертел насадил. Лучшую из коров, в хлеву непрестанно содержимую, на вертел насадил. И лег он спиной к разведенному им огню.

— Такой человек прибыл! — домашние говорили отцу: — гибельный человек! Восьмиразвилристое священное дерево-дуб наш скжег!

— Э, парни! — сказал отец: — пусть поведает он про свою родную страну. Назовет пусть имя давшего жизнь отца. Вскормившей матери имя скажет. На

прыткой лошади можете доскакать, — имя его поезжайте узнать. Дорогами можно доехать, — славу его разведайте. С голоду помирая, что ли, алчный, он это на еду накинулся? Поезжайте, спросите.

На девять, что молоко, белых коней вскочили девять красавцев-парней. Прибыли к этому человеку. А он, насадив на четыре вертела мяса, два из них поворачивал.

Все девятеро на конях своих, поспнев, остолбенели, увидев этого человека. Кругом шагом обхехали. И ни одного не нашлось с ним заговорить.

Повернули назад. Приехавши, отпустили на дворе своих коней. Все девятеро рядом сели на правом прилавке. Отец их слово сказал:

— Парни! Что? Расспросили имя отда его? Что, парни? Имя матери его разузнали? Самого его разведали, как зовут? Зачем человек этот прибыл?

— Ах, почтенный государь-батюшка! И черный глаз не видал такого, и плоское ухо не слышало! — говорят: — И не знали мы, абаасы ли это, или человек чистого мира. Не то, что спросить, — не подходили мы близко.

Отец на это сказал:

— Черные собаки! И здесь, и вдали всюду бродите, состязаний да подвигов ищете! Не потомки мои вы, а выродки! Немного дней переди меня, а далеко ушло, что прожито! Старуха, вели внести ту одежду, что я в молодости надевал.

Старуха велела принести из амбара его одежду.

Накинули на него серебристых соболей доху, пятнистой рыси шапку набекрень надели, лучших волчьих шкур штаны пятачили, серебристых соболей задних лапок меха сапожки обули. С двух сторон поддерживали. И нетвердо старик пошел. Но не мог выйти на двор: очень уж тучный был! Жир около сердца душил старика.

— Ну, голубчики! Если одолеет тот человек, пусть одолеет! Если обгонит, пусть себе! Введите меня в дом! — говорит.

На резную новую деревянную лавку, что высилась, как крутой склон каменистой долины, посадили старика. Нет человека, чтоб пошел поговорить с Басымджи-богатырем.

И вот бубенчик коровьего хлева, звонок на палке над яслими, знакомка конюшни, с красной меди глазами, как зимний на ущербе месяд, служанка-старуха, — в кафтане, в девяноста местах прогнившем, из шкуры щедливого теленка, в корявых штанах, в дыбом стоящих натаznиках, в сапогах лыжами, с почерневшей железной лопатой, — такая из хлева вышла. Хватилась руками о левый выступ печи.

— Ну, мать! отец! — сказала. Сто лет исполнилось мне, до помраченья состарилась я. Восьмидесяти лет до изнуренья стара я стала. Три людских века проживши, захирела совсем я. А видела из трех верхних колен-родов и лучших и дрянных. И из нижних восьми колен-родов именитых видела я. Пойду-ка, разведаю. Выспрошу, как зовут давшего ему жизнь отца. Услышу имя матери его, узнаю имя его самого. Ходила я к именитым чужестранцам, — не пойду разве на что бы там ни было?

Побежала впринцыкку к своему прилавку, отвернула одеяло из восьмидесяти полинялых жеребячьих шкур, половинку ржавых ножниц взяла, заткнула слева за голенище. Из широких сеней выскочила на крепко убитый двор.

Стала кататься-валиться: оборотилась в бурью бесхвостую, безрогую жертвенную корову. Во всю мочь бежала; прибыла к этому человеку.

Не смущилась, не оробела — не то, что те парни.

От восьмиразвилистого священного дуб-дерева обуглившийся пень только стоял. На него она положила левую щеку, потерлась. И слово сказала:

— Ну, вот! Наверху есть Грозный-Дородный-Тойон. У него люди спотыкаются, скот пятится назад; чванливый, слышино; холодный дом у него и драчливые парни. Не из тех ли ты? А то еще в непоколебимой преисподней, о семи подпорах, о девяти трубах,

о трех дымоходах, Арсаан-Дуолан-старик хозяйствничает и стал там отцом вялых, сонливых восьми колен-родов. Не из того ли ты племени? Или ты из той страны, где валится отборные деревья, где солнце восходит и заходит, где вода убывает и прибывает, где красуется и блекнет трава, — здесь, в среднем мире, в заповедной земле-государыне произошел ты, родился? Назови давшего тебе жизнь отца! Вскормившей тебя матери имя скажи! Откуда кровь твоя? Чьей утробы ты человек? Поведай про твою родную землю. Я пришла сюда доверенным гонцом, нарочным послом пришла я! Красивый-Богатый-Тойон, о трех красивых урочищах, владеющий красивыми конями и красивыми коровами, господин-отец мой, говорит: разве безвыходно обеднев — на скот позарился, удрученный нуждою — на добро надеясь, пришел он? Или до крайности обнищав — на одежду загляделся, или до смерти отошав — на еду алчный, пришел?

Басымджи-богатырь поднялся и сел. Что узечные кольца поводьев, круглыми большими глазами повел в ее сторону. И сказал слова:

— Ну, вот! Дева! Старуха! О трех красивых урочищах, с красивыми конями, с красивыми коровами Красивому-Богатому-Тойону доверенным вестником будь, нарочным послом! Отец у меня — Эр-Соготох по имени; он домом жить стал в схватки былых времен, родился в деяния древних лет, вскормлен в смути старых годов. Мать моя Юрюмеччи-Бабочка-Белая-Красотка-Юкэйдээн называемая женщина; она Медного-Праведного-Тойона дочь, она вскормлена лосиным молоком, костным лося мозгом умащена; у нее стельки — три зеленые травки, коса у нее в три сажени; с трех долин лучшее приносили, холя ее. Оттуда кровь моя! Я же не для края, поросшего деревами и травами, родившийся Басымджи-богатырь. Я из славных стран, путь высматривая, прибыл. Из далеких знаменитых земель, имя называя, весть выпытывая, появился. Меня послали восемь божеств и имя назвали. Госпожа-Хранительница, тетка моя, послала

и говорила. Властелин рода, Владыка, дед мой, послал и указал. Ту, что моложе девяти сыновей, вольным журавлям подобных, ту, что родилась позже восьми дочерей, статных, как лебеди; зрачок глаза его, белизну зубов, отпавший комочек владыки-сердца, без мяса жиром одним вскормленную, без молока сливками вспоенную, опойка-жеребенка печенью и сердцем питаемую, с шелковыми нитками, с серебряными иголками, с десятисаженою косою тонкого гладкого серебра, женщину, Ясное-Солнце по имени, дитя его, пришел я взять. Не отдаст, — погашу его священный, важный огонь, разломаю нарядный дом, помрачу светлое небо, развею усадьбу, туманом подниму ее, росой разбрьзгаю. Самого его распластую, усажу на смертного коня, в смертные одежды одену. Даст — возьму, и не даст — тоже возьму. А миром так не уеду.

Корова домой отправилась. На том дворе, где светлого неба, обильного вихрями, граду задержаться негде, каталась она и валялась: опять стала сама собою старуха-служанка. Распахнула гулкую крепкую дверь, что семи человекам не открыть, и стала, опершись о левый выступ камелька, и слово сказала:

— Ну, вот! Почтенный господин, отец мой. Солнце-почтенная госпожа, мать моя! Девять, вольным журавлям подобных, парней — сыновья мои. Восьми статным лебедям подобные девушки — дочери мои! Слушайте! Глаз мой черный еще не видывал такого человека! Плюсое ухо не слыхивало! И про родину его я допыталаась. И имя его земли выведала. И сказал он мне, кто вскормившая его мать. И свое имя назвал. В смуты старых лет вскормленный, в битвы прежних времен на жилье осевший, говорит: в деяниях былых годов рожденный, говорит. Эр-Соготох называемый, говорит человек, — вот его отец. Медного-Праведного-Тойона дочь; Юрюмэччи-Белая-Бабочка-Красотка-Юкэйдэн женщина — вот, говорит, его мать. Я, говорит, Басымджи-богатырь, что родился не для земли, поросшей деревами и травами. Я, говорит, пришел из дальних стран, высматривая. Я, говорит, из

знаменитых земель прибыл, имя называл. Восемь божеств моих назначили, говорит; Властитель Рока мой указал; Хранительница моя послала. Я прибыл, говорит, взять дитя ваше, именем Ясное-Солнце. Миром не отъеду я, говорит: даст ли, не даст — возьму, говорит.

Старик сказал:

— Если Властителем Рока указано, — как не отдам? Набросив духу серебристых соболей, набекрень надевши пятнистой рыси шапку, лучших волчьих шкур штаны натянувши, задних лапок соболей серебристых сапожки обувши, громкоголосый, бородатый, скок собою, почтенный старик вышел.

От него налево, как снег беловолосая, дородная, почтенная женщина встала: на ней накинута серебристых соболей доха, набекрень пятнистой рыси шапка надвинута, лучших волчьих шкур штаны натянуты, серебристых соболей задних лапок сапожки обуты; с тремя отверстиями узорную гадальную ложку держала; вокруг нее восемьдесят слуг стояло.

Девяти парням наказано было подносить девять резных больших кубков: налили молока первожеребой кобылицы, сдобрили желтым маслом — кусками с утиное яйцо.

Восьми девицам велено подносить восемь увитых гривою кубков: кумыса молодой кобылицы налили, сгустками белых сливок, крушими, как яйцо чайки, сдобрили.

Ясное-Солнце-девушке выйти велели: через платье тело виднеется, через кости — мозг костей. Как войдет она, мрачный дом светлеет, светлый — сияет. Такая девушка!

Басымджи-богатырь увидел ее. Схватил свою тридцатицудовую, дешкую плеть, до крови исхлестал коня, вихрем понесся. Проезжая, схватил Ясное-Солнце-девушку, на коня бросил, помчался прямо на запад.

А старик со старухою говорили промеж себя:
— Да что ж это за беда такая, друг? Да ведь это, друг, прямо на глазах упустили дитя свое?

— Гляди, и слова не скажет человек! — говорили.
— Гляди, ни скота, ни кушаньев ему и не надо, —
говорили.

Вслед дочери благословляли с такими словами:
— Дитя наше! Как доедешь, па лето четыре с пучками
веток наверху жерди воздвигни, а па зиму восемь тол-
стых, крепких столбов установи, построй нарядный
дом, зажги домашний огонь, просторный, крепкий,
конский загон огороди, развеси извилистую веревку,
хороших жеребят привязывай, тесно строй едко пах-
нущие конские дворы и ряды прошитанных потом
хлевов для коров воздвигай. Пусть в уюте живут по-
рожденные тобою дети, а водимый тобою скот в
оградах стоит. Ниспошли! Даруй! Прости!

Басымджи-богатырь в путь пустился. От стреми-
тельности его морская вода вздымалась и бушевала,
ледяная метель настала. В путь пустился!

Когда приехал в свою восьмибодную, восьмикрай-
нюю зеленую, цветущую землю родную, то там Эр-
Соготох, отец его, и почтенная госпожа-мать его вы-
несли, что озеро, громадный, ясный, белый чан, словно
рощу березовую, золотистых березок насадили, наряд-
ные кожаные бады в ряд поставили и рядами же
поставили увитые гривою кубки, множество резных
заздравных кубков грудою наложили. Сиденье покрыли
цельно белою конскою шкурою.

Что поле громадный, стол-лабаз выставили, что
озера громадных, блестящих серебряных блюд наста-
вили, а на них положили и жиру отборного и толстого
сала. В доме на правой стороне серых свалили, в
красном углу белых множество положили, на левой
стороне черных распластали, у входа буланых разло-
жили; саврасых на скотном дворе уложили.

Пухлый парень рубил на части. Подрагивающий
свежевал. Шустрый в котлах варил. Посыльный косно-
язычный парень гостей созывать отправился.

Поводья приняли, с коня сойти помогли.

Девять дней и ночей великолеое пиршество пировали.
Исхудавший тут жиру нагуливал, отощавший тут

наедался. По меткам скакать на одной ноге тут ска-
кали. Неуклюжий силач тут боролся. Женщина тут-
то плясала!

Девять дней и ночей праздновали.

На лето четыре маxровые жерди уставили, на
зиму восемь крепких столбов воздвигли.

И вот, гляди, нарядный дом построили. Огонь-
домашний, гляди, зажги. Гляди, конский двор крепкий
огородили. Гляди, веревку извилистую повесили. И
добрых жеребят водили. Едко пахнущих конских
дворов тесно наставили. Пропитанных потом коровьих
хлевов рядами настроили. Рожденный ребенок нашел
уют. Накормленный скот в ограду стал. Ночлег на-
шелся для пешего. Конному дали приют. Богато,ши-
роко зажили.

Сказкою стала, поздних потомков песнею стала
эта страна.

ДВЕ ШАМАНКИ

Были, говорят, две шаманки. Старшую звали с-девятисаженными-косами-Уолумар-шаманка, младшую — с-восьмисаженными-косами-Айгыр-шаманка. Что до земли, где они жили, — ликовали там крылатые, шумели четвероногие, зимы не знали, стояло всегдашинее лето; в такой стране, говорят, они жили. Что до дома, где они жили, — был он с тройным потолком, в девять рядов был у него крепкого дерева пол, в семь слоев лиственичные стены; в стенах — по сорока окон; жаркая-важная печь, что стоячей горой стоймя встала. Печь — крупного камня, с девятыю обшивками; как большое озеро, светлый шесток у нее, лежмя-легли закроймы, — пыль к ним не пристанет. В переднем углу сплелись-раскрылись чуланчики, встали резные, задающие загадки скамьи; скрутилась-выросла пятерная узорчатая красная лавка. Навесилась семью большими медвежьими шкурами обитая плотная дверь, порог — крепкого камня, в три обшивки. По воле своей возникшие, встали шумные сени, а в них, по своей мысли выросшие, двери со звонцами, с толстого дерева засовом.

Чем только пожелают, изобильно богатея, жили вдвоем: больше никого у них не было. Как раздуются ноздри, говорят: «Верно, светает»; как глубоко вздох-

нется: «Видно, солнце показалось», скажут. Прямо с подушки нахмутившись, прямо с постели припекалившись, прямо с кровати разгневавшись, — только вскочат, бывало, и бегут умываться черных глубин водою, обмываться лазурных глубин водою; прибегут домой, по своей воле забродившим крепким кумысом глотку освежают, по своей мысли готовым свежим кумысом печаль разгоняют, восьминожный стол поставят, толстым шейным жиром, толстым брюшным наедятся, выбегут, побегут.

Побегут в свое для игр поле; ту брезу, что ловить-играть, ловили; ту лиственицу, что пинать-играть, пинали,¹ на то, что подскакивать-играть, высокое дерево подскакивали; на поляне, что прыгать-играть, прыгали; на той лужайке, что на одной ноге скакать-играть, на одной ноге скакали, на сухом лужке, что в зайцы играть, в зайцы играли; на тех каменных горах, что в олени играть, играли в олени.² А потом, бывало, домой бежали, вскакивали, кафтаны свои и дохи надевали, пальмы да налучья опоясывали, выбегали. Двух коней своих — именем Щебечущие-Подорожники — звали-приманивали, — и, как тетерев сверху падает на березу, так без промаха на коней верхом прынув, ехали на восток. Ту свою сторону, где впервые в пеге свет увидели, где отгулялись-окрепли, тот родимый край, словно дно кожаного меха, объезжали широкою, длинною тропою; близкий лес вершинами долу склонялся, в дальнем листва гулко шумела, трещал дремучий лес, сухостойный ломался, — так неслась они; доскаакав до росшего среди земель их священного дуб-дерева — обители духов, трижды его объезжали. Тогда отправлялись домой, соскачивали с коней у коновязи своей о девяти перехватах. Там, где вешают налучья, там вешали луки и налучья; по двору такому, что граду негде удержаться, ищею не за что уцепиться, по такому гладкому двору своему, заложив руки за спину, взад и вперед прохаживались; потом, подбоченившись, глядели одна на другую. Да, подбоченившись, говорили, бывало:

Разве нас силач искалечит?
Или имеющий ребра уронит?
Сквозь ресницы глядящий поборет?
Сверху низвергнется — вверх отправим,
Снизу появится — вниз загоним!
Там, где великий шаман родился,
У подножья трех темных деревьев,—
Там колыбель и родина наша.
Те, что машут огромным бубном
И колотушкой, кряхтя, колотят;
Те, у кого голова трясется,
Три души рассыпаются прахом,
Тело отбрасывает три тени,—
Люди земли, урянхайцы, якуты,
Их шаманы и их шаманки,—
Не победят, не сравнятся с нами!
Нас в этот мир спустили, согнали
От владыки вышнего мира,
Спереди косы по грудь висели,
Сзади до пояса ниспадали.
Мы обернулись в белых кобылок
И спустились в мир этот чистый,
К лесному озеру-колыбели;
Задние ноги разили, как копья;
Крепко били копыта передних.

Так говоря, входили в дом.

Старшая сестра, Уолумар-шаманка, в переднем углу спала, а младшая, Айгыр-шаманка, спала в красном углу.³ Так легли спать. Кошмар стал давить младшую сестру, и заговорила она:

— Ах, что это? что это? что это?

Сразу вскочила с лавки и села, голая, лишь в настенниках. А старшая сестра, — и раньше не спала, прислушивалась, — лежит да смотрит, подперши щеку рукою. Потом спросила младшую:

— Что это такое с тобою?

На то младшая сестра:

— Ах, тetenъка, сказать, что ли? — молвила. — Гляди,

за доброе предзнаменование сочи! — сказала. И открыла, что ей привиделось.

Грезилось мне, что вдвоем с тобою,
Сплюсь, что вдаль верхом мы мчимся;
Конь — Шебечущий-Подорожник —
Вскочь под каждой из нас несется.
Снилось, что встали мы у подножья
Восьмиветвистого дерева-дуба
И под священной стоим защитой.
Стоя, слышу страшные звуки:
Завыла с запада грозная буря;
Полосатое облако, вижу,
С запада мчится с мычаньем к дубу;
Вижу — бродячей дырявой тучей
Плач и горе ползут с востока;
С севера облачная громада
С тяжким грохотом подступает,
И пылает облако с юга —
Огне-желтое, словно охра,
Злобно каркая по-вороны;
Низкое облако над головами
Молоком упруго сочится,
Как тугодойной коровы вымя
И длиннее лесной елки,
Черное облако распростерлось.
Все облака над нами сгрудились.
Вдруг расселось черное с громом,
И к подножью священного дуба
Осыпиной железной кобылой
Пала душа его громовая.
По земле покаталась кобыла
И разродилась яйцом зеленым,
Так — с полстога величиною;
Тут же на восемь частей распалась,
А из этих частей явилась
Верблюжат железных восемьмерка
И на восемь небес разлетелась.
А яйдо, рожденное ею,

Чуть подрагивая, лежало.
Тут, мне снилось, ты приступила
И разбила его пальмю.
Из яйца возник абаасы,
Отвратительный и ужасный.
Левый глаз он таращил в небо,
Правым — вниз потуился злобно;
Как селезенка, язык зеленый,
Так — в полторы маховых сажени;
Слизывал тоже зеленые сопли,
Что висели из страшного носа,
Словно худые заячьи шкуры.
Двинул бровями — словно медведи.
В драке сцепились друг с другом ногами.
Глазом мигнул — застучали ресницы,
Словно кованые долота.
Капли гноя, так — с куропатку,
Он размазывал тенью — лапой.
Песню запевши, сидел в раздумья.
«Буяйданым!» — бубнил потихоньку,
«Даяйданым!» — долбил, повторял он.
И, наконец, провещал словами:
«С раннего утра, еще с потемок,
Ехал я, ехал, блуждал, блуждал я.
И, наконец-то, достиг приюта.
Вот уж осяду на ваших землях,
Вот теперь-то войду я в дом ваш,
Вашим огнем-то погрею спину!»

На этом кончила девушка, рассказала сон. Старшая сестра вскочила, села на лавку, достала из чуланчика боевые замшевые натазники, надела, сильно ногами топая, побежала в левую половину дома, отперла замкнутую кладовку, взяла свой бубен, облачилась. Видевшая сон девушка сидела и глядела на старшую сестру в шаманской одежде.

Как чугуны, бились друг о друга, бряцали бубенцы; как кости большой птицы, звенели «сосульки»; словно озеро, сверкал круг на спине каftана; «стерхи»⁴ по-

стерхиному звенели, наплечники ревели, шелковые кисти по коленям бились, канфовые⁵ кисти кругом рук оплеились; с звонцами громадный бубен, ровно бык, замычал; колотушка поперек бубна по-волчьи завыла, и зазвенели медные звонцы на нем, ростом с большую лопату. Закружилась, расходилась шаманка, отмахнула передние волосы вверх, уронила на лоб задние волосы и сказала:

— Еще не видал мой всепроницающий глаз, а ты уж увидала, — сказала. — Еще и не слыхало мое чуткое ухо, а ты уж услышала? — сказала.

Инуvии ногою, дверь отворила, вышла, у главного столба коновязи умело стала камлать.

Младшая сестра оделась в свое платье, вышла следом за нею, стала, прислонившись, у двери сеней и лумала:

«Как-то поступит старшая моя сестра? Сверху спавших, верно, вверх прогонит, снизу вышедших, видно, вниз спровадит» — так думала.

А Уолумар-шаманка трижды обернулась вихрем. Как нивесть что носилась она, кружилась и заклинала. День стал тьмою: такое черное облако все покрыло; это облако, словно шкуру черного жеребенка, на куски она разорвала; и куски, с черной собаку ростом, разбросала-разметала по свету. Буря настала сильная: глиняные горы ломались, каменные горы валились; с запада пал большой снег; глубиною по горю быстрому коню, задравшему голову, по грудь молодому коню выпал снег; и очень скоро с запада разъяснило, словно распостерлись крылья лебедя; а тогда большая выюга настала и гололедица; ветер был очень холодный; бегающие звери, скот, — все занесены были снегом; а пернатые не могли летать. Тогда младшая ее сестра, Айгыр-шаманка, глядя на это, заплакала и сказала своей старшей сестре:

— Горе, ах, горе мое! сестра моя! ты же сама знаешь: грезила девчонка, что бессловесней рыбы, яйца тупея! А теперь что ты делаешь? — говорила. — Созданных Белым Творцом пернатых и четвероногих,

землю нашу, желтые наши березы у кумысного меха,
глубокий наш кумысный жбан, белые и черные наши
стада — почему не пожалеешь? Ах, делай, что знаешь! —
так сказала и с плачем вошла в дом.

Тогда та, что камлала, трижды против солнца обернулась; и снег растаял, на их землях заликовали пернатые, заревились четвероногие, стало — как раньше. Кончила камлание, в дом вошла. Ни младшая сестра, ни старшая не поминали больше об этом; жили — как раньше.

Вот однажды, по обычая, обе выехали верхом, осмотрели скот свой и приехали к священному дубореву. Вот приехали, остановились, — и, как видела во сне младшая сестра, Айгыр-шаманка, так как раз и стало. Так стало, как видела раньше во сне: нала железнная кобыла, породила большое яйдо и улетела, как улетала раньше; порожденное ею осталось. Тогда старшая, Уолумар-шаманка, подошла:

— Это что? — говоря, своей громадной пальмой яйдо разрезала, и стоят они обе, смотрят.

Вот стоят, смотрят, и, как раз такой, абаасы-демон выскоцил и сказал:

— Ой-ой! Недаром вы так славитесь! Должно быть, вы вышли принять поводья моего коня! — сказал он. А потом захлопал в ладони, расхохотался и сказал: — Девка! Айгыр-шаманка! Ты оставайся на своих землях, в твоем нарядном лому, и никому в обиду не давайся. А мы, я и старшая твоя сестра, вдвоем отправимся в путь, — сказал.

Взял тогда коня Уолумар-шаманки за повод, намотал повод трижды на левую руку, повел коня, а сам пеший пошел на запад. На ходу сказал женщине:

— Про ту страну, откуда я поднялся, про ту страну, откуда нарочно отправился, про высокое мое имя, про славных моих предков расскажу после, на просторе: теперь недосуг. Ну, пойдем: что тут толковать? Далейший путь! — сказал и пошел дальше.

Видя это, Айгыр-шаманка подумала:

«На этом белом свете никогда не думала я, что раз-

лучусь со старшею сестрою. Горе мне! что это стало с со старшей моей сестрой, Уолумар-шаманкою! Ведь просто улететь могла бы, и то бы ушла!»

С этими словами она отпустила коня, тряхнула головой, сбросила шапку, закружилась вихрем. Потом надела шамансскую одежду, в вихре принесла рыжего беломордого жеребца, на желтом с белой вершиной мысу, с тремя перехватами, священный жертвенный столб ⁶ вкотула, девятисаженную ленту ⁷ высоко протянула, стала камлать вслед ушедшем и так молила:

Дедушка, светлый Тойон-Владыка!
Самый зоркий из тех, что видят!
Самый чуткий из тех, что слышат!
Не говори про мои заклятия:
«Вот по-птичьи трещит чечетка,
Празднословий пустых певунья,
Чешет красный язык девчонка!
Ну, и смел же — перечить чарам!»
Не говори так, светлый Владыка!
Я — великих велений шаманка!
Вникни в заветные заклинанья!
Вслушайся в силу стенаний скорби!
Глянь на высоко простертую ленту!
Жертвенный столб осени дыханьем!
Разожми схватившую руку!
Дедушка, ты — Владыка наш светлый,
Пали мне в руки твои напасти,
Путь я меняю твоим затеям!

А демон, услышавши эти слова, взглянул на жертвенный столб, потом пугнул жеребца; жеребец убежал, абаасы пошел своею дорогой.

Айгыр-шаманка подумала:

«Обозналась я, невипад заклинала конем; думала — сверху ниспал: видно, снизу тот абаасы вышел» — подумала так.

Отправилась в путь. Едани кончились — пошла мелкая поросьль, сенокосные места кончились — тундра

пошла, вместо земли — овраги, болотца, кочки; в страну, где лягушки с грудного ребенка, — в такую страну прибыла. Туда прибыв, криком вызвала черного беломордого быка, вкотолила жертвенный столб, протянула высоко ленту, к столбу привязала быка и опять заклинила абаасы. Зажгла большой костер, девятибодный крепкий котел вскипятила, четырехножный массивный жертвенный столб поставила и стала навстречу ему заклинать:

— Я пригнала тебе ломающего громадное, в горный проход не проходящее, роговое ярмо Бухар-Джолую, — сказала.

Явился абаасы, быка ее избил и прогнал, и пошел своею дорогой. А Айгыр-шаманка покаталась и, обернувшись быком с одним полуторасаженным крутым рогом на лбу, с восемью в кулак величиною ногами на брюхе, с девятисаженным извилистым хвостом, гибельной гибели быком обернувшись, пошла навстречу абаасы; только лишь тот пришел, — в самую середину печени хватила его своим рогом.

Тогда тот оборотился в такого же точно быка и подставил ей рог; сцепясь рогами, три дня и три ночи бодались они; все деревья совсем истоптали. В это время Айгыр-шаманка увидела старшую сестру: конь ее взобрался на травяную гору и ходит, траву ест, а сама старшая сестра дремлет на коне, покачивается. Увидев это, быком обернувшаяся женщина тут же, где стояла, на том самом месте, оборотилась в длинный железный шест и ушла в землю; потом оборотилась в недобрую железную рыбу и пошла кругом земли: с ртом на шее, с глазами на затылке, нечистые рыбы нижнего мира вверх вынырнули; и вот кругом земли пробежала шаманка. Абаасы на западную сторону побежал — запад накренился, на восточную сторону побежал — восток накренился, на южную сторону побежал — юг накренился, на северную сторону побежал — север накренился; и вот абаасы в нижний мир совсем провалился. Она взяла коня своей старшей сестры за беший его повод и, взяв, привела домой. Привязала коня

к своей коновязи, вошли они в свой дом. Войдя, разговаривали:

— Тetenъка, что это стало с тобою? — сказала Айгыр.

Уолумар-шаманка сказала:

— Совсем ничего не помню, девушка! — сказала.

Поели, как обыкновенно. Когда уж спать собирались, из печки их тот абаасы выпел. Выйдя, сказал:

— Я говорил, что путь далекий, чего же сидишь? — сказал.

С такими словами схватил ее за руку и вывел; выйдя, посадил на коня верхом; за трехсаженный повод, намотав его на руку, повел, пошел. Айгыр-шаманка ничего уж не может поделать: чары ее кончились. Обернулась соколом золотоязыким — граненый клюв, ободки на глазах, откинута шея, цветные лапы, желтые голени, златоглавые когти, узорчатые ляжки, хвост дугой, черненого серебра края крыльев; спереди посмотреть — прямым-примехонек, сбоку посмотреть — статным-статен, сзади посмотреть — спина крутым-круто согнута, — таким-то соколом оборотилась теперь Айгыр-шаманка. Полетела следом за старшей сестрой, под самым небом, над блестяще-белыми облаками вовсю сестре полетела. Летит, плачет; заветные слова выговаривала, рыдает.

— На белом свете одинокой остаться не думала я! — говорит. — На божьем свете с старшей сестрой расстаться не думала я! — говорит.

А путь в подземный мир раскрытый стоял; вблизи прохода туда — все деревья в инее, замерзнув, белели; сильная вонь стояла. Сокол назад повернулся, ломай. А тот абаасы привел женщину верхом на коне и спустился в нижний мир. Поглядела эта женщина на ту сторонку. Видит — такая сторона: пороша там падала ящерицами, грязь — лягушками, град — водолюбами; трава была железная, железные росли деревья. Без всякой пристани на этой стороне, и незаметно взвода на той, — к берегу вот такого моря прибыли. Глядит женщина: сухие люди в нем за стерлядей, мерзлые —

за щук, дети — за мелкую рыбешку, — такое чудовищное море бурлит; а на том берегу, что темное облако, чернеются черные каменные горы. Как тень худой собаки, вышел железный пес; лает, мотая головой, морду вытягивая. На задней стороне задних гор дух по-кукушечки закувовал; южной горы дух, как ворон, закаркал; северной горы дух по-лебединому, пронзительно, закричал, передних гор дух заклектал по-орлинику. Будто хозяйка по виду выскочила, огромные тени-руки пальцы за пальцы сцепила, из-под рук смотрит.

— Старичок ты мой! из славной страны, из божьей земли! Палка ломится — длинные стада где? — печалуется: — Веревка рвется — широкие твои гурты где? — пожаловалась. — А старичок не с пустыми руками, — говорит: — из подмышки есть что вынуть, в мешке есть что развязать: с девятьюсаженными-косами-Уолумар-шаманки Белый-Подорожник-конь, гривы его и хвоста его волос повью я! — говорит. — Золотое ее гнездышко растряси у я! — говорит. — Ее погребальными заповедными одеждами трахну у я! — говорит.

С лошадиную голову бубенчики серьги ее звенели; за пеший дневной переход слышно, — нагрудник ее шумел, расстилаясь; что колечки, кольчуги, сверкающие глаза ее молнией сверкали; что края колокольчика, краснелся рот; длинный язык ее, высунувшись, хлопал из стороны в сторону по щекам; что мягкое огниво, щербатое лицо у ней было; лоб, словно колено; на обоих висках — посмотреть — торчат короткие волосы; накинут на голову колпак с землянку величиною.

Абаасы-старик на это сказал:

— Старуха, в огонь сотвори возлияние!

Страшная вонь пошла. Старик из уха своего вытащил железную трость бросил на море, сделался железный мост; по этому мосту дошли до дома.

Дом его: с лестницей подполье.

Коня за повод подвел он, тянет в подполье; конь ни за что не хотел, уперся, не поддавался. Жена его, ведьма, пнула сзади коня, но конь ни за что не

слушался, упирался. Женщина, Уолумар-шаманка, на конец, испугавшись, вынула из своего уха пальму, перерубила повод, и улетела на Белом-конь-Подорожнике Уолумар-шаманка. А половина повода осталась в руках у старика, старик полетел в подполье вниз головой. Увидев, что старик упал, ведьма закликала кликушкой, заскакала; поскакав-поколдовав, опустилась вслед за стариком: старик на дне подполья лежит, что мертвый.

— Что, старик! что с тобой? — спросила.

Старик ответил:

— Лежу вот, как видишь, — сказал.

Ощупала ведьма старика: полголовы и глаз размозжил себе, руку одну разбил, восемь ребер сломал. Ведьма тогда поплевала на старика, поворожила; стал он без одного глаза, без одной руки — полулюдеком стал. Вскочил на свою одну ногу. Ведьма уложила его на его лавку, а сама выбежала из дома и стала кликать детей — девять сыновей и девять дочерей, кликала она по имёнам:

— Куллуруут-Куличок, Быллырыйт-Бекасик, Эриэчия-Эккячин-Пучеглазенький, Тунгалайм-Белянка моя, Тангалаим-Нёбо мое, Джестэйбэ-Красноглазый мой, Былтараангкы-Кую-Поперек-себя-шире-девка! — звала.

Ни один не отозвался. Стала она искать детей своих и нашла, — лежат они искрошены. Собрала детей своих, вскочила в дом, показывает старику.

— Вот горе какое над нами! — сказала. — Говорила: не езди в святые улусы! вот не послушал, поехал! — корила она старика.

На то старик сказал:

— Убери! Сама ты ведала, сама и ведай! — сказал. Ведьма присела и съела...

А Уолумар-шаманка летит на коне; на лету вниз глянула. И видит: на лабазе, оказывается, лежит человек, а под ним развели огонь, и, словно тени, люди стоят, смотрят, громадными тенями неясно маячат. Уолумар-шаманка, как летела, так и дальше летит на свет; и вот прилетает в прекрасную страну. Птицы

*

там ликовали, четвероногие шумели, белые быстрые кони, что олени, без счета белели; к большому богачу прилетела. Прилетев, спустилась во двор к этому жителю; спустившись, поглядела. Видит — три коновязи, девять столбов у каждой, а у коновязей коню негде пропискаться, много коней привязали. Налево стоял красной меди столб: к нему подвела коня и там привязала; привязав, и по шерсти и против шерсти погладила рукою: обернула клячей, вьючным седлом оседланной, с корыем за подседельную подстилку, с тальникового лыка обратью, с веревочными удилами, с задранными кверху кондами копыт, с ногами врозь, с узким вдавленным крупом — такою-то лошадью обернула коня шаманка. И себя оборотила: с жесткими, злыми глазами, красно-мединой, с красной меди серьгами, на голове шапка из телячьих камусов, телячьи наголениники, шуба телячья: наперед запахивать — груди не закроет, назад оттянуть — спины не закроет, — такою обернулась.

Вошла левой дверью сеней и в сенях стала. Стоя, слушает, — и в доме кто-то так говорит:

Буй-буя! Обессиел я.
Песнь, что пою, за порог не идет.
Мольба, что молюсь, не выходит за дверь.
Прибыл сильный, сильнейший шаман.
Звери притихли, птицы шумят;
Над нашим домом стоит беда.
Снимите с меня шаманский наряд!
Вот уж чернеется тень его
На покрытом инеем белом коне —
Вижу! Взоры шаманки — на нас!
Взоры нечистых — в тени ее!
Если только возможно спасти, —
Она умирающего спасет.

Посыпался голос хозяина:

— Друг Кыкыллаан-звонко-тонкоголосый потрудись, попробуй!

И голос хозяйки:

— Кыкыллаан-надежа, ради сына моего потрудись, пожалуйста! Хоть одну эту ночь покамлай, попробуй!

А шамана голос:

— И людей, и скот, — все погубите.

Тем временем вошла в дом и глянула в красный угол: чудный собою, красавец мечется, бьется. Сбоку печи прижалась, стала: с отвислыми подбородками, звонкоголосые почетнейшие родные кругом сидели; а на левой стороне, раскинув руки, широко расставив ноги, назад откинувшись от дородности, почетнейшие женщины кругом сидели; с тяжелыми пальмами, с гремящими наручьями молодцы-парни стояли и ходили. Глянула на хозяина, — ровно бугор, старик сидит, слегка согнувшись. Ровно широкий холм, хозяйка сидит, голову высоко держит. Одну волчью доху на полу разостлали, одну волчью доху в изголовье положили, одною волчьей дохой укрыли: больной лежит, оказывается; восьмь парней прекрасных, из здешних домашних, за больным ухаживают.

— Положите же, положите; подымите же, подымите! — просит больной: — ведь я в огне горю, — говорит, — в огне горю!

Услыхав, подумала шаманка:

«Вот человек, что дорогою видела».

С шамана наряд сняли, старик и старуха плакали; такие слова выговаривая, плачут:

— Защищенный-солнцем-и-месяцем-сильный-Кюн-Эрилик! белый свет покинуть задумал ты разве? — говорят.

А шаман сказал:

— Тут же, в вашем доме, есть шаманка; эта шаманка спасет, — сказал,

— А где тут шаманка? — говорили, искали и не нашли.

Хозяйка сказала:

— Девка-кликуша⁸ ведь ты, Сырбанг-Татай! Может быть, найдет на тебя наитие: подойди к больному, походи за ним! — сказала.

Девушка не захотела:

— Боюсь я! — сказала.

А тут люди нашли незнакомую, подвели к огню страшно безобразную. Хозяйка попросила:

— Голубушка! поворожи, попробуй, не робей! Подарков вдоволь дам тебе: женскую думушку женщина, небось, понимает; и сухожилий, и веревок и одежды, и ниток, сколько душа пожелает, получишь от меня.

Шаманка сказала:

— Потружусь, попробую, только вы возьмите меня за Защищеннего-солнцем-и-месяцем-сильного-Кюн-Эрилика. Буду камлать.

Тогда в левой половине дома сильный стук раздаётся; послышался рев звонкоголосой женщины: две подруги держали ее, чтоб не помешала, и стала она сильно топтать и биться.

— Что это такое? ремнем не охватишь — змея под колодная, подпругой не охватишь — подлая, не выпла замуж да на мужчин зарится, распутница! — так кричала.

А свекровь сердилась.

— Уймись, уймись, уймись! — говорила.

Свекор спросил:

— Кто это? кто это? — сказал.

Свекровь ответила:

— Невестка наша, из ревности ругается! — молвила.

— Ну, девушка, подарков тебе вдоволь, плату твою тотчас отдам: Баай-Харахаан-Тойона имя ужель ты не знаешь, не слыхала разве про богатство мое обильное? Пой, твори заклинания! — сказал хозяин.

Вот под руки привели шаманку, посадили, где сидел шаман, надели на нее шаманский наряд, подали ей бубен. Будто одеяло накинуто — был ей велик шаманский кафтан, а бубен держала — выше ее самой был бубен. Глядели родные, что съехались, потихоньку смеялись:

— И такая-то думает излечить своими заклинаниями, хочет превзойти Кыбыкылаана и, зарясь на подарки, на замужество с Кюн-Эриликом, сидит, камлает! Ну, уж и вид-то!

Вот шаманка — «донг, донг, донг» — ударяет в бубен и начинает зевать: «Ой, ой, ой!» — зычно, пронзительно.

Вот запевает:

Мне единой друзья, из южных улусов, приблизьтесь!
Спутники только мне, абаасы вниз низойдите!
Этот нарядный дом, где я теперь пребываю,
В день, когда я отбулу, украсьте свежей травою.
Горной, восьмиветвистой, обвейте зеленою осокой,
Этот домашний огонь, у которого с пеньем сижу я,
Пусть горит, не колеблясь, подножья его не троньте.
Мне возложите на темя гадальную вещую ложку.
Если позволено мне пробудить умершего к жизни,
Если дано мне вернуть человеку душу живую,—
Переступив через три смеющиеся порога,
На руки душу — прах получить от могучего духа,—
Если будет дано, — откликнитесь, знак подайте!
Вы, с восемью громадными, словно вилы, ногами,
Что растут из груди, — услышьте меня, внимлите!

И как она говорила, прилетели крылатые, стали сновать в доме. Из родных лучшие по лавкам к стенам забились; почетнейшие прижались, где дрова лежали; храбрейшие в хлев бросились. Все, что съехались, подумали:

«Подобной силы шамана никто никогда не видал; никто не слыхал даже. Ужасно! Ох, ужасно!»

С своего места поднялась шаманка и умело камлать стала; завертелась, закружила, как ниветь что расходилась. Шелковые ее кисти по голениам бились, канфовые ее кисти вокруг рук обвивались, соколы на кафтANE въявь кричать стали, гагара въявь загоготала; три раза кругами против солнца вихрем промчалась, стала судьбу вопрошать колотушкию бубна. Колотушка бубна вокруг печи трижды облетела и, как молния, пала на ее темя, на счастливую сторону пала; обитую семью медвежьими шкурами дверь ногою пнула, настежь раскрыла, из сеней дверь с погремушками

инула ногою, открыла и вышла на двор, где граду не-
где задержаться, — на такой гладкий чистый двор
вышла и смело шаманить стала. Вышли все и смо-
трели; только хозяин и хозяйка с домашними остались
в доме. И вот смотрит народ; она от широко раски-
нувшегося по двору рогатого скота отогнала темно-
бурого теленка-выростка и на облако, величиною с не-
большое озеро, прогнала теленка, и сама взошла на
облако, стала там и повыше лиственицы, пониже
облаков полетела. Сильно дивились люди, страшно
изумлялись. И улетела шаманка.

После того все вошли в дом. Хозяин спросил:

- Ну, как ребята? Шаманка что делает?
- Выростка-теленка взогнав на облако, улетела, —
ответили.

На это старик:

- А как иначе? Ведь на счастье к нам приходила! —
молвил.

Тут зашуршало в трубе камелька; через трубу вле-
тела шаманка, и в руках у нее было что-то величи-
ной с рукавицу.

— Высокоименитый Баай-Харахаан-Тойон, к тебе ни-
спускавшегося духа болезни изгнала я; три смеющиеся
порога перешедши, душу живую сына твоего на-
зад возвратила, прах-душу его на руках принесла. Со-
гласие или отказ скажи мне: ты — знаменитый родо-
витый человек, я же — великкая шаманка, и ты мне
дал за порукою слово. Берешь ли меня своей наряд-
ною невесткой? Если возьмешь, вдуну душу живую
его; а не сделаешь невесткой, я рассыплю прах-душу
его, и тотчас отойдет сын твой. Вели же — душу жи-
вую вдуну, с быстрым в беге будет он состязаться,
с могучим — бороться, с проворным — играть, и крепко
будет сидеть на предстоящем ему пиру жизни.

И старик и старуха взмолились:

- Помоги, о, помоги! — говорили.

Тогда лежащему человеку душу его вдунула: Силь-
ный-Кюн-Эрилик вскочил — хлопнула дверь. Кюн-Эри-
лик назад со двора не пришел.

И дивились этому. Кыкыллаан-шаман сказал
хозяину:

- Друг! я сегодня еду, пораньше мне дайте поесть!
Харахаан-Тойон позвал своих слуг:

— Пойдите, привяжите для этого старика жирного
коня, — сказал, — а для сына его, Лучшего-Бэрээт-Бэр-
гэна, привяжите молодого хорошего коня: сам-то он
молод.

Хозяйка велела внести в дом делую переднюю кон-
скую ногу с восемью ребрами; наварили громадный
котел мяса с жиром в три пальца на брюхе и на бед-
рах; принесли берестянную лохань масла и растопили,
примерно, десять безменов, а в горшке вскипятили
сливок. В теле коня для старика привязали, а для Луч-
шего-Бэрээт-Бэргэна молодого коня привязали. Старику
подали яства на стол; мягким да жирным насладился
старик, выплотную поел и масла и сливок.

Хозяин сказал, Эльбэс-Тэльбэсу по имени, парню:

- Этого старика в их края проводи.

Кыкыллаан-шаман выходить собрался. Эльбэс-
Тэльбэс отворил ему дверь. Кыкыллаан-старик еле-еле
вышел из сеней; доху свою распахнул старик и
присел.

— Эльбэс-Тэльбэс, подойди-ка, подчисти мне сзади! —
сказал он.

Эльбэс-Тэльбэс поглядел там и сям: щепки близко
не было, а висел конский череп.

— Дедушка, кость ведь это! — сказал.

— Ну, дружочек, подчисти, подчисти! — сказал
тот.

Эльбэс-Тэльбэс с костью в руках подошел к нему;
стыдно было ему, испугался. В сторону глядя, отвер-
нувшись, стал подбрасывать тою костью. А череп этот
до половины ушел в зад старику. Старик упал и лежал, охая. Эльбэс-Тэльбэс вбежал в дом.

— Невиданное увидал я, беда случилась! — сказал.

Лучший-Бэрээт-Бэргэн, сын Кыкыллаана, услыхав,
что отец близок к смерти, выбежал с палкою в руках
посмотреть; а сзади отца белеет — будто собака.

«Грызет отда! — подумал и в то же мгновение палкою бросил в то белое: — должно быть, собака вцепилась в зад отцу моему!» — подумал.

Череп разбился в мелкие кусочки. Отец его вскричал:

— Ой, убил, парень! — сказал.

Сын захотел внести его и побежал в дом.

— Хозяйка, старуха! Нет ли какой старой подстилки? На подстилке надо вносить! — сказал.

Старуха сказала:

— Ох, ты, горе, досада! Отъезжающих, должно быть, за голову прикутило, а приезжающих за затылок привязало! Девонька, Сырбанг-Татай, вон там на изгороди висит старая подстилка, внеси ее, лай! Да и не старая, пожалуй: недавно лишь волос полез! — сказала.

Девушка вышла, внесла, подала подстилку. Бэрэгэн взял подстилку и побежал. Отда его, укутанного в подстилку, целой толпою на руках внесли в дом и у огня положили. Кыкыллаан-шаман сказал:

— Здесь эта девчонка-шаманка?

Шаманка сказала:

— Я здесь.

— Спаси, спаси, спаси, голубушка! — сказал старик.

Шаманка спросила:

— Сына твоего, Лучшего-Бэрэг-Бэрэгэна дашь в мужья?

Кыкыллаан-шаман сказал:

— Дам, дам, дам! Спаси, спаси, спаси!

Шаманка подошла к нему, села на скамью, взяла три перевязанных гривою тальниковых прута и поколдовала над Кыкыллаан-шаманом:

— Три года назад умершего к жизни возвращать даврано мне!

На мелкие куски рассыпался череп и выпал на землю. Лучший-Бэрэг-Бэрэгэн побежал.

Кыкыллаан-шаман оправился, сел:

— Хозяйка! дай мне заячью шкурку: зуд страшный!

Старуха сильно рассердилась:

— Ох, детушки! Ну, уж и накладный денек! Сырбанг-Татай, подай-ка мне ту суму! — сказала.

Сырбанг-Татай подала суму, что была в ногах у постели старухи.

— Развяжи, девонька, ремни и завязки! — сказала.

Девушка развязала. А старуха вынула из сумы натазники и в сердача бросила; они полетели на пол. Была тут, что двухтравый жеребенок, рябая собака, бросилась она на натазники; старуха сейчас же кинулась, отняла у собаки и уложила в суму. Уже осторожно вытащила заячью шкуру, бросила одну старику. Старик вложил в штаны, встал и оделся. Хозяин, Харахаан, сказал:

— Не обижайся, друг! Не обижайся, друг! Вам с сыном двух коней подарил: уважил, как следует! — сказал. — Эльбэс-Тэльбэс, проводи старика! — сказал.

Жирную конскую шею внесла и подала старуха, берестянную лохань масла принесла старику:

— Вьюк твой, гостинец тебе! — сказала.

Эльбэс-Тэльбэс поехал за проводника. Уехали. Домашние разговаривали, очень рады были:

— Ну, хорошо. Уехали, наконец! — так говорили.

А Лучшего-Бэрэг-Бэрэгэна, сына шамана, и Сильного-Кюн-Эрилика, хозяйствского сына, обоих нет.

— Куда-нибудь заехали, — так решили.

Шаманка сказала хозяйке:

— Тетенька, я сегодня уеду! — молвила.

Хозяйка сказала:

— Зачем ты едешь, дружок? Не езжай, поищи у меня в голове, швы на голове разглядь мне! — говорила.

Послышился голос невестки:

— Пусть едет, проваливает, пусть убирается! — так говорила.

Шаманка сказала:

— Ах, тороплюсь: свари мне поесть. Поевши, небось, поеду.

Старуха немножечко мяса сварила, в горшочек молока вскипятила. Шаманка закусила; когда поела, та внесла и подала ей безмен масла:

— Домой повези, там огню принеси жертву! — сказала. А тогда внесла для нее худую, худую, черную

пречерную переднюю ногу: — Вот и вьюк тебе! — говорит.

Шаманка отказалась.

— Гадость какая! Дрянь какая-то черная! — так сказала.

— Значит, ты брезгуюшь, девонька! — говорит старуха: — а ведь еще с той поры, как зачала я жить своим домом, с той поры коровушки нога это! — сказала: — вся-то сплошь один мозг! — говорит.

Шаманка не взяла; надела худенькую одежду, пошла к левому боку коня, села и со скрипом поехала. А домашние проводили глазами: корьевая подседельная подстилка ее потрескивает, выночное седло поскривывает. Смехом проводили:

— Бес какой-то! — говорили между собою.

И ничего им за это не было.

Под сень темной чащи въехав, спрыгнула шаманка с коня, ходила кругом, гладила, и Белый-Подорожник-конь принял свой собственный вид; покаталась сама по земле — приняла свой собственный вид. Надев на себя кафтан и доху, на пояссе налучье подвесивши, едет она: скоком скользила, рысью раскачивалась, пускала коня широкою поступью, глубокие следы оставляла.

«Так вот взять, мол, дом мой будет!» — догадываясь, едет.

Темный лес ломала, сухостойный лес мяла; по мысам опознавала, по еланям считала, по падям припоминала; песни пела струйками облаков, песенки напевала дымчатым облаком.

Вот в родной ее стороне звонко закричал орел, за克莱тал беркут, заворковала горленка, кукушка закуковала; вот домашний дух⁹ ее, Диэрдэ-Бахсынат, оберотившись жеребцом, с обратью с погремушками, громко заржал. Тогда младшая ее сестра, Айгыр-шаманка, узнала:

— Ах, это с-девятисаженными-косами-Уолумар-шаманка! Радостная, веселая едет, — вскричала.

В доме, в службах прибрала; воткнула желтые березки у кумысного меха, глубокий кумысный жбан вы-

катила, наложила яства на шестиножных березовых лабазах, рано родившегося опойка-жеребенка мяса наварила, выставила гривой перевязанный большой кумысный кубок, выстроила рядами круговые чары, расположила рядами гривой перевязанные пестрые ложки, желтого масла налила с краями полным-полно. А всюду по лесу, расцветшему молодою густою поросллю, мелким березняком укращенному, в берестяных лоханях с обручами полно налила кроильного кислого молока; прокипятив, сквасила и желтым маслом сдобрила за три дня до приезда сестры.

С-девятисаженными-косами-Уолумар-шаманка сама на Белом-коне-Подорожнике примчалась. Айгыр-шаманка поводья принесла, коня привязала; пальцы рук сцепив, стали они друг друга обнимать; в губы до того, что масло проступало, деловались. Шумно одна другую в лицо нюхали; руки одна другой пожимая, одна другую провожая, пошли туда, где выставлен был кумыс. Айгыр-шаманка, младшая сестра, с верхом сдобренный маслом, перевязанный конским волосом кубок, согнув колени, старшей сестре подала. Старшая сестра приняла и, приняв, тоже колени сгибая, сестре подавала. И кубки кумысу вокруговую они пили; и взяли гривою перевязанные пестрые ложки и, черная из берестяных изукрашенных лоханей, ѿсыах кропили.¹⁰

— Даруй, святой род, Белый Создатель! — взывали они: — О дух земли! — воззвав, ѿсыах кропили.

А все заповеданное свершив, гадальные ложки бросали:

— Нашу судьбу испытаем! — с такими словами бросали.

Брошенные ложки обе на счастливую сторону пали; обе шаманки тогда преисполненный радости клик возгласили:

— Урой, урой, урой! — восклицали.

Наконец, по обычаю, в дом бегом побежали.

В доме у дверей чуланчика, перед задающим загадки лавкою поставили восьминожный стол; как привыкли, мяса отгулявшегося выростка-жеребенка, от

первожеребой кобылы жеребенка мяса наложили грудами на обоих краях лабаза; на стол поставили свежего кумыса в разукрашенных тяжелых кубках; в кумыс налили масла с верхом, с краями полно. С-восьмисаженными-косами-Айгыр-шаманка старшую сестру умоляла:

— Ну же, тетушка моя, тетенька! расскажи мне звенные слова, подробные, откровенные речи молви! — говорила. — Тот абаасы, что нарочно приходил с запада, — как это выпустил тебя, дал ускользнуть? — говорит.

В ответ на это старшая сестра, Уолумар-шаманка, рассказывать стала; что с ней было, подробно все рассказала. А потом сказала младшей сестре:

— Чтоб жить по-людски, не щадила я трудов, девонька! Баай-Хара-Хаанова сына, Сильного-Кюн-Эрилика возьмешь ты, иль увешанного подвесками железными Кыкыкылаан-шамана сына, Лучшего-Бэрээт-Бэртэна, берешь? Я привезла их обоих.

— Тетенька, ты знаешь, — сказала та

Тогда Уолумар-шаманка:

— Умирающего я спасла ведь, Сильного-Кюн-Эрилика, Хара-Хаанова сына. Пусть мой зато будет! Кыкыкылаана-шамана сына, Лучшего-Бэрээт-Бэргэна, я тебе назначаю: без труда, чарами добыла его, тебе назначала. Ты возьми! — сказала.

Уолумар-шаманка, сидя, вытянула руки и засвистала; стала бить себя пальцами по ушам так, что забречали серьги: выпали, стали на ноги два красавца собою — крахистые плечи, толстые бедра и руки, длинные голени, сами рослые, крупные, — невозможно сказать, какие молодцы. Выбежали оба из дома, побежали на восток и потом воротились.

— Друг! Сверху ли мы пали, снизу ли вынынули? Откуда пришли мы, с какой стороны? не знаешь ли, друг? — говорили один другому. — Очаг! Берестяная юрта! Ах, да, и юрта! А женщины — вот это так женщины! — И глаза потупили. — Пойдем-ка! — говорят один другому. — Они вдвоем только? — говорили друг

другу. — Направо от них нет слуг-парней, налево нет служанок, — только вдвоем они, гляди! Чего нам бояться?

Прибежали, вскочили в дом. Старшая сестра, Уолумар-шаманка, встала навстречу, подошла и, взяв за руки Сильного-Кюн-Эрилика, повела, посадила в переднем углу. Айгыр-шаманка — Лучшего-Бэрээт-Бэргэна, за руки взяв, повела, посадила в красном углу.

— Еще непочатый кубок, лучшее, что предложить можем! — с такими словами подали с верхом сдобренного с маслом кумыса в перевязанных волосом больших кубках.

Те вышли со словами:

— Урой, урой, урой!

Приняли кубки шаманки, отнесли и поставили в особенном месте, в левой половине дома. Прямо подойдя, сплели они руки, пальцы в пальцы, с руками мужей; подняли их, поставили на ноги и три раза подевались.

— Живите в нашем доме! — сказав, посадили.

Сами рядом сели. Усевшись, разумно на мужей поглядели.

— Вот собственное ваше серебряное гнездо, самая сердцевина ваших земель, вот негу сулящий нарядный дом ваш, вот вам очаг! Создателем-Тойоном благословленная, с-девятьюсаженными-косами, Владыкой-Тойоном созданная, Уолумар-шаманка я. Восемью божествами обетованная, Айгыр-шаманка я. Отведите трапезы вашей.

И вот задвигались их крепкие кости, заволновалась владыка-сердце, отлетела горла воля, ослабела сильная мысль. «Рассмотрим, как следует!» — говорили они себе, да в землю смотрели. Вглядеться желая, в огонь глядели. Так оробели.

Наконец, сидя вместе, отужинали. Женщины проворно постели постлали. Оба мужа молодецкой походкой выскочили да, выскочивши на двор, так разговаривали:

— Какие женщины! А дом! А очаг! А богатство!

Наши-то жены-бедняги, с этими если сравнить, и не женщины даже!

Вскочили в дом. Женщины, уже давно постели поставивши, разделись и улеглись. Эти два человека вошли, возле спального отделения разделись, легли с женами, полюбились, поиграли, тесно прижавшись, уснули.

Раздулись их ноздри — «верно, брезжится», мол; глубоко вздохнулось — «видно, солнце взошло», мол; встать захотели. Сильный пот по хребту пошел, крупный пот на спине и в плечах выступил, до того обнимались они. Встать захотели, да пристали друг к дружке и, отставая, как береста, шуршали. Оба мужчины, вскочивши, оделись, выскоцили бегом на двор, едва дом заперли. Обе женщины, еще быстрее одевшись, побежали с мужьями к воде, лазурных глубин водою омылись, и все вчетвером побежали оттуда, прибежали домой.

Две женщины в серебряных кубках крепкий кумыс мужьям подали, рядом с ними сели. В круговую пили, горло свое поправляли, спины выпрямляли. Толстый шейный жир грудами клали; толстое брюшное сало против себя нагромождали. Муж жene, жена мужу пододвигая, друг друга угощая, наслаждались. Густые сливки пили из одной посуды, одною ложкой. Поея, побежали вместе к выходу. Пальмы их и налучья висеть остались.

А они все вчетвером побежали на восток. Березою играли, ловя руками; лиственицею в пинки ногами играли. У высокого дерева, где в прыжки игра была, — в прыжки играли. На той чистой лужайке, где в скачки игра была, — скакали. На той поляне, что для прыганья на одной ноге, — на одной ноге прыгали. На том поле, что для игры в зайца, — в зайца играли. На той каменной горе, что для игры в оленей, — в оленей играли. Сбежав оттуда, домой примчались. Подбоченясь, статные стояли; отставив ногу, прямые, высокие стояли.

С восьмизвездной для луков и налучий вешалки женщины пальмы и налучья сняли, мужьям своим

подали. Мужья пальмы и налучья за пояс взяли. А тогда две женщины позвали коней своих так:

— Хорук, хорук, хорук! — манили.

Называемые Щебечущие-Белые-Подорожники, кони их, оба пришли. Эти две женщины двум коням своим так заповедали:

— Нарочный твой господин, верный твой хозяин, назначенный твой спутник от богов Благословенный-Сильный-Кюн-Эрилик! — сказала Уолумар-шаманка.

И Лучшего-Бэрэти-Бэрэргана жена, Айгыр-шаманка, подобно тому сказала:

— Мы, словно дно берестяной бады, объезжаем кругом землю, осматриваем, сгоняя в стадо каждый день коней и рогатый скот, кругом нашего божественного дуб-дерева окружаем и, приняв благословение от духа нашей отчины, возвращаемся, — сказали.

Мужчины, вскочив на коней, уехали. Женщины, теперь уж по дому хозяйки, вошли в дом.

Мужчины, как женщины им указали, словно дно берестяной бады, землю объехали, коней и скот осмотрели, вокруг божественного дуб-дерева окружили: «вот мы благословение приняли!»

Примчались в заповеданный нарядный свой дом, коней пустили, пальмы и налучья на вешалку повесили, в дом вскочили. Узнав теперь свою собственность, радовались: «наше собственное!» — думали. Кафтаны и дохи повесили.

Женщины по обычаю еду и стол приготовили. Сели мужья рядом с женами.

— Рассказывай, друг! Кони твои, рогатый твой скот как? Благополучно ли? Земли твои каковы? — спрашивали жены мужей.

На это муж жene отвечал:

— Прекрасная страна! Здесь птица возликовала, гам подняли звери, богиня родов низошла,¹¹ Джесегей¹² явилась, Ийехсит обернулась сюда. Это дверь божественного, дарственного пути — такова эта страна. Без зим ясное лето, благоуханная, прекрасноликая — такова эта прекрасная страна. Здесь однокопытные не спо-

тыкаются, не расходятся раздельнокопытные. Они трутся вплотную голыми боками, задевают друг друга мохнатыми коленями. Стадами холят никогда не знавшие обрати, вместе собирались резвые. По северным склонам жеребята пасутся, по лугам полно телят. С серебряными планками на мордах вольно плодятся, в медных намордниках полновыменные размножаются — чем только пожелаешь, богатая и несметно изобильная, — вот какова эта страна!

Они ставили ее в десять раз лучше своей. Поговоривши так, радовались все вместе. Закусили, поели, как обыкновенно, и, сидя рядом, пили круговую свежий кумыс в большой круговой чаше.

По обычанию, встали, пошли на двор, а женщины опять, постели поставши, раздевшись, легли. И мужчины разделись на загадывающих загадки скамьях.

Рано утром, как раздулись ноздри: «Брезжится, должно быть!», как глубоко вздохнулось: «Встает солнце, видно!» — так говоря себе, лежали они, обнявшись. Сильный пот лился по хребту, по спине между плеч выступал крупный пот. Оба вскочили, сели, поели, как всегда. И три дня так мужчины уезжали и приезжали.

Через три дня женщины за собою примечают: живот, как мыска, что-то в нем появилось; соски покрепели.

Мужья в женглядываются: меняться в цвете стали скулы; ясные лица потемели; к носу, ко лбу кровь то прильет, то отхлынет; тонок стал подбородок; понежели пальцы, кулаки стали маленькие, руки тонкие. Печальны стали, вяли и худели, и вставали и садились потихоньку.

Мужья и то подумали: «Беременны, должно быть!»

И сами мужчины опечалились и жалели жен: «Что это с ними стало?» И обед готовить, и постели убирать мужчины помогать стали.

Через семь дней после того заметно стали мучиться женщины, на девятый день совсем ослабели, на десятый уж и не вставали. На одиннадцатый пришло время родов.

— Дружочек! — говорит жена мужу: — Ну, чего же ты смотришь? На западе, в той бересовой роще, что похожа, будто идут толпою знатные женщины, — там сруби развилистую березу, сломи-принеси кривую березу. Вкотивши колы, перекладину ту на них положи. Постели зеленою осоки.

Муж приготовил это. Женщина села на ту траву. — Ой-ой! ай-ай! — громко кричала: — и в ногтях отдается, и руки ломит! Ой, виски мои, виски! Спина моя, поясница! Как больно! Восемь костей моих разошлись, должно! К печени подступает! Разве что держит? Девонька! Айгыр-шаманка, попытайся, скажи что-нибудь!

Младшая ее сестра говорит:

— Ты хоть сказала, а мне невмочь.

Уолумар-шаманка:

— Ох, как напирает! Как напирает! Ой, какая боль внизу, какая боль внизу! Дружочек! Сильный-Кюн-Эрилик! Отвори поскорее дверь!

Муж ее быстро открыл дверь. Уолумар-шаманка сказала:

Усынь! Даруй! Создательница!
Двухслойного неба жительница!
Ровная-речка-раскрыта,
Сизая-дымка-защитница,
Мужу — лар плодородия,
Жене — облегченье мук родовых,
С верхнего неба несущая!
Ихесит, владычица!
Богиня родов, государыня!
Уали напасти, чары рассей,
На счастье дитяти невинного!
Склонись с узорного облака,
Рысью духу раскрой свою,
Бобровую шапку подвинь свою,
Четыре пуговицы расстегни!
Колени белые обнажи!
Сойди ко мне государыня!

На ложе моем в ногах присядь!
Покатайся на белом моем — приди!
Повалийся на пышном моем — войди!
Богиня родов, государыня!

И вот дарственного вида женщина явно пришла, на прилавке стала кататься, склонила руки и в ладони дитя приняла. У младшей сестры, Айгыр-шаманки, также дитя приняла.

Два сына родилось одновременно. Два ребенка в одно время упали так грузно, что земля загудела. Поглядев на потолок, заплакали так гулко, что глина осыпаться стала. Потом оба на ноги вскочили. Тогда отды их за кудрявые волосы схватили и ничком положили, а матери умыли их. Отды, с трудом повалив, завернули в шкуры лоси-самца, длинною веревкою увязали.

Оба мужчины выбежали, двух белых жеребят убили, потом на прилавках две жеребячьи шкуры постлали для богини родов. Богиня родов по-очереди — у той и другой — на прилавках каталась. Сильно вспотела богиня родов, умащенная маслом. И, все смеясь, все смеясь,¹³ три ночи тут провела. Через три ночи богиня родов благословение сказала и детям имя дала: — Сильного-Кюн-Эрилика ребенок пусть будет Кюлюк-тэй-Бэргэн, Лучшего-Бэрэт-Бэргэн ребенок пусть будет Бэрбэрэктэй-Бэргэн. Имеющий суставы пусть не калечит! Имеющий ребра не валит наземь! Камень будь вам посохом, лиственница опорой! Длиннорукий пусть не тянет руки, со дна вовек не достанет!

После благословения выпала. На глазах хозяев вскочила на узорчатое облако и на восток улетела.

Тогда женщины, омывшись, причесавшись, одежду детям своим приготавливши, одели их. Ох, невозможно красивые, молодцы собою стали ребята!

Отды выводили их играть на поле, а сами следом ходили, стерегли, караулили. Если же не стеречь, они и невесть куда ушли бы — такова была их прыть. Вечером, введя их в дом, к угловому столбу привязывали.

Четыре дня спустя, с восьмисаженными-косами-Айгыр-шаманка прежде виденный сон увидала и рассказала. Как рассказала, на всех страх напал. Уолумар-шаманка взяла бубен и одежду. На двор вышедши, смело зашаманила. Держа в руках всклокоченный хвост жеребца, как шаманское онахало, машет она им и молит:

Девять светлых моих улусов,
Восемь чистых колен, явитесь!
Огненноглазые пусть не смотрят,
Гризноязыкие пусть не скажут,
Те, от которых черные тени, —
Нашу тень не заметят при солнце,
Через нее шагнуть не посмеют!
Мы окружимся белой оградой,
Крепкой серебряною степою!

Сказавши так, вошла в дом и мужьям сказала:
— Сильный-Кюн-Эрилик, Лучший-Бэрэт-Бэргэн! Ой, берегитесь, ждите, караульте! Я детей из дому не выпущу.

Схвативши пальмы и наручья, выбежали мужчины, прибежали к своему священному луб-дереву. И, как снилось Айгыр-шаманке, так и стало. С запада словно елань-поле, черное облако прилетело, долетело до божественного луб-дерева и разбилось надвое. Восьминогая, двухголовая, двуххвостая, с восемью сосками, железная кобыла к подножью священного луб-дерева пала, с полстога зеленое яйцо породила, на восемь частей распалась и, в восемь железных верблюжат оборотившись, в восемь концов неба разлетелась.

Смотрят оба: ни ветра, ни облаков, ничего нет. Яйцо, раздувшись, лопнуло. Внутри оказался человек страшного вида, с короткими взъерошенными волосами, с раскрытым ртом, редкозубый. Глаза его, что большая прорубь на озере, лоб вперед упал, с опрокинутыми бровями, как глыба земли — лицо. На нем

львиной шкуры воротник, рубаха из обреченнои шкуры, голодного года шкуры штаны, жертвенной шкуры торбаса, натазники из листового железа, закалённого железа кафтан. Он сидел, подбоченившись, ноги по-господски положивши. Не говорит, не шевелится, сидит. Тогда оба подошли ближе к нему:

Вот! вот! вот! Скажи по-якутски,
По-уринхайски веди беседу,
Молви нам слово по-человечьи!
Мы — именитые, славные люди!
Ты к нам пришел переведаться силой
С высей верхнего чистого неба,
Иль из нижнего мира вышел,
Или прибыл из среднего света?
Дай услышать заветное слово,
Все сердечно, подробно поведай!
Не серди необузданных, гневных,
Вспыльчивых не выводи из терпенья!
Успокой нас твоим рассказом!
Ну, рассказывай! Ну же, ну же!

С пальмами наперевес ближе подошли. Нет! не обращает внимания, не двигается, не говорит.

— Сделаем тебя сътым пальмы, острого копья краской! Недоброму теперь уж пошло! Разрубим на части! Ну же, ну же! — громким голосом кричат они: — говори, говори, говори!

Нет, не говорит. Стали рубить пальмами. Все по-прежнему подбоченившись, вскочил на ноги, ни разу не дал попасть, увертывался. Искрошили темный лес, изломали сухостойный, в кашу иссекли сырой лес, а тот все не дает попасть, все уходит.

Из сил выбились оба, задыхаются-стоят. А тот склонился за лиственницею, с обеих сторон лиственницы глаза его виднеются, и все норовят увернуться, туда-сюда отпрыгивает. Пропала прыть их, ослабли силы, — после тщетных усилий сказали:

— Как имя отца твоего? Как твоей матери имя,

скажи! Про ту защиту-страну, откуда ты прибыл, поведай! Разве ты немой, негодай?

Тот, с обоих боков лиственницы выглядывая, все настороже, зубы оскалив, заплакал очень громко — так, что гул пошел по вершинам дерев. Струю текли его слезы.

— Испугался я! Испугался! Испугался! — говорит: — оробел, оробел, оробел! Горюшко, горюшко! Чистая, небесная моя страна! Светлого Владыки моего, батюшки, Светлой Государыни моей, матушки, послушался, послушался, послушался! «Государыням старшим сестрам твоим сено коси, дрова руби, коней смотри, за скотом ходи, детей их нянчь!» — велено мне. Испугался я, испугался, испугался! Пальмой погнали, копьем оттолкнули, саблею гнали... Я ухожу, вы остаетесь... Сообщу Светлому Господину, отцу моему, Светлой Госпоже, матери моей, расскажу, по святым улусам, по народу моему, распространю! — сказал.

Эти люди:

— Вот те на! Чего же ты не рассказал тебе заповеданного, чего не сказал о данном тебе поручении? Иди, пойдем!

— Не пойду! Испугался я!
— Э, иди! пойдем! — сказали.
— Не пойду! — говорит.

Эти двое домой поспешили, побежали. А тот уж дверь давно распахнул. В дом вошедши, сняв одежду, хотели пальмы повесить, а тот уж обеими руками схватил и повесил. С-девятисаженнымми-косами-Уолумар-шаманка сказала:

— Тьфу, ты, нечистый! Какого это губителя вы добыли? Кто ты, друг?

Пришедший сказал:

— Я — Суодалба.
Шаманка снова спросила:
— Кто я, — говорит он, — ребята?
На то Суодалба сказал:
— Я — Суодалба, я — Суодалба!

Хозяйские дети верхом на скамьях кругом печи

в лошадки играли. Увидевши это, стал Суодалба на четвереньки.

— Ая, ая, ая! — по-лошадиному заржал и на четвереньках кругом печи побежал, сильно топая.

Глядя на это, оба ребенка сильно смеялись, подскочили к нему и сели верхом на Суодалбу. Вот кругом печи неуклюже, грунно бегает. Дети сильнее радуются. Из волос его поводья сделали, а Суодалба кругом печи бегает. В доме пыль столбом, а он не устает, не унимается, бегает. Они со стола, где грудами лежало сало, мясо, по пути хватают, своей лошади в рот кладут, тот ртом подхватывает, ест и дальше бежит, стуча руками и ногами. Открыл дверь Сильный-Кюн-Эрилик, выбежал Суодалба и в поле стал бегать. Тогда мужья рассказали женам, что им открыл Суодалба. Жены не спорили, были довольны, поверили. И каждый день дети их вольно гуляли на поле. А хозяева, как и раньше, хорошо поживали.

Дети стали большими: окрепли спины и руки, и ноги. Как бы с крепким побороться, с быстрым в беге посостязаться, с врагом в смертный бой вступить бы — могучая мысль возникла. А дядя их, Суодалба, хоть так они выросли, носит их, как детей, на руках. И дни и ночи вольно ходят они, и домашние не боятся и спят на всей своей воле.

Только однажды, еще не светало, ранним утром дети, слышно, вскочили с грохотом в дом. И вот оба сына отцам и матерям своим слово сказали. Раньше те и не слыхали такого голоса. Так они зычно пели: потолок дома вспучило.

Мы отправляемся, вы остаетесь.
На восходе летнего солнца
Остров есть, отдельное поле.
Там Джагалын-Баай-Тойон хозяин,
Крапчатомордных коней владыка.
А на добрый угон оттуда,
На острову, на отдельном поле,
Есть Томороон-Баай-Тойон хозяин,

Жеребцов чубарых владелед.

У него недобрые гости:

Буура-Дохсун, сын Грозного-Грома,
Свататься к дочке хозяина прибыл
И поселился у Томороона.

Там и сваты, взятые с неба.
Сокол-Хаарджыт, Кытыгырас-Баранча,
Те, что прибыли с Буура-Дохсуном.
Также привел он с собою девицу,
Кыбый-Эрэмэх, ниспавшую с неба.

А с востока пришел на помощь
Славный Эр-Соготох-Одинокий.

Хозяин и хозяйка лежат и слушают:

— Суодалба, не ты ли рассказал это?

— Я не рассказывал, — отозвался тот.

Тогда сыновья сказали:

— Дайте нам большие ваши пальмы, гремящие налучья,
и коней-Щебечущих-Подорожников дайте, благословением проводите.

Отцы их и матери сказали:

— Где у вас запасы на трудные девять излучин дороги,
на тяжелые восемь изгибов пути? Вам придется творить возлеяние духу перевала,¹⁴ нужно будет вешать подарки. Подождите, оглядитесь! В счастливый день,
в нарожденье месяца, приготовивши запасы на дорогу,
убивши крупных и грудастых, проводим вас: запасем
и бескровного жира, и без примеси воды питья —
желтого масла. Подождите, осмотритесь!

— Вы останетесь, мы уходим! — сказавши, выбежали. — Если съездим благополучно, если будет удача
и счастье, — через три месяца мы вернемся! — послышались в доме их голоса.

Криком приманили лошадей, и пришли оба Подорожника-коны. Сели. Сильный-Кюн-Эрилик и Лучший-Бэрэт-Бэрэн, оба выбежав, смотрели на их отъезд. Суодалба следом за ними бежит.

— Суодалба! пеший идешь ты? Как тебе угнаться за этими конями?

Нет, не слушает.

Семихвостой, кроеного серебра, плетью так размахивали, что верховьев семи речек достигала. Выступами, пускались размашисто, красу и стать показывая, ближнего леса вершины до земли склоняя. Гудели вершины дальнего леса; вихрь от хвостов подымался, от грив непогода, от крупов ветер волшебный стоял. Такой шум подымали путем-дорогою. Выступил вечер весеннего дня, пришла прохладная ночь. На холме сделали привал.

Подошел Суодалба, коней привязал, развел яркий костер. Седла их в изголовье положил, подстилки им разостлал. Принес им красного лося-самца, что убил дорогою.

— Большого да грудастого свалил я детям моим! — сказал. Голову отрубил. Отдельно огонь развел и сказал: — Прежде всего — голову Баянаю. — Сказавши так, в огонь бросил.

Разрубил на части, светлые кости вытащил, восемь частей расчлененной туши господам своим дал. Те, обглодав позвонки, светлый мозг высосали. На рожнах он мясо изжарил. Господам своим рожны подал, стоймя перед ними воткнул их. Они вверх резали, ворты себе клали.

— Спите! — сказал. И они заснули.

Настала ночь. Как темная ночь настала, в дохе черного олена, густого темного леса дух, Богатый-Барылаах-Баянай пришел на то место, где сожжена была голова; сел, тяжело дыша.

— Богата удача, обильное счастье! Ха, ха, ха! — смеялся он так, что катилось по вершинам дерев: — Пожалеет вас страна, где едете вы; благословит вас страна, куда прибудете вы!

Так сказавши, скрылся.

Утром юноши проснулись, взглянули на Суодалбу: он сырое ест, а варево, на огне помешивая, уплетает. Оба вскочили, побежали, в речке умылись, назад прибежали на свою стоянку. Он коней оседдал уж. Отвязал повода, господ подсадил на коней. Трогаясь в

путь, взглянули назад. Видят: четыре лапы медвежьи и голову на развилистое дерево повесил.

Едут. От хвостов коней их вихрь веял, от гривы непогода вздымалась, от крупов волшебный ветер вставал.

Так путешествуя, прибыли к хозяину восьмидесяти с крапинами на мордах жеребцов — к Джагалын-Баай-Тойону.

Джагалын-Баай-Тойона слуги поводья приняли, дверь открыли, почетное сиденье положили. Суодалба, вошедши, столбом стал у двери.

Джагалын-Баай-Тойон, на костыль грудью опираясь, сидел, глядел на них разумно большими, что у коня, глазами:

— Буя, буя, буя! — громко начал он: — откуда покрови вы, чьей утробы, каких родов урянхайцы? Расскажите по порядку! Род ваш поведайте! Откуда выехали, про ту защиту-страну вашу подробно мне расскажите!

Эти двое, как спрашивал старик, так ему рассказали про отцов своих, про матерей, про богоданное рождение свое. А, кончив, сказали:

— Хозяин восьмидесяти с крапинами на морде жеребцов, Джагалын-Баай-Тойон! К тебе, высокоименитому, славному, нарочно, трудный путь пройдя, прибыли мы! На лоне лежать достойной жены не имея, на постели лежать равной жены не зная, прибыли мы свататься к дочке твоей, Нарын-Ниоргустай-Отменно-Нежная называемой! Даешь или не даешь?

Жена Джагалын-Баай-Тойона, Джагалыма-Баай-Хотун, роволитая старуха, с широко расставленными ногами, с раскинутыми руками, — жир на брюхе пазад ее откидывает, жир на спине пригибает, — ясными очами на них глянула:

— Айталын-Кую, дочь наша, шитья не знает, работать не выучена, кушанье даже готовить не приучена; она привыкла к неге, в холе выросла. Невинное дитя, бедненькая! Если полюбится, — вам не дать, кому же и дать? Вы — отрасль почтенных родов, сыны великих

улусов, вижу я. Девушки! Приведите дитя наше. Слугами сопровождаемую, служанками окруженнную, приведите ее ко мне.

Привели, подняв с узорчатого прилавка. Подойдя, прильнула к матери. Мать тоже встала, прижимая к себе дочь. Кругом стали слуги. Мать, приподняв рысью¹⁵ шапку дочери, дала поглядеть на нее.

Когда взглянул Бэрбээкэй-Бэргэн, заходили его крепкие кости, сердце в грудь толкнуло. Увидевши эту женщину, пожелал он ее. Потом сказал:

— Если с благословением вашим дадите ее, — возьму!

Ясными, как у рыси, глазами, на того человека глянула; повела своими бровями, что черные соболи, друг против дружки положенные; сжала губы свои и зубы, к лицу ее кровь прилила, зарумянились скулы, залоснились щеки, струею полился по носу пот, крепкие кости ее заходили, вся дрожала она.

Старуха губами дочери уха коснулась:

— Голубушка! за этого человека пойдешь ли? Ты должна сказать!

Девушка сильно смущилась.

— Пойду! — ответила матери.

— Дочь моя «пойду!» сказала, — возвестила старуха.

Старик вознес моление:

— Урый, туску, туску! — вскричав громогласно.

Старуха, ликяя, твердила негромко, горловым голосом:

— Даруй! Даруй! Даруй!

Тогда старик:

— Ребята! что ж вы глязете? Пойдите, убейте скотину!

Волосом увитые, полно сдобренные маслом, кумысом налитые три кубка, — трое слуг к огню воздымали, а потом повернулись и, трижды низко, колени сгибая, поклонясь, предложили. Господин отец их, Джагалын-Баай-Тойон, быстро успел благословить:

— Сливки кубка, непочатое, благословенейшее! — А потом сказал: — За вами велю вести волнистогривых и пряморогих погнать!

Затем негромко ликующую песнь запел и радостно взвывал. И трое гостей выпили три кубка кумыса. Те трое слуг, что подавали кубки, подошли и взяли кубки, а навстречу опять, низко, колени сгибая, кланяясь, новые трое подали. В третий раз опять поднесли трое других. Выпив, гости, все трое, вскричали:

— Урой, урой, урой!

Потом эти два знатных юноши стали одеваться. Главный из них, Сильного-Кюн-Эрилика сын, Кюлюктэй-Бэргэн, подошел к хозяину, стал, ногу отставивши, и самым громким голосом воспел:

Буя, буя! Смотри на восток!
На отдаленном острове
Есть такой Тойон-Томороон.
У него девяносто чубарых жеребцов,
У него есть дочь Туярыма-Кую-
С-девятисаженным-косами,
К нему, именитому, знатному,
С широкого неба спустился гость,
Низшел Буура-Дохсун-богатырь;
С ним низошли сваты его:
Сокол-Хаардхыт, Кытыгырас-Баранча,
Да еще Сююй-богатырь.
А с востока славный Эр-Соготох.
И говорят, что Буура-Дохсун
Небесную девку с собой привел,
Ее зовут Кыбый-Эрэмэх,
Парни, которые с ним пришли,
Девяносто раз превращаются;
Девки, которых с собой низвел,
Знают восемьдесят волшебств;
Все они к Томороону пришли,
За дочкой его, Туярыма-Кую-
С-девятисаженным-косами.
Буура-Дохсун ее в жены берет.
А у тебя, Джагалын-Баай-Тойон,
Отменно-Нежную дочку твою
Кытыгырас-Баранча мимоходом берет,

Хочет попутно жениться на ней,
Опустошив владенья твои,
Скот отогнав, народ разогнав.
Вот я, услышав это, пришел.
Силой померяться с ними хочу,
Грудью сшибиться не терпится мне!
Будет наградою мне жена,
Девушка Туярыма-Кую—
С-девятисаженными-косами.
Брат мой младший, Бэрбээрэй-Бэргэн,
Если счастье будет за нас
И одолеет наша судьба,—
Нежную дочь твою он возьмет.

— Счастье! — сказал Джагалын-Баай-Тойон. — Удача! — и проводил их благословениями.

Вот они сели на Подорожников-Белых-Коней своих и устремились на восток. От хвостов Коней-Подорожников вихрь взвеял, от грив непогода настала, от крупов волшебный ветер. С великим шумом отправились. На дворе стоявшие слуги, глядя, дивились:

— Э! страшные люди едут, ребятушки! Наверное, одолеют! — говорили.

— Други! А тот товарищ-то их пешком идет, пешком пошел, пешком пошел! — говорили они все вместе: — Он когда же дойдет, поможет? По всему видно, поесть поровит, затем и идет!

Так уехали.

Слуги, войдя в дом, рассказывали:

— Ну, видели мы, с шумом-то каким отъехали! Хвости коней их — вихрь, гривы — непогода, круны — волшебный ветер. Ближнего леса вершины к земле клоня, по вершинам дальнего леса гулко гремя, отъезжали. А товарищ прямо пеший за ними бежит! Просто, должно, попиривать с ними пошел!

На то хозяин:

— Э! да что знаете вы-то? Богатырь он, должно быть! — сказал.

Прискакали, примчались к Томороон-Баай-Тойону.

Слуги поводья приняли, дверь отворили, стол поставили, почетное положили сиденье. Томороон Баай-Тойон грудью на трость оперся.

— Чьей вы крови, чьей утробы, каких вы родов урянхайцы? Поведайте по порядку! Род ваш не скрывайте! Расскажите про вашу родину, откуда явились!

Отвечал Кюлюктэй-Бэргэн:

— Властили девиности чубарых жеребцов, Томороон-Баай-Тойон! К тебе, высокоминимому, за дочь свою, с-девятисаженными-косами, за Туярыма-Кую, свататься я приехал. Даешь или не даешь? Согласие или отказ? — скажи!

Старик взглянул на него сердитыми глазами. Посмотревши, сказал:

— Ту же лучшую воду среднего света мы пили, ту же красу трав ели! Да! бы я, — и слезно заплакал: — да с южного неба Грозного Грома сын, Буура-Дохсун, Кытыгырас-Баранча и Хаарджыт-Сокол девять дней уж как сватов послали! Завтра сами прибудут. А из восточной стороны Эрэйдээх-Бурыйдаах-Эр-Соготох прибыл, живет. Опоздал ты! — говорит.

Они остались почевать как почлежники. В трех кубках, по обычая, три служителя, трижды низко кланяясь, колени подгибая, кумысу подали. Старик сказал:

— Сливки кубка, непочатое!

Второй раз уж не подали.

Убили трех яловых кобылиц, восьминожный стол поставили, положили на него все целиком мясо трех яловых кобылиц. В трех больших кубках налитого, с верхом полно сдобренного маслом, кумыса сразу подали. Два юноши в разрезы кафтапов вытащили длинные свои ножи; вверх отрезывали куски с рукавицу, в рот клали; обгладавши кости, мозг высосали, пустые кости на стол бросали. Товарищ их Суодалба без ножа все стегно¹⁶ в рот целиком затолкал да на стол кости выбрызнул. Сдобренным маслом кумысом с верхом полно налитые три ковша троим подали. Словно куда в посудину лили, пили они. На столе осталось только три конских головы; слуги убрали.

Хозяин сказал:

— Ах! Когда придет завтра Буура-Дохсун, на борьбу сильного, на бег вперегонки быстрого вызывать он будет!

Оба знатных юноши молчали. Судалба сказал:

— Если есть у них силачи, — поборюсь. Если есть у них скороходы, — побегу вперегонки.

На это хозяин сказал:

— Кто это прекрасноголосый друг, кто?

— Судалба — я, Судалба — я! — говорит.

Хозяин сказал:

— Храбрый ты. Эту ночь, господа, есть отдельный дом, там ночуйте. Рано утром, на восходе солнца, приедут.

Велел в отдельном доме постели приготовить. Там заночевали эти три человека. Подорожников-Белых-коней их в конском хлеву накормили. Переночевали.

Утром, на восходе солнца, поднялся шум, крик, суматоха. Что черные тучи, на северном склоне, в темном лесу стали спускаться небесные улусы.

Для встречи их желтоватые березки воткнули, глубокую кадь выставили, что елань-поле, жирными яствами установленные столы поставили, разостлали травы, кругом почетные сиденья намостили. Увидев, Буура-Дохсун радовался:

«С такою встречею, с почетом таким, уважением, рады-радешеньки отдать девушку свою!» — думал.

Прибывшие на дворе в кружок уселись. Девяносто слуг, в гривой увитые кубки кумысу наливши, подали пить, колени подгибая, кланяясь; девяносто человек принесли ковши, подали пить. Все племя, все до одного, выпили кумысу. Дважды девять коней убили на поле, на дворе огонь зажгли, сварили.

Тем временем Буура-Дохсун снарядил к хозяину с поручением человека:

— Есть ли скороход? Пустим вперегонки! — говорил. — Силач найдется ли? Бороться заставим! — говорил. — У меня, — говорил, — есть скороход.

На это хозяин сказал:

— Среднего света с убывающей водой, с валащимися деревами, этого света люди не одолеют! Нет, скорохода нету. Если у твоего господина есть у самого для игры подходящий народ, пусть играют; кланяясь землю, прошу, скажи ему, парень.

Как уходил посланец, чей-то голос раздался:

— Если есть у него скороход, я побегу вперегонки.

Пошел, рассказал Буура-Дохсуну, господину:

— Хозяин, землю кланяясь, просит: с убывающей водой, с валащимися деревами среднего света люди не одолеют; если способны, пусть сами играют! — молвил. — А когда я выходил, чей-то голос сказал: «Если есть у него скороход, я побегу вперегонки!» — так молвил.

Буура-Дохсун прислушался:

— Ну, что ж! пусть выходит! — молвил. — Кто брался бежать вперегонки, выйди! — молвил.

— Джэргэльгэн-реющий-по-воздуху-Бегун! Начни бега за дневной перегон! — приказал.

Джэргэльгэн-Бегун по нивести какой длины длинной поляне побежал, пробежал дневной перегон и стал. Судалбу два его господина унять никак не могли — выбежал. За Джэргэльгэн-Бегуном бежит, ковыляет. С неба ниспавшие люди смеялись:

— Обомлеет, пока добежит до места, где ждет его Джэргэльгэн-Бегун! А как бега начнутся, что-то с ним будет? Эй, ты! Полные полы несчастий у тебя! Хоть голову-то свою принеси! — говорили. Смеялись сильно.

Наконец-то доковылял Судалба к Джэргэльгэн-Бегуну. А тот ждет, стоит, оказывается.

— Ну, друг, становись в ряд! — сказал.

Судалба за руку схватил Джэргэльгэн-Бегуна и в ряд стал.

— Ну! — сказал, побежали они, наконец.

Джэргэльгэнову голову оторвал Судалба. Один побежал. Глядят, — прыгая до середины высокой лиственницы, бежит человек, в одной руке за волосы

словно кочку держит. Поглядели небесных улусов люди: один-одинешенек бежит, с головой в руках. Увидевши это, сильно смеялись: «Наш бежит!» — подумали.

Судалба голову бросил туда, где кумысный шир был. Потом столбом вскочил в дом. Радовались два его господина и хозяин дома.

— Живой пришел! — говорили.

Хозяин тихо сказал:

— Счастье, счастье, счастье!

— Ну, — Буура-Дохсун сказал: — выпьите борда. У меня борец есть. — Опять послал гонца к Томороон-Тойону.

Томороон-Тойон отказался:

— Нет у меня! — сказал.

А когда уходил гонец, Судалба молвил:

— Я буду бороться, я буду бороться, я буду бороться!

Гондом приходивший, придя к господину своему, рассказал:

— Томороон-Тойон отказался, молит, земно кланяется. А когда уходил, чей-то голос сказал: «Я буду бороться, я буду бороться!»

— Пойди, парень, скажи: пусть выходит! — сказал Буура-Дохсун. А потом сказал своему человеку: — Сююё-Боотур-смелый-задорный, ну, готовься!

Сююё-Боотур, человек, рослый собою, разделялся и пошел, колыхаясь, на место кумысного пира.

Выйти к нему захотел Судалба. Два его господина не могли удержать. Двух человек на подмогу позвали. Двое домашних мигом пришли на помощь. За оба колена арканом тащили, а два его господина, за углы рта его пальцы засунув, тянули. Вырвался, убежал. Тот силач посмотрел на него да, посмотрев, топнул ногами и в землю по бедра ушел. Судалба, побежав, ребром ладони перебил его пополам у перехвата стана и вверх бросил. Ну, человек этот, брошенный вверх, упал наземь. Как падал он, Судалба вскричал:

— С заживо сгнившими людьми бегать заставляют,

с такими заставляют бороться! — сказал, насмехаясь, и в дом вскочил.

Тогда Буура-Дохсун разгневался:

— Я сам пойду к нему!

Родные умоляли его:

— Э! не ходи ты сам к этой сволочи! — говорили. Не пошел, унялся.

Дважды девять столов поставили в доме, дважды девяти коней мяса на столы навалили, в девять мисок налили пожлебки. Домашние парни вышли, позвали:

— Идите есть!

Буура-Дохсун-господин впереди и все племя его — вошли в дом и сели. В дважды девяти кубках кумысу подали им; потом стали есть.

До ночи ели. Буура-Дохсун сказал:

— Лучшие люди чужеземцев славятся достатками, велите дать две хороших ноги мяса.

Ему послали две ноги мяса.

А на левой стороне, в отдельном доме, где жили они, Судалба страшно раскричался:

— Эти с неба нисшедшее гордецы какой же глупый, какой дерзкий же народ! Не терплю их, не выношу! Что они сделают, если я унесу дочку Томороон-Тойона, с-девятисаженнымы-косами-Туярыма-Ку?

Услыхав это, Буура-Дохсун очень разгневался:

— Что это, что это молвил шустрой? Пойду-ка к нему! — и захрапел.

А Судолба между тем, прибежавши, вылил в огонь девять мисок похлебки. От масляного чада страшный дым, страшная темь стала. Людям людей не видно — такая беда!

Иные слугам кричали:

— Кушанье подай мне!

Сышины были голоса других:

— Где моя пальма, налучье мое где? Где одежда моя?

Шум, крик поднялся. Иные хозяйские слуги, расхищали мясо, что грудами на столах лежало, да под-

мышки совали. Иные в питаны себе набивали. Иные, набив себе рот мясом, скорились:

— Ой, ой! человека ушиб ты, человека ушиб!

А Суодалба разнес девятерной чуланчик и семерные стены; схватил, похитил с-девятисаженными-косами девушку, Туярыма-Кую, и с нею ее постели, одеяла, подушки, все швейные ящики, берестяные кузовы, сумы для платья,— сгреб себе сразу подмышки.

— Ухожу, господа мои! — очень громко на запад крикнул.

Это слово все слышали. Два его господина сели верхом на своих коней и за парнем своим вслед погнались. Буура-Дохсун приказал девке Кыбый-Эрэмэх:

— Иди, левонька! Никуда-то он не уйдет, — пусть эту женщину оставит!

Кыбый-Эрэмэх нагнала Суодалбу.

— Господин мой сильно разгневался! Я ему не дам уйти, говорит! Пусть оставит женщину, говорит!

Выслушавши это, Суодалба сложил наземь свою добычу. А эту гонцом прибывшую девку, Кыбый-Эрэмэх, схватил, придавил; взлез, как бык, как жеребец, наскоцил. Потом взял подмышку девицу свою и отбыл. Два господина его, за ним следом едучи, увидели — Кыбый-Эрэмэх, девка, сидит и плачет:

— К святым улусов народу моему, на чистое небо мое с каким лицом взойду? На небесных чистых дев какими глазами гляну? Одного-то, единого слова Буура-Дохсuna послушалась, да что со мной стало!

Так она, плача, причитала, и слышали они, проезжая мимо. А Суодалбу, когда ночь светлье стала, нагнали Хаарджыт-Сокол и Кытыгырас-Баранча. Увидевши их, девушку свою наземь положил Суодалба и схватил в обе руки по дубине. Хаарджыт-Сокол и Кытыгырас-Баранча, двухголовыми Екесекю-Птицами оборотившись, с небес с шумом прямо на него пали.

Когда спускались, дубинами, что в обеих руках держал, Суодалба бросил им в печень. Оба они кувырком полетели; Суодалба схватил было их — едва вырвались, улетели на небо. Девицу свою опять взявши подмышку, дальше пошел Суодалба.

Едва тронулся, как по хребту светлого неба гром загрохотал, пала молния. Глянул Суодалба, а это Буура-Дохсун, обернувшись черно-пегим орлом, на него спускается. Суодалба взял дубину.

— Пятью пальцами моими подарок дал! — сказал и бросил, как привычно, в печень.

Черно-пегий орел произвзительно закричал, по широкому небу полым хлестал, шумным вихрем оборотился. Уходил, слышно, вихрь, к небу шумно летел. А когда улетал, слышалось: «В средний свет, где убывают воды, где деревья валятся, в грязный, поганый прах этого света нисшел я — и вот что случилось! Пусть же на будущие века жители чистых небес воочию, в плоти и крови, в средний мир не нисходят!»

Все исчезло: стало поле полем, луга лугами.

К Джагалын-Бай-Тойону прибыл Суодалба со своею добyczей, со своими двумя господами. Домашние вышли навстречу с кликами: уруй! айхал! Девяносто слуг поводья приняли, дверь открыли, полстилку на сиденье положили. Восемьдесят баб и девок-служанок побежали навстречу девушке с-девятисаженными-косами, приняли Туярыма-Кую на ладони свои, дали ей с коня сойти, с одеждой и богатством в дом ее почетно ввели. У чуланчика Айталын-Кую посадили.

Большой пир настал, неослабное наступило веселье. С девятью выпуклыми ободками, гравою увитые, с верхом полно налитые, маслом сдобренные кубки девять человек трижды, низко, колени сгиная, кланиясь, подали. В трех увитых гравою, с девятью выпуклыми ободками, полных маслом кубках три служанки, трижды низко, колени подгибая, кланиясь, девушке с-девятисаженными-косами-Туярыма-Кую пить подали. Пошел обрядный свадебный пир, подобающая

гүләнка, ниспосланная свыше утеша. И девять суток шел непрерывный пир.

Был у Джагалын-Баай-Тойона конюх, парень прорвно-ходкий, быстроногий, Этири-Май называемый. Посмотреть на него — жира никакого, ни мяса, одни кости — такой он. Ездит на объезженной кобыле, в дом не входит. Чрез девять дней Джагалын-Баай-Тойон позвал этого парня.

— Этири-Май, поди-ка сюда! — сказал.

С объезженной своей кобылой в поводу предстал перед своим господином.

— Ну, парень, доверенным гонцом будь, нарочным сватом. Поезжай ты к тому, что владеет девяносто чубарыми жеребцами, или к Томороон-Тойону, скажи ему: радость высокая, великое счастье! Пусть выдает с-девятисаженными-косами-Туярыма-Кую, дочку свою, замуж за славнейшего из улусия, за почетного урянхайда, за Белого-Тойона внука, за Кюлюктэй-Бэргэна! Пусть приведет с собою девяносто парней-поезжан да восемьдесят баб; пусть в приданое пригонит скота так много, чтоб палка ломалась, погоняя, и так обильно, чтоб веревка рвалась, удерживая. Пусть приведет в поводу в середину земель моих, в мое серебряное гнездо. Так же и я дочь мою, Айтальян-Кую, благословием благословил. Так мы вдвоем, благословив, отдадим благословенным людям. Ну, парень, Этири-Май, поезжай скорее!

Этири-Май на свою объезженную кобылу ловко вскочил и вмиг скрылся. Этири-Май доехал, к радующимся великою радостью людям прибыл. Слуги-парни бросились к его поводьям. Не сошел он с коня. — Батюшке вашему сообщите, матушке вашей расскажите: хозяина восьмидесяти жеребцов Джагалын-Баай-Тойона конюх я, что на объезженной кобыле ездит, Этири-Май называемый. К другу его, Томороон-господину, Хабараан-госпоже нарочным сватом я прибыл.

Парни побежали в дом; сообщили батюшке своему, рассказали матушке своей. Старик и старуха вышли:

их поддерживали с обоих боков, с каждого бока девять человек стояло. Этири-Май рассказал заповедные слова, задушевые речи поведал. Старик и старуха стали восклицать: «Урай! айхал!» А Этири-Май направил свою объезженную кобылу в родную сторону и мгновенно умчался. Прибыв на пир, поведал Джагалын-Баай-Тойону, и тот восторженное вознес моление.

Заложив руки за спину, стоял Суодалба надувшиесь. Отставив ногу, стоял, как столб.

— Господа мои! — сказал: — к нашим-то, к Господину-отцу, к матери-Госпоже возвратиться срок близок! Я отправляюсь! А вам долго ведь ехать, приданый скот погоните, в поводу поведете! Длинна дорога-матушка! — сказал и вмиг повернулся.

Даже не заметили, как он из глаз пропал. А те остались устроить свадебные обряды.

Сильный-Кюн-Эрилик и Лучший-Бэрэт-Бэргэн, господа и госпожи спят себе, а богатство их попрежнему множится. Суодалба одним-один прибыл, столбом в дом ввалился; оказывается — проснулись, лежат. Все четверо привстали, сели на постелях, очень испугались и так смутились, что ничего не могут ни сказать, ни подумать. Тогда тот песнею выводить стал:

О зятя мои! О тетушки мои!

Подбоченился, а затем:

Сегодня истек положенный срок,
Исполнились девяносто дней
Счастья большого — доверху,
Блага большого — кругом полно.
Небожителей я, как сено, скосил,
Бродом прошел, как по воде.
С выси павших — ввысь отослав.
С божбою отбыли вверх они,
С клятвою вдаль отправились.
Томороон-Тойона светлую дочь,
С девятисаженными-косами,

Взял себе в жены мой господин,
Женился на ней Кюлуктэй-Бэргэн.
Джагалын-Тойона нежную дочь
Взял себе в жены мой господин,
Женился на ней Бэрбээктэй-Бэргэн.
Вслед за мною едут они.
Ломится палка — скот погонять,
Рвется веревка — вести в поводу, —
Вот какое множество стад
Гонят, ведут они за собой!
По девяносто парней-гонцов,
По восемьдесят прислужниц-девиц —
Вот какая челядь у них!
В красный день прибудут они,
В нарожденье месяца в дом войдут.
Встречу почетно моих господ:
Выстрою им нарядный дом;
Разведу домашний огонь;
Медную коновязь укреплю;
Выращу рощу светлых берез,
С кумысом глубокий выставлю чан.
Вот зачем я прибыл вперед,
Вот для чего торопился я.
Счастье-веселье! Спех-суета!

Такая, что в сердце не поместится, радость пришла, такая честь, что в мысль не войти! С-девятым саженными-косами-Уолумар-шаманка, в девятиободный кубок кумысу налив, с краями полно маслом сдобрив, мужу своему подала. Сильный-Кюн-Эрилик поднял кубок, трижды, колени подгибая, кланиясь, Судалбе подал. Судалба, так стоя, вышел в один прием.

Побежал к выходу, у порога схватил топор. Неслыханный шум поднялся, невиданная возня. Это он, взвалив на себя, бревна вносит, один, обнимая руками, волочит. А как работал — и не заметили. Самим-то смотреть времени не было, — вчетвером готовились: что остров лиственниц — серебристых березок наты-

кали, что лесное озеро — глубокий чан выставили; столы накрыли, горы кубков нагромоздили, ряды круговых ковшей наставили, шестиножные березовые лабазы принесли. Длинных свалили, опрокинули грудастых; на слоистой бересте готовили, на чистой бересте подали. Принесли, сколько в силах поднять были, сколько поместиться могло. Что сенокосный дол — золотистые столы поставили; горной зеленою осоки постлали; белых конских шкур на сиденья положили. Едва управились! Три дня в суете прошло, как оглянулись на Судалбу: а он сработал, устроил дом, очаг, коновязь, утварь, изгороди, загоны, все без изъяна, полным-полно. Любовались на работу его.

В красный день, в нарождение месяца слышатся голоса с южной стороны. Ржет молодой жеребец, мычит бычок, звучит громкий говор людской. Что шорох листьев древесных, несется шум мехов, одежд. Сладкий запах ласкал обоняние, взоры тешил прекрасный вид. Что радости было, что смеху! Сколько говору! По девяносто вольных парней, по восемьдесят вольных девиц — первые прибыли. Встали навстречу прибывающей родне, поезжан-господ, поезжан-госпож. Поводья приняли, дождались с поклонами и кликами, встретили с ликованием и благословениями. Что собрано одежи, мехов, шкур, приданого, — все убрали в сумы, вдоль уложили, краями сложили. Приспело обрядовое свадебное гулянье, великий пир настал.

Среди радости этой Судалба явился. Перед Уолумар-шаманкой-с-девятым саженными-косами столбом стал.

— Насилу-то! И горя много задевал я в жизни пойдами, и много муки лбом рассекал! Пора бы и отдохнуть!

И запел:

Уолумар-шаманка, тетушка!
Девятым саженноволосая!
Заветное слово скажу тебе!
Задушевную речь поведаю!

Вспыхнув, распался солнца свет
Серебряными опилками;
Сверкнув, рассыпался солнца свет
Темной меди опилками;
Это мать моя родилась.
Злая шаманка ее родила,
Ведьма, гибельной смерти оплот.
Зловещим, бродячим духом была
Моя мать, шаманка Селенгедэй
С-семисаженными-косами.
Скромная, обернулась она
Светлого мира дочерью;
Тихая, притворилась она
Солнечного мира девушки.
Знающая семьдесят чар,
Восемьдесят раз волшебница,
Девяностократ оборотница,—
Гуляла она по краю небес,
Водилась она с небожителями,
Играла с святыми и чистыми.
Светлого, благословленного
Аджинай-богатыря обольстила она,
Заманила его, приблизила.
От него порожденный сын ее,
По крови я — от светлых кровей,
По виду — темный, невзрачный я.
Все же я чистого духа сын,
Светлого Господина внук,
Желанья мои незлобные.
Ну-ка, шаманка, тетка моя,
Уолумар-длиннокосая!
Ты родила ведь девочку-дочь,
Хочешь зачем-то скрыть от меня.
Разве чужой тебе мой отец,
Младший твой брат Аджинай-богатырь?
Дай мне в жены дочку твою,
Светлую девушку-богатыря!
Дай мне, отдай мне, благослови!
Дай в приданое лучший скот;

Девять стального отлива кобыл,
Девять черных, как ночь, коров,
Вспомни, как я работал для вас,
Как я вашим детям служил.
Вот они, золотые мои,
Кюлюктэй-Бэргэн, Бэрбэрэй-Бэргэн, —
Пусть расскажут, что делал я
Потом усталого лба моего
Мазал себе я ступни ног;
Потом усталых ступней моих
Мазал я по лицу моему.
Смерть мою приравнивал спу,
Служил до потери дыхания!
Дом их устроил, огонь возжег,
Медную коновязь укрепил,
Их соперников истребил,
Их врагов навек поразил!
Кончена служба, исполнено все!
Ширьтесь, растите теперь на века!
Славьтесь, сияйте по всей земле!
Я ведь светлого рода внук,
Чисты благословенны мои.
Ну же! Дай твою нежную дочь!
Хочется мне по-соседски жить,
Близко и тесно с милой родней.
Дашь — возьму и не дашь — возьму!

Никто — ни слова. Он вскочил. В девять стен сложенные кладовые, в десять рядов резаные прилавки, меха, одежду, — все, что было, целиком сгреб. Подмышки забравши, на запад убежал. Никто — ни слова; обомлевшим сидят: так смущились все, испугались.

Через три дня вот что видят: на западной стороне, по ту сторону восьми озер, среди девяти морей, — на проклинающем проклятом, заклинающем заклятом, знажарем заговоренном острове, — за пределами вдали тянущихся покосных угодий, позади поросли, что выросла-сплелась, — поверх дальних гор; посреди

стройного, как ровно отрезанный хвост матерого коня, темного леса, — вьется сизый дым, словно вверх брошенный аркан. Все глядели. Сильный-Кюн-Эрилик и Лучший-Бэрэт-Бэргэн помчались на этот дым. Встутили в стройный темный лес. Войдя, увидели: девять коновязей вбиты, девятиоконная высокая юрта слажена. Подошли близко. Еще не вошли, как дверь дома открыла домохозяин Суодалба. Громким голосом вскричал он, не подпустив:

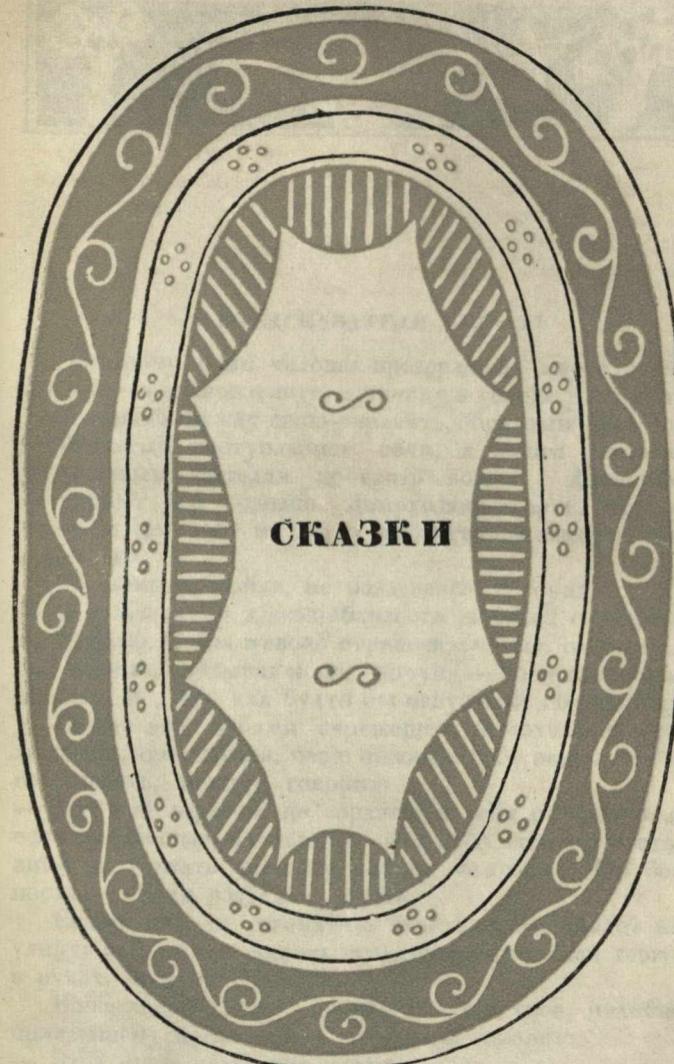
— Не подходите! Сами себя губите вы! Убрайтесь!
И они повернули назад.

СКАЗКИ

— Ох, папа! А я пришла из леса! — откликнулась девочка, покрасневшая, и заморгала блестящими зелеными глазами. Отец открыл глаза — и увидел, что девочка не спит. И сразу же кинул на нее объятия:

— Ох, папа! Я пришла из леса! — откликнулась девочка, покрасневшая, и заморгала блестящими зелеными глазами. Отец открыл глаза — и увидел, что девочка не спит. И сразу же кинул на нее объятия:

ПРЕДСКАЗАТЕЛИ СУДЬБЫ

В старину один человек-прозорливец, много в лесу промыслив, накопленную пушину в городе распродав, чтоб зимнюю нужду свою справить, обратным проездом застигнутый наступлением ночи, к одним довольно зажиточным жителям ночевать вошел.¹ Домашние встречают его холодно. Домохозяин-старик, как он видит и замечает по лицу, как будто бы намерен прогнать его.

Ночлежник, войдя, не раздеваясь, говорит:

— Я издалека еду, здесь поблизости жителей совершенно не знаю. Когда в своей стране-земле был, самые белые жители, призываая меня, «ночуй» — говорили, упрашивали. А здесь как будто бы ненужный людям сижу.

Сказав это, зубами скрежещет. Домохозяин догадывается, смягчается, свою нижнюю губу подбирает и, собравшись, шепнув, говорит:

— Ну, мой дорогой, не сердись; я тебя не прогонял; если нуждаешься в ночлеге — ночуй; думаю, я в состоянии выдержать ночевку одного человека. Что бог послал, губами разделим, думаю.

Сказав это, не дожидаясь ответа, выскакивает на улицу; распрыгши лошадь его, ящик с товарами держа в руках, заходит обратно.

Ночлежник-человек, промычав про себя, подобно привыкшему приказывать человеку, говорит:

— Этот ящик сюда вот клади.

Сказав это, указывает на место рядом на дороге стоящего жернова. Домохозяин приносит ящик и на указанном месте кладет. Ночлежник, свою высокую шапку с дохой сняв, вешает, согреваясь, располагаясь.

Вот разговаривать начинают. Разговаривая, долго хозяин-человек икоса, краем глаза налево взглянув, говорит:

— Ну, мой дорогой, вот эта женщина, подруга моего сына, беременна; в виду ее близких родов, сын мой бабушку звать пошел; грязь и нечистоту как-то переносишь ты, человек?

Ночевщик:

— От айны не отвернувшуюся бедняжечку мою, если бы сподобила посещения айысыт, вот ликование было бы.

Невестки крики от боли потуг раздаются. Свекровь ее, в огонь пучки волос бросая и масло наливая, заставляет чадить. Два человека, о различном говоря, тихо разговаривают; старуха для Айысыты пищу готовя, хлопочет и между делом к болящей снохе подбегает. Наконец с улицы заходят парень со старухой.

С улицы вошедшая старуха, смутившись, съежившись, снимает одежду, к правому боку печки подойдя, пальцы свои у огня согревает. Затем за левую перегородку скрывается; время от времени крики болящей женщины оттуда несутся. Проходит немногое время, и вот домохозяйка, вечернюю пищу на стол поставив, накрывает, готовит. Ночлежник-человек, лошадь свою, выйдя, поглаживает, чтобы узнать, отстоялась ли, и бесшумно возвращается в дом.

Поех, насытясь, ночлежник спальню свою одежду, с улицы внесши, чтобы отогреть, по лавке раскладывает. Лошадь свою, выйдя по указанию домохозяина, в узкую загородку в лесу завода, зеленым сеном кормиться оставил.

О разном понемногу тихо беседуя, ложе свое в теплом углу устроив, ложится. Лежа, о разном, о том, о сем смутно думая, засыпая, тепло так начинает дремать. Потрескивая, горящий огонь на утомленного

поездко человека, подобно качению колыбели, тихий, теплый сон навевает, к крепкому сну приводит.

Уже на середине усталого сна своего сновидение видит. Осеню ли, весну ли, откуда — ему не понять, как будто светлое-светлое солнце печет, стоит. Сам он — под развесистой елью на северной опушке, на чистой поляне, совершенно круглой, белый год покрытой зеленою травой, сидит, отдыхает, оказывается.

И вот, сидя так, видит: подобно легкому ветру зашелестев, оттуда, отсюда семеро детей, легковейные, прилетают.² Собравшись, пляшут, раскачиваются. Одежды ихние с головы до ног — яркие цветы. Напевы их, если слышать:

— Пусть будет, чтоб мы насиженной изобильной стране счастливое потомство ниспослали. Пусть будет, чтоб мы здоровым, крепким потомством наделили. Чтоб не расшаталась удача, чтоб не вылилось счастье, — говоря, напевали, плясали.

Какой-то вдруг страшный шум послышался, дети, испугавшись, словно бы с дерева шишкы, туда и сюда рассыпались. После этого, понемногу, опечаленные, собираясь, друг на друга пенять стали:

— Ты предскажи.

— Нет, ты предскажи, — воскликнула.

Самый большой из них говорит:

— Я вот как предсказываю: до половины своих лет по силе и ревности равного себе на имеющий человек пусть будет. Достигнув же половины возраста, болезни подвергнувшись, пусть душа его выйдет.

Дети:

— Очень хорошо, — сказав, разлетелись.

От плача новорожденного ночлежник-человек пробудился.

— Наверное про этого ребенка говорилось, — промолвив, задумался.

Утром, встав, за часем сон свой рассказывает. Домашние только друг с другом переглянулись.

Старуха:

— Ну, вот, так и значит. Это я, несчастная, пальцы

у меня стянуло, — желая с полки достать, на пол с шумом сковороду уронила. Да еще, испугавшись, закричала. Вот этих детей, предсказателей судьбы спугнув, внука неполной судьбой наделить заставила, — сказав, замолчала.

Все без слов, опечаленные, сидят.

— Одун-хана³ предопределение, предсказателя судьбы указание, не имеют обычая отменяться, не меняться имеют предсказания, — так в старину говорили умные люди, — сказал старик.

ОМОЛЛООН

Когда у Бологурских¹ старика и старухи родился мальчик, Омоллооном назвали его, говорят. Достигая возраста, когда сын становится помогой, в напевах девушки поминаемым юношей становясь, очень быстро и скоро стал вырастать. К четырнадцати годам был вышининою в три сажени. Соразмерный себе человек, соответствующую имел наружность.

Однажды к отцу-старику друг его Бысый-шаман погостить явился. Для него жирную, отгулявшую кобылу убив, распотрошив, нарубив на кусочки, в большом котле, говорят, наварили.

Когда знатный человек, желая хорошо друга насытить, когда богатый человек, желая так наркомить, чтобы угодить гостю, ходил, стряпая, приготовляя, суетился, — сын его, парень Омоллоон, войдя, около дверей на последней скамье только сел. Из-за голенища свой тонкий и острый маленький нож достав, из ножен вынув, оставшуюся на досках голенную кость кобылы, ножом потыкав, взял, мясо отведав и съев, у кости концы зубами раздробив, высосав мозг, проглотил.

При этом Бысый-шаман, сия, сильно подивившись, сильно испугавшись, сказал:

— Дитя моего приятеля, назовись Елоком-Сердитым; дитя моего друга, Богуй-Крепким назовись.

*

На это Омolloон рассердился:

— Говоря, что он знаменитый, с сильными абаасы, шаман, обидев нас, желает уйти, — гневно стал говорить. «Я — великий, большой шаман», — думая про себя, превозносясь, упрекнув, плюнув, хочет уйти, значит, — говорил.

Сильно подосадовав, сильно обидевшись, шаман не дал знать свой гнев; и, слыша, был как бы не слыхавший.

Омolloон, лихие намерения накопив, злые мистические мысли собрав, когда стало время переходить за полночь, брата-ребенка разбудил; желая схватить кровяное, желая сгущенное поглотить, — Бысыя-шамана для убийства, мести своей для выполнения, — в путь отправились.

Перед самым рассветом неба, когда прибыл Бысыя-удальца ко двору, четырехглазая, белоногая собака звонко на них залаяла. Младший же сын, свернув ей шею, заставил собаку умолкнуть. Войдя в дом, на передней лавке спящего шамана усмотрев, Омolloон, из лука в черную его печень наделился. Когда выстрелил, сквозь шамана пройдя, стену юрты пробив, стрела с обмазкой юрты вылетела. Шаман же бросился, человек-удаец сказал, говорят:

— Дитя моего приятеля Едок-Сердитый, дитя моего друга Богуй-Крепкий съел, поглотил.

Это услышав, предка нашего, оскорбившего великого нашего, большого шамана, в поколении старшего обидевшего, надевшего шкуру абаасы, — обидчика этого, во что бы то ни стало догнав, в зарослях ивняка отодрав, заставить раскаяться, в зарослях тальника отстегав, селезенку его разодрать; в зарослях кустарника избив, — допросить о повадках.

Пока икры его и голени от костей не отстали, мясо передних конечностей пока не сгустело, мясо задних конечностей пока не сварилось.

Так говоря, досадуя и рассердившись, погнались за Омolloоном люди шамана Бысыя, желая заставить его раскаяться; это задумав, войско собрав, в погоню

послали, говорят. Омolloон верхом на своей серой кобыле на восток убежал, говорят. Уезжая, сказал младшему брату:

— Парень, много ведь хвастался ты своей подвижностью: «Я шустрой из шустрой» — говорил ведь ты про себя, так, наверное, и без меня сумеешь охранить свою жизнь. — И в сторону восхода солнца уехал, говорят.

Меньшого брата, беднягу, преследуя Бысыя-шамана, войско утомилось; лошади их отошли, сила их кончается, мысли их притупились.

Когда так сидели, Бысыя-шамана жена, большое чудище, сны видеть повадилась, ночью такое увидела: «Меньшего сына догнать — такого сильного коня не уродилось еще, он же в воду, подобно рыбе, ныряет, в поле, подобно стреле, уносится, на дерево быстрее белки влезает. Когда он спит, один глаз не закрывая, спит. Подстереги, когда над ним белая птичка пролетит, подстереги, когда под ним одна мышь пробежит. Он, в славу вошедшй, чуткий, воспетый в песнях, бдительный, отда имеющий от Айысыты с предназначением, от Ийехсит-матери — определение, от земли и неба — определение, размножающий род якутов. Потому ничем от людей не уязвимый человек. Разве только стрелой, которой убил он Бысыя-шамана которая была однажды в крови, — если тою стрелой выстрелить, низведя на нее духа кровожадности, тогда что-нибудь, может, и случилось бы». Так ей во сне сказала, шаманил, Бысыя-шамана чудице-юер.

После этого сна в продолжение трех дней и ночей камлая, имея видения, вертась и раскачиваясь, про-видев, узнали, где упала стрела, убившая Бысыя-шамана.

Найдя стрелу, в продолжение трех дней и трех ночей, всех шаманов своих собрав, все шаманки, собравшись вместе с менериками, со всеми свободно владеющими речью, шумя, распевая, камлая, скача, раскачиваясь, духа кровожадности на нее низвели, говорят. Стрелу свою, владевшую духом кровожадно-

сти, много раз совершив заклинания, в сторону неба нацелившись, выпустили, говорят. Эта стрела, вылетев в трех верстах на западную оконечность длинными камышами заросшего озера, стрела-чудовище, духом кровожадности владеемая, самовольно выискивая, выслеживая средь камышей скрывшегося парня, из камышей выглянувшего, настигнув, голову ему размозжил, говорят.

Бысия-шамана войско, победители, пируя, насытясь, поев, заснули, говорят.

Омolloон в восточней стране пребывая, пробыл, говорят, три года, как увидел: на дальней опушке Джугджура,² довольно большая речка, протекая, как пол гору вся ушла. Очень долго смотрев на это, задумал он дело. На гору поднявшись, с тупой вершиной ель срубив, чурбан обтесав, на нем сделав круглую выемку, пустил по воде, говорят. Затем на серую кобылу свою усевшись верхом, следуя за чурбаном, увидел, — из-под горы большая речка пенится, бежит. Как ни ждал, чтоб показался брошеный чурбан, — не дождался.

Тогда Омolloон, рассердившись, лошадь свою в лес отведя, сам пешком возвратился обратно к тому месту, где речка уходит под гору, и подобно утке-крахалю, нырнув, спустился. Очень долго нырял. Долго ли, скоро ли нырял, сам он не стал высчитывать. «Беда имеет удобный случай, горе — веревку, счастье же слепо» — такая пословица есть. Продолжая плыть под водой, услыхав крики утки-чирка, последовал в ту сторону. И вот, когда, нырнув таким образом, плыл, лунная темнота посветлела, солнце видится ему из-под воды, полное, как в сосновый месяц,³ когда, подобно донышку медного котла, краснея и алея, виднеется.

Из-под воды, течением выброшенный, поднялся Омolloон на поверхность. Вынырнув в средине речки, к берегу приплывает. И, когда, из воды выйдя, взяв свою одежду, к лошади подошел, солнце только еще стоит на опушке леса. Когда осмотрелся, видит — нож его с ножнами, от пояса отвязавшись, в воду упал. Так

Омolloон без споручного острого ножа остался, на дальней опушке Джугджура потерял, говорят.

После того как три года находился в бегах, возвратясь в свою страну, лома стал жить, говорят. Однажды, в то время как пла шуга по реке Кюлюмчю, встретив родоначальника Восточно-Кангалацкого улуса, Богуя-Крепкого с верховьев Кюлюмчю, Омolloон, укрывшись за деревом, в пах его нацелевшись, лук свой спустил.

Богуй-Крепкий-удалец, увидев — стрела летит, вверх подпрыгнул; стрела, спустившись, луку седла пронизала.

Богуй-Крепкий по своей силе Омolloона превосходил, говорят; поэтому, — «поймав, убьет», говорят, — Омolloон, во время шуги через Кюлюмчю перескакивая, переправился, говорят.

Видя это, подивившись, Богуй-Крепкий, — «с таким человеком враждуя, полезного не найдешь», решив, — примирение затяг. С этих пор очень хорошо, по-дружески, очень благожелательно зажили, говорят.

Таким образом, по-дружески живя, Богуй-Крепкий откуда-то услыхал (пословица ведь: «ухо далекое слышит, глаз близкое видит»), что в Олекме⁴ свой Омolloон живет. Поэтому Богуй Омolloону так говорит: — Как бы то ни было, пойдя туда, вступив в борьбу, победив или дав себя победить, на Якутской земле умереть ты должен. В случае победишь — привези с собой какую-либо примету. Если же через год в свою страну не вернешься, — пал побежденный, кровь свою пролил на снег, вороне дал расклевать, — значит, скажу.

Тогда Омolloон на серую кобылу свою усевшись, как подобает путнику собравшись, на Олекму поехал, говорят. Вот, поехав, к Олекме приехав, вступивши во двор Олекминского Омolloона, привязав свою лошадь, — в большой балаган вошел. Перед печкой на лавке двухсаженного роста человек очень сильный лежал, говорят.

Когда Омolloон зашел, горящее полено, из печки упавши, опалило бедро лежащего голого человека;

человек же, ничего не говоря, лежал, говорят. На это мать-старуха, с левой стороны подбежавши, горячее полено взяв и бросив:

— Дурак, на того, что едет брать себе в жены Олекминскую шаманку, на этого парня рассердившись, оба глаза закрыв, лежит. Дойдя до того, что не чувствуешь, как огонь жжет твоё тело, — говоря, старуха ругалась.

Омolloон, поверив, сказал про себя: «Если, и вправду, не чувствует, как жжет огонь, сильный этот человек, чем же, ударив, сделают ему больно?» Испугавшись, спросив дорогу к Олекме, вышел, уехал.

В знак того, что был у Олекминского Омolloона, Омolloон, лошадь его укравши, приехал домой, говорят.

После этого Омolloон в Вилюйск выезжал, говорят, чтобы жениться на Вилюйской шаманке. Раз уже с родом абаасы повздорились, — что хорошее выйдет, разве. Бысяя-шамана юер, спустившись, Омolloону внушил безумную мысль во время щуги реки Амги на гору Маайыской на коне с разбегу подняться. Когда конь назад попятился, Омolloон в исступлении до смерти его ногами сквал, на трехвествистую лиственницу лошадь свою поперек забросив, на узде своего коня повесившись, умер.

ШАЛУН-БАЛОВЕНЬ

С тремя сыновьями старуха жила, говорят. Старший и средний сыновья ее — охотники, хозяева; младший сын — Шалун-Баловень, среди трав и деревьев обретающийся, безумно-шальной глупец был, говорят.

Старшие братья младшего рассыльным парнем сделали, говорят. Однажды его осматривать рыбные сети и пленки,¹ на уток поставленные, посылают. К вечеру парень ихний без ничего пришел.

Средний брат, подозревая, спросил:

— Почему же ты ничего не принес?

Шалун-баловень на это:

— Заплывшая в сети рыба: «отпусти», говоря, так-то хорошо билась; в пленки попавшие утки: «отпусти», говоря, кверху так порывались, поэтому я отпустил их.

На передней лавке лежавший старший брат его, выслушав, встал с лавки, выйдя на улицу, расщепил палку, обтесав топором, внесши в дом, выстрогав скобелем, чтобы руки не занозить, Шалуну-Баловню протянув, подал и стал учить:

— Вот, лучший из мужей, знатный из людей. Что бы ты живое ни увидел, вот этой колотушкой-палкой по голове бей, разбивай головы, убивай и увечь.

Утром, когда небо начинало светлеть, подобно пуху на зобу куропатки-птицы, младший старухин

сын (он ли удалец не ранний), вскочив с постели, второрях поевши, подобно охотникам торопливо собравшись, на промысел свой отправился.

Когда солнце стало спускаться за деревья, младший старухин сын, много рыб и всякой дичи неся, сам весь в поту вернулся.

Когда шел, бедная его мать: «Сын мой с охоты удачной идет», говоря, радуясь, навстречу ему побежала.

Шалун-Баловень, палкой-дубинкой старуху по голове ударив, убил, говорят.

Вечером братья, пришли, увидели: парень ихний, много дичи промыслив, принес, матери же ихней не слышно голоса, не видно, как она ходит. Средний сын, перед печкой посидевши, матерью поискав глазами, младшего брата спросил наконец.

Брат, хвастливо вытянувшись:

— Старуху, когда навстречу ко мне, с охоты идущему, подобно попавшей в пленку утке подскакивая, она подбежала, — палкой по голове ударив, убих.

В ту ночь, как люди эти, жалевшие свою мать, с убитыми мыслями, тихо заснувши, встали, — старший парень Шалуна-Баловия попросил:

— К западному мысу пойдя, матери своей могилу глубиною по уши выкопав, возвратись.

На это Шалун-Баловень-удалец, к западному мысу прибежав, лежа ничком, в нескольких местах на земле вырезал кусочки с ухо величиною, на ноги вставши, вернулся; вернувшись, сказал:

— Кончил копать могилу.

Средний парень, посидев и подумавши, сказал:

— На умершей нет и одежды смертной надеть, разве только ты, Шалун-Баловень съездиши к нашей старшей сестре. От нее для матери нашей одежду смертную принеси.

На это парень, сев на лошадь верхом, к старшей сестре своей поскакал.

Болезнь бывает находчива, несчастье знает дорогу; поперек пути пробегает речка, за несколько дней

перед тем от дождя вода в ней прибавилась, бурлила, шумела, говорят. Лошадь, боясь входить в глубокую воду, назад попятилась. Шалун-Баловень ей:

— Бедный конь мой, что за несчастье! Эти мои торбаза вымокнут, скниют, говоря, не желаешь в брод переходить, с седла спустившиесь, с лошади своей со всех четырех ног камусы снял. Лошади больно ведь. Поскакала, запрыгала.

Тогда, надумавши, Шалун-Баловень:

— Лошадь моя, шуба-доха моя вымокнет, — говоря, в воду не заходит, с лошади своей шкуру снял.

Лошадь его, оскалив зубы, изо рта выпуская пену, издохла. На это Шалун-Баловень:

— Лошадь моя, по лености заставив снять одежду, заснула, — сказав: — Я и пешком, не замедлив, дойду, такой я человек, — говоря, пешком вприпрыжку дешел.

Придя к старшей своей сестре, как подобает быть гостю, сидя, подражая жалостливому человеку, как бы грустя, головою и ногами покачивая, стал говорить.

Старшая сестра его, идя в амбар за одеждами, проснувшегося плачущего ребенка своего поручив Шалуну-Баловнию, на улицу вышла. Когда ребенок, вытягиваясь и падая на спину, закричал, Шалун-Баловень, глядя его по голове, нашупал на детской головке как будто все чирья. Поэтому Шалун-Баловень-человек:

— Такой маленький ребенок — и с чирьими. Потому и плачет, оказывается, — говоря, кулаком голову ему сдавил.

Бедный ребенок долго ли будет терпеть? Когда он умер, Шалун-Баловень, обрадовавшись, простила:

— Вот ведь ребенку выдавил чирья, заставил с улыбками уснуть, — говоря, отнес и положил его в зыбку.

Когда старшая сестра вошла, Шалун-Баловень стал выговаривать:

— Ты — чудище, своего ребенка чирьими заразила.

Старшая сестра его, не поняв, как следует, о чем брат говорит, «Ребенок мой спит наверное», думая, парию одежды отдав, скорее домой погнала.

Когда Шалун-Баловень домой возвращался, сильный ветер поднялся, верхушки деревьев стали наклоняться.

— Вот от меня одежду выспрашивают, — говоря, взятые с собой одежды разрывая, по верхушкам деревьев развешивая, домой с пустыми руками пришел.

Братья в сердцах, навзнич положив, побрали, но с неразумного человека что возьмут? Зло сохранять будут, что ли? Мать свою положив на западном мысу, могилу построили, говорят.

Шалун-Галовень ночью услышал — два брата разговаривают, лежат, оказывается. Голос старшего брата говорит:

— На запад отсюда если пойти, с тремя дочерьми, с большими деньгами и богатствами абаасы девка живет.

Шалун-Баловень, услыхав, как ночью брат говорил, утром рано встав, уследил, что собираются братья. Когда братья, поев, насытились, абаасы-девки богатство, довольство чтобы разорить отправились, Шалун-Баловень-удалец, неотвязно напрашиваясь, сзади за ними следовал. Тогда братья его привязали к дереву. Дерево с корнями выдернув, волоча, за ними последовал.

Тогда братья привязали его ко льду озера; парень ихний озерный лед за собой волоча, с шумом за ними шел. Братья его, одумавшись:

— Ныне вот этого чудища сила иправ пригодятся, — говоря, отвязав озерный лед, пария взяли вместе с собой.

Когда к девке-абаасы прибыли, девка-абаасы, поймав двух его братьев, в железный амбар заключила; Шалун-Баловень-удалец, чтобы не отстать от братьев, самовольно в амбар вошел.

Абаасы-девка, желая съесть айны сыновей, победив, осилив, домой зайдя, найдя котелок, загремела.

Затем, позвав свою старшую dochь, сказала:

— Теперь я засну, ты же, выйдя, старшего пария нарубив, павари. — Сказав, заснув, засопела.

Старшая dochь, выбежав, дверь амбара раскрыв:

— Старший брат, выйди на доски для рубки мяса, подобно меховой рукавице, прикатись, — говоря, подскакивала, стояла. На это пария «Болезней дорогу² как бы летягой закрывая», Шалуна-Баловния бедного на улицу вытолкнули. Абаасы-девка, старшая dochь-чудище сразу обрадовалась, затем:

— Подобно меховой рукавице, покатись, — говоря, пинала, стояла.

На это Шалун-Баловень:

— Не знающему человеку сначала показав, научила бы.

На это абаасы старшая dochь (она ли не доверчивая?) на доски для рубки мяса, подобно меховой рукавице, подкатилась. Тогда Шалун-Баловень-удалец (его ли, человека, ухватки?), с четвертым лезвеем топор схватив, абаасы-dochку разрубая на части, в дом внеся, в медный котел положив, на огонь вариться поставил.

Девка-абаасы, выпавши, котел с огня выпнув, старшую dochь звала-звала; dochь не пришла. На это рассердившись, одна стала есть, еле с едой управилась. Когда крови попробовала, по крови догадалась, сказала:

— Кажется, родственной крови отведала.

Таким образом Шалун-Баловень-удалец ее заставил съесть всех трех дочерей. Абаасы-девка, кончив есть свою младшую dochь, как посмотрела — ни одной из дочерей нет. Тогда, догадавшись, пошла, посмотрела, увидела — три пария, все живы.

Абаасы-девка, когда парии сидели, ели кашу, прибежав, на парней напустившись, начала их кроинить. Два старших брата, встав, драясь начали. Абаасы-

дочь людей не осилит, что ли? При этом Шалуна-Баловия-удальца, у него, человека, разве кровь разыграется? Кашу свою ел, сидел. Тогда братья его, дочь абаасы подтолкнув, на Шалуна-Баловия наступив, кашу пролить заставили. Тогда Шалун-Баловень, дочь абаасы за обе ноги схватив, разорвав, убил, говорят. Дочь абаасы убив, богатство ее выбрав, домой привезя, разбогатели, зажили, говорят.

ОБМАНЩИК-ПРОСМЕШНИК

У Обманщика-Просмешника три купеческих сына соседями были, говорят. Обманщик-Просмешник однажды к купеческим сыновьям в гости пришел. Соседи с большой радостью встретили, заставляя его есть, угожаться, разговаривать-сказывать стали. При этом за едою разговоры умножились. Парни рассказали:

— Коня, что серебряными монетами испражняется,— такого коня имею.

На это парни: «Продай» говоря, пристали. Ради сильных упрашиваний, из-за жадности к большим деньгам, продать согласился.

На другой день купеческие сыновья приехали погостить, привезя с собой разной пушнины и серебра. Обманщик-Просмешник своей лошади в задний проход монет двадцать засунул. Вот когда, придя, увидели — Обманщика-Просмешника лошадь действительно монетами испражняется. Парни: «Диво» говоря, подивившись, «Удивительно» говоря, удивившись, как большое нападшие, над пахами коня знак тамгу¹ отметив, шумно домой отправились.

Прибыв домой, хвастаясь перед женами, заставили эту лошадь испражниться. Когда же лошадь будет серебром испражняться? Просто очень много выложила. Жены парней многими порицаниями упрекнули. Парни, сплюну разгневавшись и раздосадовавшись задавшись мыслью о мести, к Обманщику-Просмешнику

нику с шумом приехали. Обманщика-Просмешника дома не оказалось; убив его жену, вытащили на улицу и повесили на коновязь, затем подожгли дом. На другой день видят — Обманщик-Просмешник, жену в гроб положив, пепел дома своего собрав и в ящик насыпав, мимо ихнего дома по городской дороге поехал.

Через несколько дней Обманщик-Просмешник вывез из города много товара, одежды, конфет, сахара и разного другого.

И вот, приехав, говорит тем парням:

— Дети мои, думая, что худое мне сделали, приобещали вы меня к пище, еде.

Вот парни, любопытствуя: «Расскажи» — стали приставать. На это, только их упрашиваний ради, Обманщик-Просмешник рассказал, что тело умершей женщины и сгоревшего пепел дома в городе ценятся на очень большие деньги. «Мертвую жену, затем пепел своего дома продав, вот что везу» говоря, вокруг себя указал.

Парни, вбежав, ударами убили жен своих, дома свои дымокурами зажгли. После этого, на рассвете, трупы умерших жен и пепел своих домов на сани положив, в город отправляются. Когда в городе хотели продать, их схватили и в тюрьму заперли. Довольно долго продержав, выпустили.

Парни врага во что бы то ни стало убить порешали. Когда приехали, Обманщик-Просмешник, снова женившись, богатея, живет, оказывается. Наша люди, без промедления схватив, в большую, высокую суму засунув, зашировали. Затем, чтобы в прорубь спустить, с шумом к реке приволокли. Придя, прорубая прорубь, застучали.

Несчастье найдет дорогу, неудача — удобный случай, — позабыли они сачок, чтобы черпать разбитый лед. Ни один не хотел идти, а когда пошли все втроем, чтоб принести сачок, благородный по виду на тройке лошадей человек приехал и на кучах мелкого льда у проруби лежащую сумму пинает. Обманщик-Просмешник:

— Лежу и глаза лечу, — кричит.

На это человек этот, с плохими, больными гла-

зами оказывается, просит Обманщика-Просмешника:

— Меня вылечи, помоги.

На это Обманщик-Просмешник-удалец:

— Суму зубами развязки.

Человек, желая поскорее вылечиться, очень быстро развязывает. На это Обманщик-Просмешник:

— Ну, ты полезай и лежи, я зашиuruю.

Человек легковерно в суму залезает и ложится там. Обманщик-Просмешник, завязав и зашировав, усевшись в сани, поехал. Парни-удальцы, принесши сачок, вычерпав из проруби кусочки льда, эту суму приволокли и с плеском в прорубь бросили, не слушая, что тот, бедняга, просил:

— Не трогайте, лежу и лечу глаза.

Черный пут, даже до смерти с червями, — говоря, под лед затолкали. После этого победителями: «С пеплом развеяли» думая, по домам разошлись. Через три дня Обманщик-Просмешник на тройке лошадей к коновязи подъехал. Парни на улицу выбежали. Расспросив, узнали.

— В воде так называемая страна сюллюкинов² есть, оказывается; очень богатая, обильная страна. Три дня поработав, три коня и на трех коней упряжь за работу получил, — рассказал.

Парни, всему поверив, Обманщика-Просмешника просить стали:

— Прежнюю вражду пусть огонь подожженной травы спалит, теперь ты старший наш брат будь, поэтому нас богатства и пищи не лишай, устрой хорошее, в эту сюллюкинов страну отправь.

Обманщик-Просмешник, три сумы взяв, по-отдельности парней вложив, прорубь вырубил и в реку спустил, говорят.

ЛУЧШЕЕ ИЗ ЛУЧШИХ

Чачакаан-Чачакаан-старуха зимним морозным утром, взяв два турсука, черпать воду вниз к реке спустилась. Подойдя к проруби, расколол лед и сачком вычерпав льдинки, хотела набрать в турсуки воды; не сумев, на гладко замерзших брызгах поскольку знувшись, упала и воду всю пролила. Пока, бедный человек, охая и ахая, собираясь подняться, пролитая вода ко льду старуху крепко приморозила.

Чачакаан-Чачакаан несчастная, баражаясь, обес силела, потерявши силу, крепко примерзшая, лежа, зимнего солнца восход увидев, сказала, говорят:

Чачакаан. Солнце! Солнце! Мощь твоя велика ли?

Солнце. Мощь моя куда же денется? Я ведь лучший из живых.

Чачакаан. Если ты такой лучший из лучших, поэтому черная туча застит тебя, закрывает?

Солнце. Черная туча, значит, лучше лучшего.

Чачакаан. Черная туча лучшая ли из лучших?

Черная туча. Мое лучшее из лучшего куда же денется?

Чачакаан. Хотя ты и лучшая из лучших, почему ветер раздувает?

Черная туча. Ветер-удалец лучше лучшего, значит.

Чачакаан. Ветер-удалец, лучший ли из лучших?
Ветер. Мое лучшее из лучшего куда же денется?
Чачакаан. А почему, каменная гора, мешая, обратно гонит?

Ветер. Каменная гора лучше лучшего, значит.

Чачакаан. Каменная гора лучшая ли из лучших?

Каменная гора. Мое лучшее из лучшего куда же денется?

Чачакаан. Но почему же серая мышь насквозь пробегает?

Каменная гора. Серая мышь лучше лучшего, значит.

Чачакаан. Серая мышь лучшая ли из лучших?

Серая мышь. Мое лучшее из лучшего куда денется?

Чачакаан. Но почему собака отважная, поймав, съедает?

Серая мышь. Собака отважная лучше лучшего, значит.

Чачакаан. Собака лучшая ли из лучших?

Собака. Мое лучшее из лучших куда же денется?

Чачакаан. Но почему же человек-удалец убивает?

Собака. Человек-удалец лучше лучшего, значит.

Чачакаан. Человек-удалец лучший ли из лучших?

Человек. Мое лучшее из лучших куда же денется?

Чачакаан. Но почему же абаасы съедают?

Человек. Абаасы-чудище лучше лучшего, значит.

Чачакаан. Абаасы-чудище лучший ли из лучших?

Абаасы. Мое чудище, лучшее из лучших, куда же денется?

Чачакаан. Но почему же шаман-парень, поймав, в нижний мир отправляет?

Абаасы. Шаман-парень лучше лучшего, значит.
Чачакаан. Шаман-парень лучший ли из лучших?
Шаман. Мое лучшее из лучших куда же денется?

Чачакаан. Почему, в огонь падая, умираешь?
Шаман. Огонь лучше лучшего, значит.
Чачакаан. Огонь-чудище лучший ли из лучших?

Огонь. Мое лучшее из лучших куда же денется?
Чачакаан. Но почему же вода гасит?
Огонь. Вода лучше лучшего, значит.
Чачакаан. Вода лучшая ли из лучших?
Вода. Мое лучшее из лучших куда же денется?
Чачакаан. Но почему же земля, впитывая, высушивает?

Вода. Земля лучше лучшего, значит.
Чачакаан. Земля лучшая ли из лучших?
Земля. Мое лучшее из лучших куда же денется?

МАЛЕНЬКИЙ БОГАТЫРЬ В СЕРОМ ЗИПУНЕ

Давно, давно, когда еще люди некрещеные были, одинокий человек жил. Надоело ему на одном месте жить, и вот в один прекрасный день он, сам не зная куда, пошел.

Шел, шел, наконец в один город пришел. Видит, стоит высокий дом. Вошел, а в нем живут, оказывается, сорок восемь разбойников, разоряющих города Сибирь-страны.¹

Разбойники обступили парня и убить его угрожают.
— Ради бога не убивайте, я буду вашим товарищем, буду, вместо слуги, обед вам готовить, — как мог, человек тот взмолился. Разбойники смилиствились и в живых его оставить решили. Вот парень живет у них, готовит еду и смотрит за их хозяйством, когда они на разбой уходят.

Однажды разбойники видят, что на другой стороне города красная луна взошла, которая, приближаясь, все более и более разрасталась. Когда приблизилась, оказалась эта луна лицом маленького человека в сером зипуне с большой, больше себя, медной пуговицей; он верхом ехал на маленькой лошади, всего по второму году.

Человек этот к разбойникам во двор заехал, лошадь к коновязи привязал и в дом вошел.

Разбойники накинулись на него, говоря.
— Зачем приехал? вот мы тебя убьем.

Маленький человек взмолился, говоря:

— Подождите, друзья, не убивайте! Я привез вам посылку, — в дом кожаную высохшую котомку внес и стал греть ее у огня.

Разбойники кругом обступили и начали отнимать котомку.

— Друзья, подождите, — остановил их маленький человек, — садитесь все вокруг стола, я котомку раскрою.

Разбойники расселись, и маленький человек котомку на стол положил. Когда же все они наклонились над котомкой, маленький человек вынул меч и сразу одним ударом головы им отсек. Сделав это, все головы подсчитал и сказал:

— Всего сорок восемь голов, а мне казалось, что разбойников сорок девять; значит, я ошибся. — Потом на своего коня богатства их погрузил и уехал.

Тот парень все время в погребе просидел и вылез только после отъезда маленького человека. «Все равно, не прожить мне здесь» — подумал, запасся пищей на два, на три дня и, сам не зная куда, отправился.

Шел, шел и, наконец, в один город пришел. В одну лавку зашел, а там стоит богатырь, убивший разбойников. Лавочники, посмеиваясь, богатырю говорят:

— В шляпе-шапке и в сером зипуне, Серенький богатырь-купец, почему все эти товары не скупишь? Не бось, денег нехватит!

Подмигнул богатырь нашему парню и на улицу вышел. Парень за ним. Богатырь спросил:

— Не хочешь ли ты поступить ко мне в работники? Парень тот согласился.

Через несколько дней богатырь, на своего коня нагрузив сорок пудов клея и сорок пудов мамонтовых клыков и на круп лошади работника посадив, к себе домой поехал.

Когда приехали, богатырь работнику расседлать коня велел, а сам в дом вошел. Работник бился, бился; и хотел бы выполнить приказание хозяина, но ничего поделать не мог: слишком тяжела эта

упряжь! Долго без толку мучился, пока сестра хозяина-богатыря из дома не вышла и коня не расседлала.

— Бедняга, какой ты слабый, не можешь даже этого сделать, а сам приехал в такую даль, — сказала.

Сестра хозяина сильно работнику приглянулась, и, когда все спать улеглись, ночью он к ней пошел. Но, когда до нее только шаг оставался, дыханье спящей отбросило его назад, и никак не мог он приблизиться.

Утром сестра богатыря вместе с работником возить на быке сено отправилась. Работник в своих ночных похождениях признался. Женщина эта сказала:

— Я — сильная богатырша, брат тоже богатырь. Если он рассердится, — гору кула угодно перенесет. А на мне жениться сильнее меня человек может. Если не веришь, попробуй-ка, настуши мне на мизинец.

Когда работник встал на ее мизинец, девушка совершенно свободно его от земли подняла.

Стыдно стало работнику, что женщина сильнее его; предложил, чтоб встала она на его мизинец. Как только девушка встала, мизинец его хрустнул и сломался.

Когда домой приехали, брат сестре попросил приготовить еду. Она в большой котел сорок пудов клея положила, сорок пудов мамонтовых бивней и сорок пудов слюды и это три дня разваривала (когда еще уварится мамонтова-то кость!).

Когда, наконец, похлебка уварилась, богатырь с сестрой по шести ковшам выпили, работник с большим трудом два с половиной ковша одолел и этим от хозяина похвалу заслужил:

— Столько, — сказал, — могут только сильные люди! — и в награду обещался с собой работника взять, когда поедет с нечистым богатырем-абаасы сражаться.

На другой день, рано утром, нагрузив на лошадь десять пудов масла и десять пудов коровьих ног, богатырь с работником выехали.

Через долгое время в каменную тундру прибыли и в пустой каменной крепости остановились.

Отдохнув, как следует, богатырь сказал работнику:

— Здесь три погреба: ты их водою наполни. Когда я стану воевать с злым духом, голова и копыта моего коня докрасна раскалятся, потому что они из железа. И для того, чтобы охладить их, я выкупаю в этих погребах моего коня.

В это время в крепость заехал один проезжий богатырь и сказал:

— Недобрый богатырь-абаасы тебя на битву в чистое поле зовет!

Услыхав это, наш богатырь снарядился и уехал, работника своего оставив.

Через два дня, к вечеру, краснея, подобно луне, вернулся и вместе с конем спустился в три наполненные водою погреба.

Выходя из воды, работнику наказал:

— Я теперь буду спать три дня и три ночи, ты же никуда от меня не отлучайся.

Когда богатырь заснул, работнику страшно захотелось на убитого абаасы посмотреть. И он по следам коня своего господина попшел.

Пройдя немного, работник что-то большое, словно бы гору, увидел. Подошел ближе — а это мертвый демон-абаасы. Кругом его обошел и увидел на безыменном пальце золотое кольцо. Страшно понравилось оно работнику, и он потянул кольцо к себе. Вдруг жили пальца демона-богатыря стянулись и работника зажали. И он умер бы, если бы в это время богатырь-хозяин не подоспел.

— Плут, разве я тебе не говорил, чтобы ты никогда не ходил; на, пользуйся же кольцом! — сказал, освободил работника и кольцо ему бросил; оно на того наделось как обруч. Работник схватил кольцо и положил в карман.

Когда домой вернулись, богатырь сестру свою за работника выдал, им половину богатства своего отдал и сам куда-то уехал.

После его отъезда молодые решили на родину мужа уехать. В дороге у них родился сын. Когда уже близка была родина работника, встретился им брат-богатырь; узнав, куда они едут, всем троим на левые глаза дунул, и они ослепли на левый глаз. Так наказал сестру, работника и их сына за то, что его оставили.

Приехав на место, муж и жена в плохой старой юрте поселились. Когда сын их подрос и уж бегать начал, случилось через этот город проезжать одному сильному казаку:² он так отличился силой, что его дарю напоказ везли.

Этот казак, однажды прогуливаясь по городу, в юрту вошел, где жила семья сестры богатыря. Он мяч увидел, которым этот мальчик играл. Этот мяч поднять пожелал. Как ни бился, даже с места сдвинуть не смог. Тогда мальчика отец про все эти дела рассказал и казака вернуться назад убедил.

ЧИРОК И БЕРКУТ

В южной стране птицы всем своим народом сбирались на большое собрание:

— Наша земля и место очень жарко и зноино, а летом безводно: наши яйца все гниют, умирают. Выбрав себе господина, пошлем-ка его на север, поискать вам земли-места.

Собравшись, выбрали себе господином Беркута и сказали:

— Ты, господин-птица, садящаяся на сухих, безводных местах; ты, что питаешься четвероногими и крылатыми. Ты превосходишь нас и ростом, и умом; ты отправляйся в путь.

Распрощаясь со своей госпожою-женой и детьми, Беркут полетел, бросая большую черную тень. После того как господин Беркут отправился, птичка чрезмерно маленькая, именем Чирок, утиной породы, с очень красивыми перышками и пухом, стала уиваться около жены Беркута. Вот заметила это госпожа и дала ей какое-то поручение. Чирок-парень на поручение оказался весьма расторопный, на ходу оказался скорый. Вот они с госпожой подружились, потом полюбились, а потом вошли в любовную связь. Счастье-блаженство птичке-чирку: целый год жил мужем этой госпожи.

По прошествии целого года Беркут-господин прилетел, бросая мрачную тень. Когда прилетел, собрался весь птичий летающий люд, именуемый крылатым, говоря:

186

— Что-то, какие-то слова, какие-то вести привез видный наш господин? В каких-то местах побывал? Услыхать бы скорее.

— Ну, господин наш, ты в каких же местах побывал? — сказали.

— Э, напрасно я туда и ходил. Для птиц, садящихся на деревьях, там нет ни одного дерева; для птиц, плавающих по воде, нет ни одного озера; ни одной ложбинки нет для плавания. Туманом, ветром, вихрем крутит эта земля, — сказал Беркут.

— Тый! Что это? Парень, уди. Муж пришел, — сказала госпожа Беркутиха, когда прилетел к ней Чирок.

— Потому-то вот я и пришел. Ведь в народе никто обо мне не спросит, говоря: «Где, куда ты ушел?» Разойдемся, полюбившись, простившись, заветные слова друг другу сказавши.

Вот залез Чирок в громадное гнездо Беркута и лежит, целуясь, нюхаясь с госпожой. Вдруг увидел: летит, возвращается Беркут.

— Ой, куда я пойду, где спрячусь? Если выйду, увидит, — сказал.

— Иди, сядь на сучок под гнездом: теперь темно, близорукая птица не увидит, — сказала госпожа Беркутиха.

Чирок сел, прицепившись к сучку.¹

Прилетевши, Беркут-господин сказал жене:

— Ну, друг. Снаряжай-ка ноги наших детей. Там, на севере прекрасное место. И прохлады столько, и лесу столько, и, чтобы защититься, каменьев столько, и животных — добычи столько.

— Сколько же народа туда едет? — спросила госпожа Беркутиха.

— Нет, я сказал им, что то место крутится, ветром леденит, морозом невыносимым. Для чего говорить им правду? Мы сами, пойдя туда господином и госпожой, свободно расплодимся, — говорит голос господина Беркута.

Потом послышался звук; кажется, начал ее дело-

487

вать-любить. Что же будет делать человек, не встретившийся с женой целый год?

Услышав это, Чирок в мыслях ревнует. (Тот, что целый год имел ее жену, ведь тоже не виноват.) Ревнуя в мыслях, вскричал: «Чус» — и слетел приворно. Испугавшись этого, господин Беркут с криком: «Ой» — встрепенулся, и гнездо его на землю свалилось.

— Это чей голос? — спросил он у жены.

— Чей голос? Разве это не сломался упавший сук? — говорит жена.

— Или то, — говорит господин Беркут.

Когда утром собрались птицы на собрание, Чирок, прия, рассказал: так и так, на севере хорошая очень земля.

— А ты почему знаешь? — спросили.

— Я залез под гнездо господина Беркута, думая, что он расскажет своей жене; когда я сидел, он и рассказал. Да еще у него гнездо в то время свалилось; поэтому вы узнаете, что я говорю правду, — сказал Чирок.

— Ну, а если твоя правда, то мы выберем другую почетную птицу и пошлем. Так начавши, нельзя оставить.

Вот пришел господин Беркут, шагом, не торопясь.

— Каково почевал, старец? спросили все.

— Гнездо мое свалилось, — сказал господин Беркут.

На то народ перемигнулся: «Значит-де» Чирок правду сказал. И собрание сказали слово:

— Вот ты, наш господин Беркут-старец, сказал, что там, откуда приходит прохладный ветер, ничто не может жить. Не с радостью выслушали это; думали было, что там непременно должно быть хорнее место. Как бы ты ни желал нам добра, может быть не попал на него. Думаем послать другую почетную птицу; за то, что мы с тебя снимаем должность, будешь ли обижаться? — сказали.

— Зачем стану обижаться? Обижаться тут не у места, — сказал Беркут.

На то весь пернатый люд, называемый птицами, обратившись к Журавлю, сказал:

— Господин Журавль, почетный старец, лучший из нас. И летаешь ты хорошо, и собой очень видный. И на сухом месте ты опускаешься, садишься и червей ешь. Да и в воде тоже пешком бродишь, лягушек есть любишь. Поэтому выбираем тебя господином, посылаем осмотреть это место и притти.

— Хорошо, пойду. Благодарю, что выбрали, — сказал Журавль и потом вошел в середину народного собрания.

Говорят, тогда была маленькая, невзрачная, короткая утка, по имени Лахатта.² Вставши, эта утка сказала:

— Досада какая. Обществом-собранием выбрали вы самую бесстолковую птицу. Она животное только тем, что ноги длинны; только своим вечерним дурацким криком, только вытянутой шеей — скотина. Какая память, какой ум, думаете вы, у него в голове, что внутри этого животного... По моему мнению, этот зверь дойдет до какого-нибудь озера, наестся лягушек-ящериц, да и воротится.

Услыхавши это, Журавль напал на Лахатту. (Напавши, разве не пересилит?) Избил ее так, что она не могла встать. Переломил кость крыла и ноги, собирался жизни лишить, да народ заступился. Едва дыхание осталось у Лахатты, она и говорит:

— Ой, больно, невыносимо больно. О, несчастье мое, мученье. Это вот, должно быть, называют, что, «кто бы ни был, волен говорить среди общества какое бы то ни было слово», а если скажет виновное слово и вина его докажется народом, то за вину будет отвечать. Посмотрите, какой умный, хладнокровный ваш выбранный. Ой, как горько меня убил.

— В самом деле, напрасно ты, господин наш, так рассудил. Все равно, ее вина была бы доказана. Мы бы еще и должность с тебя сняли, да другого порядочного у нас нет, — сказали.

На то Лахатта, лежа, визжит:

— Что за досадные. Говорят, что нет у нас никакого порядочного. Разве не видите, вот сидит молодец-Орел, и по имени-то господин. Кто усмотрит так далеко, как он? Кто залетит так высоко, как он? Кто умен так и великодушен, как он? Вы, другие, запутались бы в длине одного своего клюва.

— Ведь и в самом деле. Он наш природный, лучший, почетный, умный и сильный. И, правда, кто доберется туда, куда он доберется? Кто рассудит то, чего он не рассудит? Выберем его, попросим, — сказавши, шумно выбрали Орла, послали.

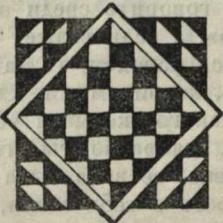
Птица-Орел, прилетев со свистом, посмотрел эти места; прибыв назад, рассказал: такие-то отличные места, что ни один птенец не погибнет, ни одно яйдо там не сгниет.

Вот все собрались шумно, чтобы лететь туда. Тут и скажи птица, называемая Лахаттой:

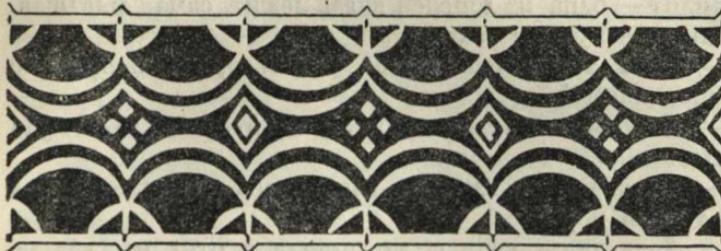
— Если здесь одна останусь, разве я не умру?

Все, собравшись, распорядились так, чтобы каждый гол туда улетать и сюда возвращаться, а Журавль чтобы сажал себе на спину птицу, называемую Лахаттой, и возил на себе: ведь он виноват, что сломал ей крылья и ноги.

Вот почему Журавли перестали сюда прилетать, как бы следовало. И Беркут живет с тех пор, прячась по лесам. А Лахатте имя нынче Богоргоно;³ сюда она не приходит, не прилетает. Это этим кончается.

ПРЕДАНИЯ

СЯЯПИЛЯ

Родоначальником Нахаарского рода¹ Угулятского наслега считается некрещеный якут Хаантыры, от русских убежавший во время завоевания края. Прибыл он в нынешний Угулятский наслег пешком, сопровождала его только мать. В то время в здешнем kraю жили тунгусы, якутов не было.² Хаантыры разжился, от девяти жен много детей народил; из них был наиболее знаменит сын его Сяяпиль.

Однажды Сяяпиль так своими шалостями отцу досадил, что тот, желая избавиться от сына, шамана камлать заставил, чтобы сына к злым духам отослать.

Во время камлания Сяяпиль по головам собравшихся ходил, говоря: «Негоже мнеходить по земле, я должен скоро уйти к духам», а затем на середину юрты прыгнул. Хаантыры, рассердившись, копье в него бросил, но Сяяпиль ловко увернулся, и копье вошло в землю. Духи отказались взять Сяяпилью к себе, и, не желая ссориться с отцом, он из дома ушел.

Долго шел Сяяпиль, сам не зная куда; наконец, в совершенно неизвестную местность пришел. Это были владения богатого тунгусского князя. Там всего девять чумов стояло.

Сяяпиль в последний, самый маленький чум вошел.

Видит — одна из дочерей князя лежит, самая младшая. Он с нею лег и сказал:

— Если ты хочешь жива остаться, не говори обо мне никому!

— Хорошо, не скажу, — дочь князя ответила. — А куда ты идешь?

— Здесь близко озеро, я выкуплюсь, пойду, — сказал Сияпилья и ушел.

Дочь князя сейчас же пошла и отцу рассказала. Князь много тунгусов собрал и на озеро с ними пошел. Там купается Сияпилья — видят; стали стрелы в него пускать. Но Сияпилья увертывался так ловко, что ни одна в него не попала.

Когда у тунгусов стрелы кончились, Сияпилья голый на берег выскочил, кого свалил, кого чуть не убил, и бежать пустился.

Тунгусский князь, видя, что Сияпилья человек сильный и ловкий, ему закричал:

— Постой, не убегай! Ты ведь, оказывается, знаменитый человек. Я тебе свою дочь в жены отдам и в приданое половину всего моего богатства!

Сияпилья возвратился, дочь князя в жены взял и вместе с тунгусами жить стал.

Однажды в чум к Сияпиле незнакомый человек вошел. Посидев, он без всякой причины ругать хозяина начал:

— Это ты, должно быть, пожиратель сырых карасей, сыи Хаантыры, Сияпилья-плут!

Сияпилья рассердился, на прищельда закричал:

— Ты чем лучше меня? — и кошем в него бросил.

Гость увернулся и бежать пустился. Сияпилья за ним погнался, но раздумался: «Если его настигну сейчас и убью, не будет мне никакой славы. Лучше домой вернусь, вооружусь и по следам оскорбителя снова пойду».

Так и сделал. Беглец богатый был человек, по дороге большое оленье стадо его паслось, и амбары его, полные мехами, стояли. Сияпилья оленей разогнал, амбары разорил и, сказав:

— Он меня плутом называл, доброго нельзя ожидать от плута! — обратно вернулся.

Хозяин, узнав, что разогнано стадо и расхищены амбары, сородичей собрал и за Сияпилей в погоню пустился.

По дороге тунгусы много потухших костров Сияпилья увидели, много стружек и окровавленных костей нашли.

— Если бы Сияпилья не был богатырем, он не ел бы кровавого, полусырого мяса; так делают только сильные люди, — сказали и в испуге обратно вернулись.

ОЙУН-КЭРЭКЭЭН-МОХСОХУ

Когда русские казаки окончательно разбили Тыгына,¹ недалеко от Сайсары,² домашний Ойун-Кэрэкээн-Мохсоху³ отправился искать такого места, куда бы мерзлые с ледяными глазами не могли добраться.

Хорошего от мерзлых нечего было ожидать. Они каждый день делали набеги на беззащитных саха, отнимали быков и лошадей, уводили с собой женщин и детей. Женщин брали в наложницы, а мальчиков обращали в кулутов,⁴ заставляя исполнять тягчайшие работы и жить вместе со скотом, на холода и впроголодь. Во время набегов, если саха сопротивлялись, защищая свое добро, мерзлые убивали их беспощадно.

Перед отправкой в дорогу Тыгын приказал Кэрэкээну просить у Юрюнг-Айыры-Тойона и Уордаах-Джесегея, чтобы они указали безопасное место земли, мерзлые не пришли бы.

В ответ на мольбу Кэрэкээна Уордаах-Джесегей повелел гнать белыми шестами лучшего жеребца хозяина восьми кобыл и итти за ним. Где жеребец с кобылами остановится, там и будет удобное житъе.

Кэрэкээн так и сделал.

Он созвал жен, детей, кулотов, хамначитов,⁵ собрал все свое богатство и погнал белыми шестами жеребца с восемью кобылами на поиски лучшего места. Жеребец поплыл на правую сторону Лены, несмотря на то, что в этом месте река была семь верст ширины, а к

тому же шел дождь и бушевал сильный ветер, что послал уу-иччир.⁶ Ловко справляясь с волнами, хлеставшими в лошадиные морды, все благополучно переплыли Лену. Долго жеребец ходил, не останавливаясь, а за ним шел Кэрэкээн, погоняя его белыми шестами; наконец остановился в двухстах двадцати верстах от Сайсары, в елани у девяти курганов. Елань эту Кэрэкээн назвал Тохтомул, что значит — остановка. Она лежит на левом берегу речки Намкара, притока Таатты, впадающей в Алдан. Здесь у подошвы самого большого кургана, насыпанного среди малых курганов, встал жеребец, указав место для житъя.

Но Кэрэкээн прожил на том месте недолго, потому что мерзлые и здесь нашли его и жилище его разорили. Однако следы бывшего жилья не исчезли, хотя с тех пор прошло триста лет; их можно рассмотреть и теперь.⁷

СКАЗАНИЯ О ДРЕВНИХ БОГАТЫРЯХ И БИТВАХ

Старики рассказывают: на востоке, у Охотского моря, обитал когда-то один якутский род. Весь род истребили, напав, вражеские племена; уделел лишь один Омогой-Баай-господин; вместе с женою, с двумя дочерьми и с двумя работниками он убежал на север.

В то же время на юге, у Байкал-озера, расселился другой якутский род, и возникло отдельное государство, названное Урянхай. Урянхайский даръ приказал: убивать всех стариков, кто дожил до восьмидесяти лет.

Один родович-урянихаец, именем Эр-Соготох-Эллей, не послушав приказа, скрыл своего отда — старика восьмидесяти лет: запрятал его в суму и так укрывал три года. Когда же на государство Урянхай напали братские,¹ веший старик сказал сыну: «Эр-Соготох-Эллей, пойдем на север, где течет большая река, Леною называемая!» Долго шли беглецы, и, когда показалась Лена, большая река, умер отец Эр-Соготох-Эллея. Перед смертью велел он сыну спуститься вниз по течению, на север, — там предопределено было Эллею найти Омогой-Баай-господина² и взять его dochь себе в жены.

Эр-Соготох-Эллей сделал плот и поплыл вниз по Лене. После долгого плавания, пристав к берегу, утомился, заснул. Во время сна подошли к нему парни — работники Омогой-Баая; разбудили, спросили — откуда и кто. Ничего со сна не разобрав, вскинулся Эр-Эллей: «Это братские!» — и убил обоих на месте. Пово-

лок тела за ноги, сбросил в воду. Не дождавшись парней-работников, идет на розыски господин Омогой-Баай, идет по следам, и следы приводят к стоянке Эллея. Борозды на прибрежном песке громче слов говорят, куда девались пропавшие.

— Кто ты, как убил моих работников, для чего забросил их в воду? — спрашивает Омогой-Баай. Эр-Эллей на это:

— Я человек очень всполошный, пугливый; парни меня со сна испугали; не распознав, по ошибке, подумав — «братские», я их убил.

На это Омогой-Баай:

— Я тоже беглец. Если нечаянно, ненамеренно, по ошибке убил, — выходи, живи у меня.

Три года прожил Эр-Эллей в работниках у Омогоя. За работу, за прилежание назначил ему Омогой в награду старшую любимую dochь, красивую Чуонактай. Эр-Эллей не просит ее; просит младшую, нелюбимую, Сыппай. Старики на это обиделись; отдали Эр-Эллею младшую, нелюбимую dochь Сыппай, наградили молодых одной стельной коровой да одной кобылой — и прогнали их от себя.

На другой стороне реки зажил Эллей хозяином. Скот его быстро плодится, не пропадает приплод, растет богатство. Он не знает счета своим стадам, промышляет, добывает, и люди Омогой-Баая переходят к нему.

Однажды весной сделал богатый Эллей много резных деревянных кубков, конским волосом обвил их подножья; счастливая жена его, некрасивая Сыппай, приготовила кумыс в кожаном турсуке. Гладкий двор чисто вымели; рощу зеленых березок наставили. Дымокуры зажгли. Дальних и близких соседей созвали; и Омогой приехал. Это был первый на земле сынах.

После всымаха Омогой-Баай выделил зятю своему Эр-Эллею половину своих богатств. А старшая любимая dochь, красивая Чуонактай, завидуя сестре, удавилась, и первая из людей обратилась в юер.

Хорошо, привольно жил Эр-Эллей; длинная благодать его не покидала, широкое богатство растянулось с неизменным счастьем. Такой пар клубился от табунов, такую пыль подымали стада, что солнце и месяц меркли, словно в тумане. От Эр-Соготох-Эллея родился Тыгын, знаменитый якутский царь.³ Он так был неутомим, что в два дня проделывал путь из Якутска в Вилюйск; почевал в средине пути в местности Ортосуут, что в пятнадцати верстах от станции Бала-ганиахской.

От девяти жен его родились девять могучих сыновей. Почти всех их Тыгын убил; опасался от них худого — чтобы не завидовали его славе.

Сыновья Тыгына такие:

Муос-Тирилях — тело его было из мамонтовой кости. Когда Муос-Тириляху исполнилось семь лет, он стал исчезать из дома и не возвращался по несколько дней. Отец его Тыгын однажды пошел за ним и нашел его, спящего, на горе в двадцати верстах. Вернувшись домой, Тыгын стал выщипывать у матери Муос-Тириляха — где у сына ее уязвимое место. Под угрозой смерти женщина рассказала, что только подмышкой у Муос-Тириляха живое мясо, все же остальное — мамонтова кость. Тогда Тыгын, воткнув сыну подмышку копье, умертвил его.

Другой сын Тыгына — Таас-Уллуах, прозванный Каменные Пятки; при беге его дрожала земля, и, когда убил его Тыгын, вынули из пяток его два больших камня.

Еще был сын Уолусхан, — у него было сердце, покрытое шерстью. И его умертвил Тыгын, отец его; также и остальных.

Однажды Тыгын услыхал, что у моря живет знаменитый богатырь, по имени Хара-Уол, и пошел убить его, вместе с сыном своим Чалайем. Когда пришли, дома была только мать Хара-Уола. Принимая пришельцев, она сказала:

— Если встретитесь с сыном моим, мало будет хорошего: он людей не выносит.

— Если он таков, увидимся с ним завтра утром, — сказали те и, поставив урасу по другую сторону озера, заночевали.

Вечером видят: великан несет подмышкой оленя, время от времени машет им, словно веткой. Тыгын и Чалай, испугавшись, пустились бежать. Когда Хара-Уол догнал их, стали молить о пощаде, — будто без злых намерений пришли — уверяли, и будто хотел Тыгын, зная его славу, предложить Хара-Уолу в жены красивую дочь. Хара-Уол согласился, взял одну из лачеरей Тыгына, и она родила Хара-Уолу девять сильных сыновей.

Однажды пришел из Вилюйска знаменитый богатырь Терген-Чоргул и стал ходить вокруг Тыгынова двора. Царь Тыгын, заподозрив недобroе, выслал присельцу зятя своего Чалданы. Чалданы славился силой; его лук никто не мог бы поднять, а когда он дарапал себе живот, разгоняя вшей, — те, кто были при этом, видели, что под оленьей дохой у него железное тело.

По слову Тыгына, вышел Чалданы к Терген-Чоргулу, спросил:

— Что ты за человек? Верно, бродяга, замыслил недобroе.

На это Терген-Чоргул:

— Я человек незаметный, беглый.

И, не противясь, пошел к Тыгыну. Тыгын спросил его:

— Какими умениями ты обладаешь? Может быть, умеешь бороться или состязаться в беге, или метко стреляешь?

На это Терген-Чоргул смиренно:

— Нет у меня никакого такого умения.

Тогда Тыгын:

— Может быть, выстрелишь в лоб быку так, чтоб стрела без железного наконечника пронзила череп и вышла насквозь?

— Попробую, — сказал Терген-Чоргул. И деревянной стрелой без железного наконечника пронзил насквозь голову быка.

— Вот хорошо стреляешь, — сказал Тыгын. — Иди-ка с моим зятем Чалданы поохотиться на глухарей; посмотрю я, кто из вас отличится!

Пошли. Завидев глухаря, спрашивал Терген-Чоргул, куда направить стрелу: в глаз ли, в шею или же в кончик клюва. И каждый раз, по указанию Чалданы, попадал стрелою Терген-Чоргул. Вернувшись, сказал Чалданы Тыгыну:

— Худой, опасный человек нашел нас; как-нибудь нам избавиться надо.

Тыгын опять позвал к себе гостя.

— Скажи, друг, где ты живешь?

— Живу я везде, как птица, и даже гнезда не имею.

— Друг, ты, кажется, одиночество любишь; жаль мне тебя удерживать; на память о том, как у нас гостили, возьми моего коня, — так хитрил дарь Тыгын.

На это Терген-Чоргул:

— К чему мне коня? Я даже не знаю, как ездят на нем. Если хочешь почтить, лучше меня накорми поплотнее!

— Изжарьте друга моему целого жирного коня; привнесите знаменитому полный кубок кумыса, — в радости приказал дарь Тыгын.

После такого угощения Терген-Чоргул вернулся в Вилуйск и стал родоначальником вилуйских якутов.

Когда у Чалданы, зятя Тыгына, выросли сыновья, пришли к Тыгыну несколько русских и попросили продать им земли «с бычью шкурой». Посмеявшись, велел Тыгын отвести им клочок земли, такой, что можно прикрыть бычьей шкурой. Разрезав шкуру на тонкие ремешки, русские обвели этой петлей большие пространства земли и построили там деревянную крепость. Тогда устрашились якуты, увида коварство русских. Была у Тыгына жена-тунгуска, от нее родилось три сына. Они стали стрелять в русских. Так началась война.

Три сына Тыгына и девять сыновей Чалданы, теснимые русскими, убежали. Остались только Тыгын и Чалданы. И русские их убили.

Говорят, один глаз Тыгына весил тридцать фунтов: русские послали его своему царю. Посмотревши на этот глаз, русский царь огорчился, что убили такого богатыря. А когда его убивали, то с одной стороны стоял русский солдат с саблей и с другой стороны солдат с саблей, а посередине сам генерал-губернатор. Когда же кричал Тыгын у озера Нирбаган, голос его слышался на том берегу, за три версты. Вот какой был знаменитый дарь Тыгын, якутский вождь, богатырь.

Сыновья Чалданы стали родоначальниками девяти хоринских родов. Три сына Тыгына, рожденные от тунгуски, пришли на Нюрбу.⁴ Один из них стал родоначальником Первого Бордонского наслега Мархинского улуса, второй — Таркайского наслега, третий — Омодонского. У родоначальника Первого Омодонского наслега не было детей до шестидесяти лет, и то родился сын только после сильного камланья шамана. Родоначальник Бордонского наслега прозвывался Сиеллях-Есюрге; вместо волос росла у него лошадиная грива. Сын его Сюлля вызван был по донесу в Якутск к русским начальникам, его хотели пытасть, повесив на дерево за ноги; он оттуда сорвался и насмерть разбился.

У Сюлля было семь сыновей, самый младший из них, Онохо, ростом был в пять аршин. Когда Сюлля погиб в Якутске, сыну его Онохо было восемнадцать лет. Он предложил братьям выручить прах отца; братья все побоялись. Тогда Онохо поехал в Якутск один. В то время в Якутске русский начальник был очень грозный. Узнав от людей, где лежит тело отца, Онохо стал рыть могилу. Тогда русский начальник разгневался и приказал его задержать. Онохо грелся у костра, когда пришли за ним русские; он перепрыгнул через костер и схватил свой колчан и стрельи. Русские, испугавшись, ушли назад. Онохо кости отца собрал в мешок, унес на Нюрбу и там скончал возле озера Менге.

В те времена на Нюрбе жил знаменитый якут,

богатырь Деймсе; у него было девять братьев. Они вызвали Онохо на битву. Онохо созвал своих братьев:

— Кто хочет смотреть, как я умираю, едем со мной.

Вышел один из братьев. Онохо поставил его в десяти саженях от себя и, прицелясь, пустил стрелу. Стрела попала в сердце, брат пал мертвый.

— Нет, нельзя было такому итти со мною на битву, — сказал Онохо. И снова стал вызывать: — Не хочет ли кто из вас посмотреть, как я буду умирать?

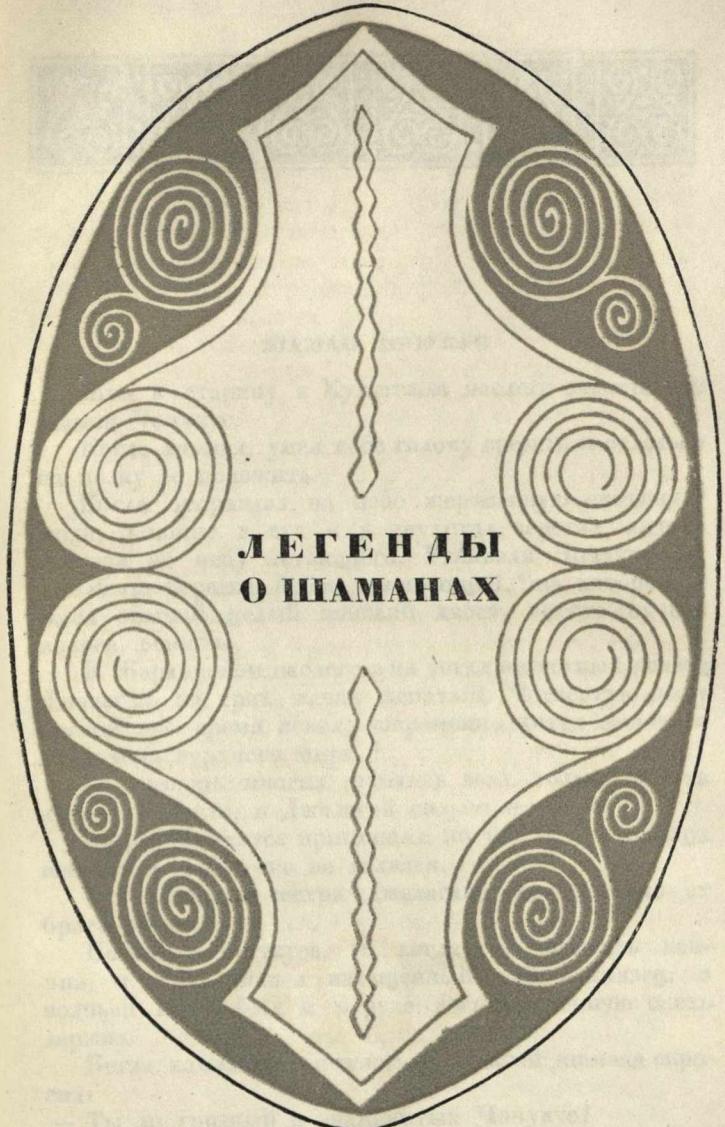
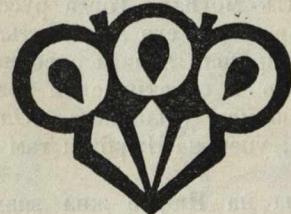
И ни один из братьев не вышел. Тогда вызвался один мальчик двенадцати лет. Онохо поставил его в десяти саженях от себя и, прицелясь, пустил стрелу. Мальчик с ловкостью увернулся, стрела пролетела мимо.

— Вот такому можно итти со мною на битву, — сказал Онохо. Он дал мальчику неезженного коня, и сам сел на своего скакуна; они поехали воевать.

Утром они подъехали ко двору Деймсе. Неезженный конь испугался, сбросил мальчишку на землю; люди Деймсе, выпустив тучу стрел, убили его. Тогда Онохо один уложил семерых; семь братьев Деймсе истребил он, остался в живых только сам Деймсе и брат его Эргедей; они обратились в бегство. Онохо от радости стал скакать на одной ноге, воскликая:

— Алакым! Алакым!

А плач и вопли жен семерых убитых братьев были слышны на двадцать верст.

Л Е Г Е Н Д Ы О Ш А М А Н АХ

ШАМАН ЧОЧУКУС

Жил в старину в Кулитском наслеге знаменитый шаман Чочукус.

Когда камлал, умел себе голову срезать и отдельно на полку ее положить.

Когда отправлял на небо жертвенную скотину,¹ люди, жившие в ста и в двухстах верстах, видели шамана по небу летающего. Узнавали Чочукуса по джалбыру-березке, бубен заменяющей,² на которой он имел обычай целый конский хвост, вместо пучков волоса, вешать.

В Жарханском наслеге жил тогда известный князец Джаларай, на трех женах женатый. Четвертую жену князец вне время искал, непременно хотел жениться на дочери верхнего мира.³

На помощь многих шаманов звал, только помочь никак не могли, и Джаларай сильно их бил.

Не раз Чочукуса приглашал, но тот всегда князыда избегал и в дом его не являлся.

Вот заболела сестра Джалаагая; она отдельно от брата жила.

Позвали Чочукуса, и, когда уж камлать кончил, в юрту вошел извещенный тайно князец: в волчьей шубе был и в руке восьмиременную плеть держал.

Когда камление кончилось, Джаларай шамана спросил:

— Ты ли грозный и знаменитый Чочукус?

— Нет, господин, не сlyву знаменитым, но все же голосом пропитанье себе нахожу.

Джалагай:

— Вресь, все тебя зовут знаменитым, и хочу узнать, правда ли это. Не откажи и мне.

— Догадываюсь, просьба твоя будет необычайна, я же над малыми болезнями⁴ только тружусь, — попытался шаман возразить.

Князец, слов этих будто не слыша, шаману седлать коня приказал.

Шаман, хотя и сказал, что конь его молод и слаб и с быстрым конем князьда не сравнится, все же в дорогу собрался.

Было все это в ноябре. Джалағай ехал впереди на знаменитом коне яблочной масти, шаман позади, далеко отставая. Увидав, что князец от него далеко уехал, стал Чочукус чмокать губами; тогда от духов, в верхнем мире живущих, спустился конь и в клячу его воплотился. Шаман коня быстрее пустил и мигом князьда догнал. Оставалось еще тридцать верст. Шаман выехал впереди князьда, и конь его шагом шел. Конь князьда шел рысью и, несмотря на то, далеко отстал от шамана. Джалағай, досадуя, своего коня во весь опор погонял, — напрасно, конь шамана не поддавался. Джалағай, взмылив коня своего, наконец упросил шамана, чтоб ехал сзади.

На место приехали. Конь шамана через забор перескочил, конь князьда не смог и сломал две верхних жердинки.

Жилая юрта очень была обширна; внутри в трех помещениях крытых сидели жены князьда.

В юрту войдя, Джалағай велел расстелить на скамейку медвежью шкуру. На ужин шаману на медном блюде восемь жирных лошадиных ребер принесли; деревянную миску налили молока.

Чочукус из ножен нож достал и ребра разрезал вместе с медной тарелкой; как бы удивившись, сказал:

— Какое некрепкое!

Взял четыре ребра, говоря:

— Грозный медведь, возьми-ка кровавое! — вперед протянул. Из-за камелька вышел медведь, сгреб подарок и скрылся. Чочукус четыре оставшихся взял и, протягивая вперед, сказал:

— Посмотри-ка, мой волк, возьми-ка вот это кровавое!

Вышел волк из-за камелька, подарок схватил и скрылся.

Чочукус губы вытер и стал дрожать, надев шамансскую одежду; перед огнем уселся, спросил:

— Над чем мне следует потрудиться?

Джалагай:

— Вот говорят, что есть наверху Кэкэ-Чуран-господин;⁵ одну из его дочерей в жены мне приведи.

Шаман почесал затылок:

— Страшную мысль ты задумал, князь! Они нас, ничтожных, не замечают. Невозможного просишь, — но что же делать, гнева твоего избегая, попробую.

Во время камлания шаман показал медведя, волка и своих птиц.

Увидев это, красивейшая из жен Джалағая, насмеялась, сказала:

— Оказывается, бедняжка с диковинками!

В это время шаман обходил камелек и, услышав эти слова, губами почмокал. Неизвестно откуда, в руках его тунгусская пальма⁶ появилась.

Концом пальмы провел жене князьда по ноге, и как мертвая та упала.

Ни на что не глядя, камлать продолжал. Камлание длилось целую ночь и целый день, и только к вечеру Чочукус Джалағаю сказал:

— Та, которую просишь, как будто твою жену стать согласилась.

Князец похвалил:

— Вот это друг! наконец-то мне угодить пожелал!

Шаман:

— Заметить тебя соизволили. Найди скорее девять молодых парней-проводатых, с их стороны девять уже готовы. Ставь же скорее людей, невесту встречающих и за повод коня принимающих. — Сказав, погрозил

Джалагаю копьем. — Если спросишь, которая из дочерей, — младшая. Скорее подарки готовы, с нетерпением ожидают. Для мужчин, провожатых невестина поезда, припаси лошадей, при камланы служивших; рыжих с белыми мордами; еще шкуру медведя с белым пятном на шее и для угощения крепкой водки. Для женщин, поезд сопровождающих, рыжей масти коров приготовь, крестовые монеты, рыжие колонковые шкуры с пятном на груди и с четырьмя белыми лапками.

Сказав, шаман концом своей колотушки по самой середине юрту обвел и надвое юрта распалась. Шаман каждую половину юрты вывернул: внутреннее сделал наружным. Камелек головою вниз обернулся, и огонь, несмотря на то, все так же горел. Через трещину, посередине возникшую, выпал снег, и внутренность юрты вся заиндевела, так что в шубы пришлось одеться.

Шаман, подойдя к жене Джалаагая, неподвижно лежавшей, в лицо ей плонул, и женщина та очнулась. — Где твои подарки? — обратился шаман к Джалаагаю. — Они уже выехали со двора. Где же люди, поезд встречающие и коней принимающие за повод?

Дальше шаман узнал, что невеста, ранее забеременев, дорогого на краю облака родила.

Князец испугался: не ждал, что желанье исполнится; шамана упрашивать начал:

— Вот так беда! Друг мой, не можешь ли ты их назад отослать?

— Плут, о чём ты думал, когда камлать заставлял, если даже теперь страшишься, когда еще не прибыли! Сколько подарков припас? Сколько яств приготовил? Скорей выставляй! — Шаман князьца пальмой ударял, настаивал.

Джалагай, еще больше пугаясь:

— Постой, остановись, отошли их обратно!

Этим словам не внимая, шаман продолжал требовать:

— В одном из помещений для женщин устрой поскорее ложе для твоей невесты, сейчас ляжете спать. Из

медвежьей шкуры и колонковых шкур постель постели. Беда приключилась, — вот сейчас они в дом зайдут. Находи же скорее повод привязывающих, друг у друга ковер отнимающих, дверь отворяющих и невесту в дом вводящих.⁶ Если не веришь, в окно посмотри. Раз нет никого, придется уж нам с тобой самим повода принять, — и шаман с князьдом на улицу вышли.

На дворе без числа копошились огненные люди, видом как рыбные ерши. Мужчины их ехали верхом на рыжих с белыми мордами лошадях, женщины — на черных с белыми мордами. Прибывшие, теснясь и давя друг друга, визжа голосами горностаев и колонков, начали в юрту входить.

Послышались необычайные звуки — это, сказали новорожденный плачет.

По всей юрте забегало много горностаев и колонков. Невеста через шамана у жениха спросила:

— Господин муж, где наша постель?

И вот сама появилась, — встала слева огненным дрожащим столбом. Вошла в помещение для женщин и говорит:

— Давайте мне мужа!

Князец со слезами шамана упрашивать стал — отправить прибывших обратно.

Чочукус к просьбам прислушался, наконец, и к душам так обратился:

Плоской стопою холящий,
Поперек препоясанный,
С робкой душой, косоглазый
Жених урянхаэд-якут;
Вашего приближения,
Чистого мира дыхания
Вижу — ему не снести!
Можно ли вам без обиды
К верхнему миру вернуться
После больших даров?
Вот — дары простирая,
Вот — пестрый шнур натянувши, —

Упрашиваю: вернитесь!
Черных коней беломордых
Девять я вам дарю;
Рыжих коров беломордых
Девять я вам дарю.
Вот — одарив дарами,
Упрашиваю: вернитесь!
Вверх отсылаю вас!

Духи, громко зарыдав, голосили:

О досада, горе, беда!
Обидел нас урянхаец-якут!
Мы, поддавшись обману его,
Напрасно прибыли в чуждый край,
Столько терпя лишений в пути!
И, не услыша приветных слов,
Не удостоись почетных встреч,
Добрых обычаев не узнав,
Тут же обратно изгнаны мы!

Чем настойчивее просил шаман, тем жалобнее причитали духи:

О досада, горе мое! —
плакала невеста: —
Обидел меня урянхаец-якут!
Я поддалась на хитрость его,
Из верхнего мира спустилась сюда,
И, ногой еще не вступив,
Уже обратно изгнана я!

Девять черных и девять рыжих лошадей привели. Лошадей отдавая в подарок, шаман упрашивал духов вернуться. Наконец духи вняли его мольбам.

Невеста, выходя из юрты, князьду сказала:
— Осеню, когда подмерзнет грязь, я сама явлюсь и тебя уведу; тогда же и все богатство свое возьму.

После ухода духов шаман три дня и три ночи каммал, чтобы юргу обратно перевернуть.

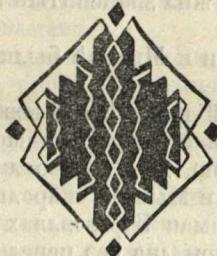
Закончив каммание, Чочукус сказал Джалаагаю, что осенью жена возьмет его к себе.

Всего каммание длилось семь дней и семь ночей.

Осенью, с первыми замерзками, князьд поехал осматривать свои табуны и, прислонившись к дереву, умер: его душа сквозь макушку вылетела.

После Джалаагая осталась мать; она заколоть велела весь оставшийся конный скот и сложить в амбар застасвила. Из амбара божество, покровительница лошадей, под видом трясогузки, на небо вылетела.

Так некогда прославился шаман Чочукус.

ШАМАН БЭРГЭСЭЛЯХ

В старину в десяти верстах от Якутска жил богатый якутский тойон, ездивший даже в Петербург к Екатерине II.¹ В то же время в Кугдарском наслеге Сунтарского улуса жил знаменитый князец Быгдык или Мындей.

Якутский тойон и Мындей были закадычные друзья.

Князец Мындей каждый год возил в Якутск подати со всего населения Кугдарского наслега. Ехать всегда приходилось весною, до Петрова дня.

Настала весна, и Мындей снарядился в путь; вместе с ним поехали шаман Бэргэсэлях и еще один силач. В дороге целых три дня без передышки лил дождь, но шаман сделал так, что дождь не замочил путников.

Мындей, не доехав до Якутска, свернул в сторону и поехал отдохнуть к своему якутскому другу.

Приехали к богачу вечером; оказывается, на утро готовилось весеннее празднество бысах.

Мындаю отвели отдельную юрту. Шамана с сплачом поместили вместе с работниками в хлеву.

С самого раннего утра начали готовиться к празднеству. Внутри юрты подостлали зеленую траву, пучки ее положили также по концам матраса.

Посредине разостлали меховой ковер с шахматным узором, с белыми краями, и поставили на нем большой кожаный мех с кумысом и маслом, а вокруг маленькие деревянные кубки.

Затем отдельно взяли большой деревянный кубок, до половины налили в него кумыса с маслом и подали своему шаману для возношения.

В это время шаман, приехавший с Мындаем, дремал около столба, с кожаным колпаком на голове, и, когда он слишком низко наклонился, колпак упал на землю; шаман скорее поднял и надел.

В доме было много народа; иные стали пересмеивать шамана. Кто-то из стариков унял насмешников.

В это время якутский шаман, только что принявший на руки кубок, свалился на пол и стал судорожно биться.

Почтенные гости, посоветовавшись между собою, послали одного из своих к хозяину — рассказать подробно о случившемся и попросить у него совета.

Выслушав, хозяин сказал, что это, вероятно, проказа приезжего шамана.

Другого шамана поблизости не оказалось; хозяин попросил Мындая, чтобы он уговорил своего спутника вознести кубок, дабы не расстроилось празднество. Бэргэсэлях согласился; тогда сняли костюм с обмершего шамана и надели на Бэргэсэляха.

Бэргэсэлях, подойдя к якутскому шаману, стал бить над ним в бубен и свистеть. Обмерший пришел в себя; его отнесли на левую половину юрты.

Бэргэсэлях взял кубок, попросил немного приоткрыть дверь и, подняв кубок обеими руками над головой, опустился на одно колено и начал восхваление духов.

Говорил он очень долго и закончил следующими словами: «И айыры и абаасы приняли мое привлечение. Если стану говорить истинно, как подобает, и если скажу угодное божествам, — да прилетят с востока три белые птицы и да покажутся собравшимся здесь; птицы, имеющие указание свыше, — явитесь народу, чтобы доверили мне! Уруй! Уруй! Уруй!»

После этого неполный кубок плеснулся через край, и кумыс, шипя и пенясь, вылился на землю. Шаман взял пену и, вылив на огонь, объявил народу: «Выходите, посмотрите: если я истинно угодил своим воз-

иошением, то три белые птицы, покружились над юртой, улетят обратно».

Выйдя на улицу, народ увидел: три белые птицы, прилетев с востока, покружились над юртой и улетели обратно.

Подивился народ приезжему шаману. Слух о чуде далеко разошелся по окрестности и дошел до русских начальников, живущих в Якутске.

Через три дня Мынтай со спутниками въехали в Якутск, и князец явился к начальникам сдавать подати. Неприветливо встретили Мынтая русские; обвиняли, что задержал подати, хотя до срока еще оставалось несколько дней, но обещали простить, если он заставит своего шамана камлать перед всем народом.

Бэргэсэлях согласился.

В назначеннное время вся русская знать собралась в большом общественном доме.

Бэргэсэлях начал камлание: заклиная, воскликнул, что на небе живет род Улуу-Тойона, у которого лошади рыжей масти с белой полосой на лбу и с четырьмя белыми, как стволы берез, ногами, а ростом по верхушку деревьев.

Услыхав эти слова шамана, начальники обратились к нему:

— Довольно, остановись! Укажи нам, где живет род Улуу-Тойона? Покажи хоть одного из них; если не сделаешь, строго накажем тебя: наденем на шею колодку и завинтим голову железным обручем так, что выскочат глаза.

Крепко задумался шаман и, наконец, сказал:

— Нет, показать их не могу; разве дам какую-нибудь примету, чтобы вы могли убедиться в правдивости моих слов. Если не желаете, — можете казнить.

Русские не стали настаивать.

Долго камлал шаман, проходя путь свой на небо; наконец, дойдя до Улуу-Тойона, заклинает его:

Доняли меня ледоглазые,
Мучают русские начальники,

Пахнут потными подмышками,
Жалят купоросными взглядами,
Жаждут убить беззащитного!
Что мне сделать, чтоб смиловались?
Светлый владыка, Улуу-Тойон!
Прибыл к тебе я, упрашаю:
Насмех не дай стеклоглазому!
Выручи от неправедного!
Выкупи у злого душу мою!
Только и надо выкупа —
Волос один-единственный
С челки твоей рыжей лошади.
Сжалься! Даруй мне милостиво!

Улуу-Тойон ответил:

— Этот шаман не ходил нечистыми путями; должно быть, правда, что слишком призывают беднягу те, с ледоватыми глазами; потому-то, возможно, и решился явиться ко мне. Парни, идите-ка, загоните табун в изгородь: если сам сумеет, пусть возьмет!

После этих слов шаман начал бегать по комнате, как бы гоняясь за лошадьми; наконец, махнув рукой, сказал, что выдернул один волос, поблагодарили Улуу-Тойона и, камляя, возвратился обратно; в руке его очутился волос, толщиною с мизинец и длиною в три с половиной маховых сажени.

Все присутствовавшие очень удивились, а начальники, получив волос, приказали прибить его на ворота маленького базара на память о случившемся.

Между прочим, ты не заметил ли его, русский, когда был в Якутске?

ПЕСНИ

ПЕСНЬ О ВРЕМЕНАХ ГОДА

С семивихорной северной тундры спешит студеный
Семенов-день;
Приближается праздник с просторных тундр, с
необъятных важно идет.
Ледяным трехсаженным клювом грозя, четырехгранный
клюв наточив,
Прискакал прохладный праздник Покров на резвом
рыжем коне,
Полосатые сильные ветры послал и несносный жар
притупил,
И пошел порошить перистый снег, мельче стриженных
ресниц стригунца.¹
Непогода, чтоб зиму выманить, к нам из-за северных
строгих морей
Стала стаи сильных мятелей спускать, на три пальца
на спину снег наносить, замораживать и пугать,
И поверхность больших дрожащих озер накрыла
корочкой льда,
А поверхность земли, окопав, подняла на целую
четверть вверх.
«Суровая, видно, будет зима», говоря, выходит якут,
Очищает гладкий широкий двор, выгребает кучами
снег.
«Жестокая, видно, будет зима», говоря, выходит якут,
Ставит вехи по всей дороге большой, той, что девять
сажен в ширину.
А когда приметный праздник пришел, поздний Михай-
лов-день, —

Не осталось лучшего лета примет, непогода сгладила
все.
От владычицы-тундры холод несет, жаждет стать
жестокой зимой.
Прошлогоднюю, вылезшую доху приходится доставать;
От суровых морозов, меховой сангиах² одевши, можно
спастиς;
Когда же грянет большой мороз, наденем короткий
сон.³
И вот заметает Николин день метелистая зима;
И вот леденящий холод растит сугробами снегопад,—
Большому быку чрез такой сугроб, пожалуй, не перелезть.
И вот от западной стороны, больших морозов друзья,
Однотелок-важенок приучив к запряжке маленьких
нарт,
Тунгусы-люди с пушниной в руках торопятся, едут
к нам.⁴
Жир-Вилюй, бабушка⁵-река, тебе усталость несем;
Чиновным начальникам припасли белошерстой пуш-
нины в дар;
А этим добрым людям везем суваженьем весь наш
запас,
За ложку чаю, за горсть муки, за пестрого ситда
аршин
Да за трубочку табаку,— так они говорят.
И долго гостят и живут у нас, ведут и торг и обмен;
Когда же радостное Рождество, веселый праздник,
придет,
Они заканчивают дела и выстраиваются в ряд:
«Крещенский праздник в якутской земле встречая
ныне, стоим.

Хозяев-якутов желанья все выполнив, вот стойм.
Скажите, приятели, сильный мороз сдвинулся чуточку,
что ль?
Скажите, приятели, с южных стран солнце глянуло,
что ль?
Плотный, холодный воздух подняв, теплый спустило
что ль?

Начало, что ль, всходя пригревать? — так говоря,
стоят.
«К Маслянице-празднику меньше мороз» — так говоря,
стоят.
«Сбил ли с веток мороз кухту,⁶ сбросил ли?» — говорят.
«На северном море — кладовка зимы, на западном
море — амбар;
А мы откуда на будущий год царским людям добудем
дань?
Не в устье ли Ленского моря пойдем за ценным и
дорогим?
Не даст ли бабушка-река-Анабар ровуги⁷ нам увезти?
Хета-река⁸ не даст ли песца, Хатанг⁹ — оленых
шкур? —
Сказали и выехали от нас тунгусы — гости зимы,
А у нас на виду праздник Пасха стоит, ожидааемым
летом дыша.
И когда долгожданное лето мое я к Егорьеву-празд-
нику ждал
И когда я взглядался туда, в отдаленного неба край,
И когда, напрягаясь, я вдаль смотрел, показалось,
что вот летит, —
Ярко-белые крылья с черным концом, как ножницы
размахнув,
Отдаленного неба край обогнув, в сторону тундры
стремясь,
С чужеземной ли стороны ускользнув, от целящихся
из ружья,
Несговорчивый ли китайский народ покинув и в небо
взмыл
На такой высоте, чтоб пулей не сбил широкий ружей-
ный ствол;
И отменно-прекрасный голос узнав, в ожидании мы
 стоим,
И отменно-прекрасная птица моя как будто бы уже
здесь.
На узорном шахматном поле моем, будто лыжники
пролетев,
Пробежали тающие снега, те, что раньше събрали мороз,

Промелькнули быстрее легоньких парт, к просторной поляне стремясь.
Посредине поляны, покрытой еще ледянистой хрупкой корой,
Не очистившееся от тонкого льда, оказалось, озерко есть.
Что достойно памяти, — помню я, ожиданий достойного, — жду;
Ожидаемая, с отдаленных небес на озерко птица летит,
Вспоминаемая, опускается вниз на озерный край-бережок,
А озерный край-бережок давно оказался с другом-травой,
Оказался с палочкою-хвощом, с шишковатой травой локуро¹⁰,
С копьевидной манчар¹¹ оказался край-бережок озерка моего,
Я на ту, что, спустившись, уселась здесь, подбирая сравниенье, смотрю;
Примечу граненый светложелтый клюв, вижу красную голень ее;
Из литого золота крылья блестят, из крученого золота перья висят, золотой раздувается хвост.
Шесть охватов в окружности — вот какова, как раскинулась широко!
Мелкоперистое ожерелье у ней, блестящий граненый клюв,
Ободки на глазах, — и стройно поет голосистая птица моя.
Ну, и скоро ж ты сбросила зимний убор, певучая птица моя!
После этого лето вступает к нам с плодородием на груди,
Разногласию птичьих крикливых стай прелест песенную придав.
А когда я спросил: «Отчего ж ты так хорошаешь, моя страна?» —
Оказалось, сияющий наступил праздник лета — Николин-день.

Разливаются реки, русла раскрыв до вершины каменных гор,
До высоких пригорков лед донесут, разламывая и шумя.
И как музыка — звон измельченных льдин, размытых полой водой,
И растущие устья рокочущих рек, расступаясь, впластят моря.
Вот ликуя, играя, навстречу летит та прежняя птица моя.
Круглоклювые, пару себе ища, прилетают ночью и днем.
На вершины высокого леса гляжу: там кукушки уселись в ряд,
Восседают, важно выгнув хвосты, красный голос хотят подать.
На моем мысу, на толстых корнях, важно лиственицица растет,
А на ней, раскрыв изогнутый клюв, кукует кукушка мне,
Произительным голосом говорит, что звучное лето пришло.
И вот деревья на моем мысу украшенные стоят.
И вот — с далекой морской стороны прогрянул голос его;
И вот — с обширной морской стороны хрустнул его хребет;
И вот — над нашей земной стороной спустился, сгустился вихрь!
Проходящий ветер сделав конем, мелкий дождь — посыльным-слугой,
Другом-товарищем — крупный дождь, молнию — быстрым бичом;
Кудрявую лиственициду расщепив, придорожную повалив,
Господин трех яростей, грозный гром на верхушке неба гремит!
Тогда от нас отступила болезнь, тогда удалилась хворь,
Тогда бежали нечистые прочь, злые духи ушли.

А гром, спросив: «Почему пришла в упадок эта страна?» —
По небу радугой проложил хвостовые перья орла;
И долго всасывать продолжал воду морских глубин,
И долго вверх к себе поднимал воду морских пучин.
«На поверхность вселенной пролившись, будь изобилем и полнотой», —
Так говоря, проливал опять воду, что поднял вверх.
И вот я вижу, взглянув невзначай, что лиственница
моя
Оделась серым шелком листвы и стремящихся ввысь
цветов.
Недаром текла, проникала вода в землю на девять
аршин;
Червивым мхом прорастая вверх, пузырится пеной
земля;
И вот поверхность моей страны покрылась пышной
травой,
Вся заросла зеленою густой девятиветвистой травой,
И превращается в серый шелк земного мира покров.
«Вот такое чудесное, — говоря, — разве оставим
так?» —
Якуты изгородь мастерят, чтоб оберечь траву.
Заплетая тальчиковый плетень, опоясали луг в цветах,
Опасаясь, что скоро поникнет трава, столбиками
обнесли,
И уж вбита устойчивая коновязь, и загнан табун
жеребят;
И уже приготовлен важный сосуд, круглобокий кумысный мех,
И уже до средины наполнен мех кумысом, свежим
питьем,
И якуты лету важному в честь из каемчатых кубков
пьют,
И красивому лету на похвалу из узорчатых стоп едят.
А когда коновязи стоят стоймя, узорно вооружены,
И когда к девяти надрезам их привязано девять колей,
И когда, говоря, что лето пришло счастливо и радо-

И когда, собравшись на ысыах, якуты важно сидят, —
Вот тогда прибывает праздник Петров, приказывая
поиграть.
На разостланных шкурах бычков двух годов, наступая
на них ногой,
И на кожах коров десяти годов, опираясь на них
пятой, —
Начинает притопывать молодежь, потешаясь важной
игрой.
Посмотри-ка на нас, пологий Вилой, троеруслая наша
река!
Вот такие обычны игры с тех пор, как родились и
выросли мы.
Бесконечный Вилой, река-госпожа, вся в узорах от
островов, —
Как ни взглянешь: масляна пена твоя, творожная грязь
у тебя.
Подкрепляешь первою пищею нас, мажешь маслом
поверхность земли.
Изобильный Вилой, наша бабушка-река, ты пасешь
на высотах длинногривых коней,
А в средине полей, с испокон веков, ты кормила стада
круглогорих коров.
И еще не такой сохранила клад на поверхности берегов:
На неровностях твоих берегов много бегает бурых
лисиц,
На подъемах твоих больших берегов белогрудый бродит медведь,
В прибрежных лесных массивах твоих притаился
рогатый лось,
По опушкам полян в тревоге бежит осторожный заяц-беляк,
На загривке своем, в сокровенных лесах, сберегла ты
соболя нам.
Вот каким богатством владеешь ты, река-бабушка-
госпожа!
Вот за что тебя якуты зовут: «Золотое-Подножье-
Вилой!»

*

Вот и с южного острова люди пришли ради золота
твоего,
На своих пароходах приплыли они, чтоб скорей вымолов-
ить: «Дай!»
Говоря: «С губернией надо быть», — приохочивают к
себе;
«Прибавляйся и множась, — толкуют нам, — учиться
должен народ!»¹²

ДНИ И ГОДЫ МЕНЯЮТСЯ

1

В непроглядных только лесах,
Над кровавой только едой,
Черных воронов только грай,
Не смолкая только стоит.

2

Над краями только лесов,
Сладкий голос только подав,
Птицы вольные только ввысь,
Зашумевши только летят.

3

Стал короче только мой день,
Возросла моя только тень,
В непогоду только ветра
Разыгрались только свистя.

4

Ранний утренник только трещит,
Веют зимние только ветра,
Мои старые только дерева
Застонали только скрипя.

5

Прилетевшая только к нам
Из далеких только земель

Та, что шишки только клюет,
Моя птичка только снигирь
Радость близкую только поет.

6

Почернели только снега,
Показались только бугры,
Куропатка только моя
Очень звонко только кричит.

7

Изобильной только красой
Зеленеет только трава,
Расстилаясь только, склоняясь,
Нежит спину только мою.

8

На пригорке только крутом,
Над овражка только норой,
Звонким лаем только щенок
Заливается только мой.

9

И на запад только идет
Солнца мирного только бег,
И корова только моя
Полосатая только мычит.

10

Час вечерний только настал,
Мой любимый только скакун
Окликает только, заржав,
Разбежавшихся только жен.

11

На высоком только лугу
В наморднике только телок, —
Как он прыгает только вверх,
Я со смехом только смотрю.

12

Мое солнышко только взошло,
Златогрудый только певец,
Звонкий жаворонок только мой
Услаждает только меня.

ХРУСТОЛЬ ОЛАДОТ СИМЕНОВОГО
ХРУСТА ОЛАДОТ ТЕВЛЯЩИХ НО ЖИВЫХ
ХРУСТОЛЬ ОЛАДОТ МОЛОКОГО СО СЫРЬЯ

ХРУСТОЛЬ ОЛАДОТ СИМЕНОВОГО
ХРУСТА ОЛАДОТ СИМЕНОВОГО СЫРЬЯ

ПЕСНЯ О РЕКЕ

В ивняке из витого золота,
В тальнике кованого золота,
Обширная Таатта-бабушка!
Трава твоя — вышиной в ладонь,
Воды у тебя — с ложку всего,
Снега — с поварешку деревянную!
А на темно-темнистом лесу твоем,
Хвоя шелковисто-пуховая,
Нашим ресницам подобная,
Стала совершенно серая.
Вот ведь! Вот ведь! Эй, друзья!

ОРЕЛ

С пятками, дивно разубранными
Оленьей расшитою шкурью,
С разузоренными подошвами,
С мелкогранеными лодыжками,
С мягкими шелковыми голенями,
С пестрыми, узорчатыми бедрами,
С ногами прямыми, стройными,
С поясницей узорно-шахматной,
С вышивкой из меха оленевого
Вдоль всего спинного хребта.
С огромными круглыми узорами
По всей покатой сильной спине,
По плечам — с узорами зубчатыми,
В перьях литого золота,
Кость — серебро кованое,
Круглая складка на горле лежит,
Глотка мелкоузорчатая,
Зычный голос, горбатый клюв,
Пестрых — мать и пегих — отец,
Перелетных, пернатых — глава-господин;
С дальнего светлого юга летя
(Дорожный спутник — белый снегирь),
С поднятой вверх головой прилетев,
Опустился на темный бор;
Сел на сухой высокий лес,
Крепкими когтями вершины собрав,
И, господствуя, закричал,
Голову вверх высоко подняв,

Обратившись на светлый юг;
И украсился, похорошел
От звучного голоса темный лес.

ПЕСНЯ О ЛЮБВИ

ПЕСНЯ О ЛЮБВИ

Ах, ребята! Мысли мои вы вскружили, запутали!
Стоя вертесь, блеском светя, мужчины проворные,
ловкие,
Свой обман затая внутри, укрыв словами колдующими,
На свое богатство, на доброту меня заставив поза-
риться,
Сердце мое, печень мою насквозь проникая взорами...

Ах, ребята! Если бы я, полюбив человека этого,
Хоть на два часа, на недолгий срок могла б подойти,
обнять его,
Приблизить к сердцу его могла, поделоваться, поню-
хаться,
Разве после, расставшись с ним, когда я, худая, хруп-
кая,
Телом жидккая, как вода, стану старухой дряблую.
Разве после, когда распадусь словно гнилое дерево,—
Разве я тогда не скажу, что была в юности счастлива?

Эгай! Эгай! ¹ Ты, русский, сидишь, слова мои слушаешь,
думая:
«Что хорошего может сказать такая женщина-девушка,
С узкой памятью, с коротким умом, в платье жестком, ²
невыделанном?

Мужчины-люди! Придумали вы, что из женщин лучшие, девушки,

Живут, не имея сердца в груди, родились, к любви
неспособные!
Ах, если б знать, что мой язык, что речь моя, голос
гортани моей
Способен сердце растрогать вам так, чтоб рвалось от
жалости,
Может заставить, чтоб обо мне вы хорошо подумали,—
Я без устали пела бы,—ах! беспрестанно я воспевала бы!
Отголоском голоса обратясь, ставши речи прикрасою,
Я вам разжалобила бы сердца, каменность мысли
смягчила бы;
Ледяную память растопила бы вам, связанную развязала бы;
Вы ослабели бы, как дитя, только сидеть начинаяющее;
Заговорила, запела бы я вас так, чтоб ни встать вам,
ни двинуться.

Ах! Эгай! Ваш голос певуч, пояс подобен радуге,
Ваше платье — как у чирка на крыльях пестрые
перышки...
Туда и сюда разъедетесь вы, далекие люди, нездешние,
Уйдете, блеснув падучей звездой, прочекнув по небу
молнией;
Заставив позариться-полюбить, уйдете, ребята, скроетесь,
А я, ребята, в мыслях о вас, ходить, слывя за счастливую,
Взд и вперед, одна на земле, буду ходить несчастною.
Парни! Хорошие люди! Эй! Осёрдитесь вы, осудите.
Скажете: «Заглядеться на нас, — что за чудная —
осмелилась?»
Чем же от этого я спасусь? Мне ль обвинить ваше
добroe?
Хорошую вашу страну обвинить мне ли? Горе, досада
моя!
Быть бы лучшей, почтеннейшей мне, — мысли ваши
вскружились бы.
Ах, досада! Уйдете вы, обидевшись и разгневавшись.

Но ведь на солнечный ласковый блеск смотрят глаза
неравные,
Смотрят худых и хороших глаза, — солнце разве-
обидится?

Ребята! Есть на том свете господин — так от многих
я слышала:
Все грехи и худые дела он, говорят, записывает.³
Так неужели этот господин сочтет меня виноватою.
В том, что я смела на лучших себя глянуть глазами
любящими,—
И запишет мои слова в черное это писание?

Ах! досадные! Улыбнувшись, как тень, уходите вы,
уезжаете!
Огонь заходящего солнца так на глазах у всех умень-
шается.
Выходя на гору, медлит-блеснет дальше, дальше — и
скроется.
Но все-таки там, высоко в горах, солнечный отблеск
останется.
Но все-таки в памяти, в мысли моей останетесь вы!
Эгай! Эгай!

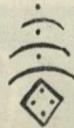
Людина то нет — иноходец строю мот за этой ладьей
Кильдемской.
Словом, не строю, то строю, не венчай настое.
ПОЧЕМУ ПОСЕЩАТЬ ПЕРЕСТАЛИ
Людина то нет — иноходец строю мот за этой ладьей

Что дымом, гарью пропахшего,
Коней иноходцев пасущего,
Кильдемского и Кангаласского¹ —
Вот такого парня приблизила, —
Приезжать, узнав, перестали.
Что с быстрыми иноходцами,
С речами наглыми, дерзкими
Багарадского¹ и Кангаласского
Себе избрала парой, — узнав,
Посещать меня перестали.
Что с гнедыми конями-иноходцами
Уроженца второго Нахарского
Своим другом называю, — узнав,
Перестали у меня останавливаться.

Что маслом-мукою упитанного,
С Амги и Таатты приплывшего, —
Узнав — считаю приятелем, —
Не хотят приезжать, злонамятные.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ НЕВЕСТЕ

Приди оградою оградить воспитываемый скот;
Приди уютно устроить гнездо тому, кто будет рожден;
Приди внушить, чтоб воздвигли столб — медную копо-
вязь.
Голос ржанья дай жеребдам, быкам — мычанья язык.
Приди! Короткое удлинни, суженное расширь!
Ременный аркан, в девяти местах извившийся, —
оживи!¹
Ребенка с родимым пятном роди; кровного коня вос-
питай!

ОЖИВЛЕНИЕ БУБНА

Шаман надевает доху, уходит за камелек и там, призывая своих помощников-духов, брызгает трижды слюною. Затем, скрестив ноги, садится на пол, на разостланной конской шкуре; трижды зевает, бьет колотушкою в бубен и начинает петь:

С нёбных валиков слетая, в луо-рыбу¹ воплощаюсь,
Сверху донизу колеблюсь, пестрой рыбой обращаясь,
Краем губ овладевая, низом, верхом, быстротою,
Колыхањем, потрясеньем, изо рта стремится слово!²
Семь деревьев-однолеток, листвениц восьмиветвистых,
Взросших на спине вселенной, с ивой подпорой-
тростью,
Наклоненными ветвями по земле стелясь к востоку,³
А спиной на запад стоя, у вселенной на загривке,—
Знаменитому шаману от роду предназначаясь,
Полым бубном стать желая, с множеством подвесок
медицинских,
Суетливостью болезней⁴ устрашенных стать желая,
С круглой шапкою-подвеской, с рукояткой-кресто-
виной,⁵
Вещим, важным стать желая, — дозревали, вырастали!
От твоих сварливых мыслей начисто освобождайся,
Гнев твоих могучих мыслей наглухо изгладь,
очисти!⁶

Круглым, полым, веющим, важным — станешь,
лиственница, бубном!
Пред тобой, отважным, стоя, украшенья заклинаю,

Побрякушки и подвески подбираю, собираю,
Шеркунцы твои приладив, колокольчики подвесив,
Мягкой, важной наделяя рассыпающейся гривой,
Бубен с круглое озерко, замерзающее сразу,
Круглый бубен превращаю, делаю конем могучим,
Превращаю, сотворяю лошадь быструю из бубна,
Делаю пером блестящим, золотым крылом шумящим!
В верхний мир шумя, сверкая улетающий «кюсинга»!
В нижний мир спустись со звоном, будь конем
отменно грозным!

Ты, отважный, славный бубен, в девять полостей⁷
звучаший,

В три ременные затяжки⁸ перетянутый исправно,
Загуди, о бубен — шкура двоетравого теленка!
Затреши, о бубен — шкура трехвесенного теленка!
Зареви, о бубен — шкура четырех годов скотины!⁹
В край далекий, безграничный, ты, отважный,
отправляйся,
Иноходью ускаки ты, резвой рысью унесись ты,
Мчись конем золотокрылым, прянь поверх воды
болезней!¹⁰

Прилетая, прибывая, вскачь от мощных стран
являйся!

Путешествие удачно, счастлива твоя поездка!
В трех местах железный пояс спину выгнутую
вяжет, —

Будь берестяной урасе, трижды связанный, подобен!
Одаренная дыханьем, словно дышащее пламя,
Наделенная напевом, песнею многообразной,
Будь выносливою, лошадь, если путь лежит на запад,
В ту страну нечистых духов, злых, лукавых абаасы!
И когда на юг придется, не оглядываясь, ехать, —
Будь скакун неутомимый с быстрой, ровной
иноходью!

Направляясь даже к духу светлой стороны
восточной, —
Будь ты, лошадь, сильной, бурой, резвой, молодой,
счастливой!

Если даже к Хомуулагас,¹¹ к мрачно-северному роду,

На зловещую дорогу я тебя вступить заставлю, —
Завертись волчком и прыгни, разевая хвост
звенящий!

Мать-душа тебе, отважной, наяву пути укажет,
А отец-душа,¹² взъерошась, странствовать с тобою
будет!

Без вреда носи по свету эти выгнутые щеки!
Возомнив теперь немало, донимая, донекая,
Отдаляя, выгнув щеки, ноздри пятнами отметив,
Будь, отважный бубен-лошадь, с куличком чок-чок

кричащим,
Будь с кукующей кукушкой, будь с гогочущей¹³
гагарой,¹⁴

На высокий твой загривок хитроумно усадивши,
По спине твоей округлой мерно бить меня заставив!
От тебя благие мысли не бегут, мой конь отважный,
И издавна не отходят угрожающие мысли.

Мы с тобою, конь мой, бубен, исцелителями будем
Для людей косноязычных, для якутов-уряньхайцев,
Изувеченных, недужных, впавших в тяжкие
проступки.

Вещью ведшего шамана, знаменитого шамана,
Будь-ка ты, отважный бубен, бубен-чудо,
буен-лошадь!

Я большой шаман-хозяин, я шаман длинноволосый,
Тот, что топает подошвой и пристукивает
пяткой, —

Вот кому принадлежишь ты, вот ты чей, отважный
бубен!

Мать-душа твоя не знает, что ее сразить я должен,
Превратившись в олененка, став животным
остророгим, —

Растерзать ее рогами, расплескать ее по миру.
И тебя я заболаю, став быком рябым и сизым!

Мычит, подражая быку; опрокидывает бубен перед
собою и, трижды обходя кругом на четвереньках,
бодает его выступы и ударяет одной рукою — коло-
тушкой. В левом углу юрты шаман выпрямляется,

берет бубен в руку, бьет колотушкой и продолжает заклинать:

Побежден ли ты, отважный, ты осилен ли, мой
крепкий?

А ведь я тебя осилил, победил тебя я, бубен!
Мне тебя приходит время сделать ездовым
животным!

Садится верхом на бубен; ударяя его то спереди, то сзади, кружится волчком, выкрикивает: «сай! сат!», как бы погоняя лошадь. Некоторое время поет без слов. Потом начинает заклинать:

Упряженная лошадь, конь верховой!
Надежная ты повозка моя!
Крыло для полета! Вихрь золотой!
Звени, залейся подвесками!
Отважный конь, укрошенный зверь!
Шуми, рассыпься привесками!
Осилил тебя, смирил я тебя!
Ну, вот победил я, кажется!
Я донял тебя, развольничался!
Душу-мать забодал, отважный, твою!
И среднего мира твоя судьба,
Вселенной твое назначение,
И глинистой почвы зрелость и рост,
Большое определение,
И вот, завещание крепкое, — все
Нарочно мне предназначено! ¹⁴
Путей хозяева создали так.
Разбрзинись же, счастье быстро!
Меня повисшим вниз головой,
Меня уширающимся узнав,
Умчи от страны закрученных трав,
Деревьев, свернутых вокруг себя!
Я здесь исстрадался! Рысью скачи!
Прислушайся к крикам: «Сай! Сат! Суй! Суй!»
Отважным, послушным пегим конем
Кружись и скачи! На землю вернись!

Трижды обносит бубен вокруг себя. Идет к углу, что около выходных дверей. Заклинает:

Владелец вороных, беломордых коней,
Живущий в верхнем мире, — велел,
Хара-Суорун назначил тебе:
Навязчив будь и возлюблен будь,
Укрощенный конь неотступно будь,
Наверх поднимись и вниз не вернись,
Как молния пестрой лошадью будь!
Вот этой вещи мать-душу убей,
Кусочки ее подбери, собери,
Ее с привесками соедини,
С бубенчиками ее сочетай,
Ее колокольчики задержи,
К ее побрякушкам привытай,
От крестовины ее оторвись,
Выпячивай девять выпукостей!
Оглуши нас гулом! Гуди, шуми!
Самым счастливым бубном будь!
Радость! Счастье! Строптивый, смирись!
Запальчивым пламенем ныне стань,
Гори священным, прекрасным огнем!
Гнутое дерево, бубном став,
Навек счастливым, удачливым будь
Даже в болезнях, даже в беде!
Восемьдесят дощных духов призвав,
Девяносто голодных волков собрав,
Семьдесят ярых медведей поймав, ¹⁵
Счастливым будь, удачливым будь!
Девяти улусов отрадой будь!
Семи улусов оградой будь!
В нижнем мире, вдоль и поперек, —
Задние ноги пусть не скользят,
Не споткнутся передние пусть,
Лучший мальчик пусть держит узду,
Пусть никогда не сползет седло, —
Лучшей отважной лошадью будь
Большого жертвенного пути!

К высокому, важному месту пусть
Тебя с молитвою поведет
Твоя отважная мать-душа!
Ты будешь чутким ухом моим,
Ты будешь зрячим глазом моим,
Гибким коленом, согнутым локтем,
Моей повернутою щекой,
Движеньем, успокоенiem моим!
Речистым будь, говорливым будь!
От болезненных приступов огради!
Отродье невицмых запирай! ¹⁶
Лишнее, вредное прибирай,
Великое чудище, бубен-коны!
Солнце — перья, луна — крыло,
Рог — звезда, единственный глаз,
Грозный, сильный, полый барабан, —
Запряжен и зануздан ты!
Главной хвори, внезапной беды
Ты основную причину знай,
Гони, преследуй ее, донимай,
Не расшатайся, не ослабей!
Смотри — обратно не расплесни!
Духи-хозяева славных мест,
Бабушек-государынь рек,
Испещренные лики озер,
Поводья пестрых горных хребтов, —
Слушайте вы, отважные, нас!
Силой и помощь будьте нам!
Деревья, выгнутые вперед,
Три гнутие однолетки-ствола —
Вот основа, бубен, твоя,
Быстрее быстрого ухвачу,
Тебя, отважного, поглочу,
Кожей высохшею обив,
Полосатую приготовив плеть
С переднюю ногу молодого бычка, —
По крайнему небу, шумя, пронесусы!
Путь мой — алого облака край,

Золотого, западного облака низ;
Раскрыв крылья, вниз головой
Устремясь, вылетев, унесусы!

Опрокинув бубен, кладет на пол; трижды обойдя
кругом на коленях, бодает головой девять его выступов. Встает, берет в руки бубен и, ударяя по нему, продолжает заклинания:

В той мердающей, темной, далекой стране,
В том воспетом kraю, где заблудишься ты,
Там, где сосны поют, там, где травы ревут,
Где взывают оставшихся из голоса,
Где оставшиеся деревья мычат,
Где березы брягают и тальник звенит,
Где железной осокой земля заросла,
В страшных чащах, где даже наперстку не встать,
В диких дебрях, где ножницам даже не лечь,
В этих бедственных зарослях, в лютой глуши,
Где иголки — и той не удастся воткнуть, —
Там, с рыбами ноздрями, хозяйка земли,
Сибие-сайден шаманка и Кюлюк-Сюёдер. ¹⁷
Вы, отважные, в гости не вздумайте к ним,
Не пытайтесь войти, чтобы высмеять их!
Этой вещи отважной мать-зверь, мать-душа,
Обернувшись зеленою мухой-слепнем
Или стянутой в поясе желтой пчелой,
Пролетела, быть может, гористой страной,
Посетила, быть может, Кюлюк-Сюёдер,
И об этом, пожалуй, уж знаете вы?
Хоть не знайте, хоть знайте — не буду менять!
Ты от средних, от серых назначена стран,
Обуздаться тебе, основаться тебе, —
Заплетая деревья, запутав траву, —
Быть великой страной! Уйаях! Уйаях!

Бросает бубен и ложится навзничь. Так он «ныряет»; его руки и ноги начинают переплетаться, как скрученные веревки. ¹⁸ Кто-нибудь из присутствующих

вынимает из веника прут, проводит им по рукам и ногам шамана; они перестают скручиваться. Продолжая летать, шаман ловит руками уходящую душу бубна, зажимает ее в кулак, берет в рот и очень долго разжевывает. Затем садится, берет в руки бубен и, держа его горизонтально, выплевывает туда душу, все время ударяя по бубну снизу колотушкой. После этого опрокидывает бубен вверх стороной, обтянутой кожей, и лижет, а затем садится на шкуру и, ударяя по бубну, продолжает:

Соответствие вижу, сравненье нашел!
Круглым бубном, звенящим бубном ты стал!
Я мать-душу твою затравил, загнал,
Разжевал ее, съел, до конца проглотил!
Ты, отважный, упряженным животным стал,
Верховая лошадь, приятель, ты,
Знаменитая, славная защита-вещь!
Одноглазый будь, пешнеключный¹⁹ будь,
Прозорливому белому шаману²⁰ служи,
Чтоб отважным и чутким он был всю жизнь,
Чтобы век не случилось споткнуться ему,
Чтобы век не скользили ноги его!²¹
А когда от всех народов земли
Соберутся шаманы толпою к нам,—
Ты железным панцырем,²² бубен, будь!
Ты железным прикрытьем, отважный, стань!
Ну, а если нам с тобой суждено
Быть удачливыми и богатыми,—
В десять дней пройдя топотливый путь,
Изо рта шеститравого жеребца,
С подвижного неба его слетев,—
Устремимся вверх!²³ Пусть будет так!

Бьет себя колотушкой несколько раз по голове, трется о бубен щеками, плечами, коленом, затем кладет его на землю, еще раз трется щекою и говорит:
— Пятикопеечной медной монеты нет ли?

Жена шамана подает монету. Шаман проглатывает ее и начинает бить себя колотушкой по животу. Проглощенная монета вдруг, оказывается, лежит на бубне. Шаман крестообразно проводит ребром ее по коже, обтягивающей бубен, и выходит на улицу — освобождать внедрившихся в него духов.

ИЗГНАНИЕ БОЛЕЗНИ

Перед камланием родственники больного изготавливают три маленькие берестяные сосуды, со спичечной коробкой величиной; их наполняют кровью из уха жертвенной скотины и ставят на пол перед шаманом.

Шаман по обыкновению выходит на улицу — впустить в себя духов. Тем временем подметают юрту, чтоб не мог спрятаться в сору хозяин болезни.

Войдя, шаман садится на белую лошадиную шкуру,¹ разостланную на полу перед камельком; трижды кукует: ку-ку! трижды зевает, трижды свистит, трижды бормочет: ба-ба... Некоторое время поет без слов; наконец, ударяя в бубен, приступает к самому заклинанию:

На долгое время усился я,
На длительное сидение,
Отважный, надолго усился я,
В рот беру кровь и разбрзгиваю,
Вполне овладевши хитростями
Двенадцати разных родов-племен
В моей окраинной матер-стране,
Восьмибодной вотчине!
Хозяин знаменитого бубна моего,
Того, что со звоном натягивается,—
Мой бубен — восьмисаженный стог,
Мой бубен — молодой могучий жеребец!
Опять наступает время для нас
Счастья испросить, удачи призвать...

Сорок четыре сыча в тороках,²
Крупные пятна с головы до ног,
Одна белая полоса на лице,—
Ты, изрядно темная ночь!
Тебя, беспокойную, просидеть,
Бормоча и выкрикивая, — время пришло!
Ты, хозяин большого заклинанья моего!
Ты, хозяин моего растиянутого рта,
Неослабного, словно лук-самострел!
Вы, хозяева отважных напевов моих!
Вы, хозяева могучих припевов моих!
Все прислушайтесь, приходя!
Вы, чье имя — нечисть, абаасы,
Чье жилище — подножье лиственницы,
Вы, что являетесь сюда распевать, —
Тоже прислушайтесь, приходя!
И от тебя я помохи жду,
Хозяин старого пепелища.
Ты, что выглядываешь подсмотреть
И заигрываешь со мной.
И ты меня пожалей, помоги,
Хозяйка вселенной, владычина, госпожа!
Вот, стреножившись,³ я сижу,
Мне нужно срезать силу юёр,
Я должен мошь его окаринать!
И ты попробуй спеть и заклясть,
Дева окраины Чынгыйдаан,⁴
Несущая силу и помохи мне,
Говоря: «Постоянно поешь!
Так безрассудно не распевай!»
Бестолково силу сама не трать,
И баловаться не вздумай с ней!

Перестав ударять по бубну, колотушку подносит к глазам и, как бы вглядываясь, начинает предсказывать:

— В чаще старинная подвесная могила,⁵ оказывается; от нее-то, оттуда, ваших поветрий и болезней начало, оказывается. И еще такое место, где в старину, три

поколенья назад, злые, с конями черными, беломордыми,⁶ между собою силами мерялись; кровь их сочилась; сильные юрь умножились,—вот такое место в этой стране вашей, оказывается. Если же знаменные заклинания спою—удалится. Озера вашего на северной стороне, лиственницы с наклонной верхушкой, с легко отстающей корой, с корнями надземными, с дуплом на восток,—такой лиственница немного южнее пустой пень, оказывается. Внутри—серьги-подвески, суконный картуз.⁷ Что, такая потеря случилась ли?

Ответ присутствующих. Терялось в старину такое.

Шаман. Телячий абаасы⁸ унес, оказывается. Телячий абаасы одежду уносит; такой имеет обычай.

И вот этот домохозяин, походка вразвалку, племенный висок, алый румянец, со шрамом на шее,—промышленник он, оказывается. Когда с бородавкой на морде зайда⁹ поймал, петлей изловил,—в то время украли, взяли.

И у глубокого круглого озера на западной стороне в стародавние времена умершего шамана могила, оказывается. Вот оттуда, с криком «чу-чу», прилетая, кулик, емегет его,¹⁰ на вас все время зарясь, чукает,¹¹ оказывается. Ысыым!

(Как бы усиленно всматривается.)

— С глазами, кольцам узечки подобными, со лбом, подобным колену, с густой бородой, почтенный, степенный человек в гробу уплыл,¹² вниз головою лежа. Оставленные им,—рыдая, остались. Кто же такой?

(Перестает смотреть, снова ударив в бубен, поет, заклинает.)

Равные мои, сюда, сюда!
Приятели мои, веселей, веселей!
Сильные мои, беспокойные мои,
Сюда, сюда, товарищи мои!
Ты, с иссохшими пальцами,
Как черви мясные скрученными,—

Ты, со щекою выгнутою,—
Ты, с глазами выпущенными,—
Ты, у которого ржавый лоб,
Взоры молниеносные!
Шустрый паренек, приятель, сюда!
Здесь со мною побудьте-ка вы!
Полого бубна хозяин приди,
Растопыренной крестовины хозяин внемли,
Вольной колотушки хозяин, ответь,—
Да будет удача крепкая!
Будет хилому подспорье от вас,
Ваше расположение!
Вы, пятикратно сильнейшие нас,
Вы неустанно подвижные,—
Тучную почесть вам воздам,
Готовлю горой угощенье,
До самой глотки воздвигну стол.
Поставлю пищи по самый рот!
Шальные юрь, не выглядывайте!
Главное чудище, перестань вредить!
Ты клыки заострил, ты движешь хвостом,
Ты спину выгнул, ты выпятил живот,
Ты в шального юрь превращаешься,
Шестьдесят шесть абаасы под началом у тебя!
Сидя — вздрогни! лежа — усмирись!
Зачем же, отважный, прибыл я?
Ради чего осквернился я?
О чем заливаюсь песнями?
Девяносто узорных напевов моих —
От лесных еланей напевы мои,
Только что спетые песни мои —
От тайных тропинок песни мои,
Дымящиеся, затуманенные...
Вы, мои незримые приятели,
Шустрые и превосходные!
Вы, беспрестанно звенящие,
Как комары сытые!
Вы, певуче жужжащие
Как голодные оводы!

Войдите в меня, проникните!
Набейте дополна мне живот!
Сильное счастье да будет мне!
Раскройтесь мне, попробуйте!
Хозяева моих низовых путей,—
Таких, где другой отважный шаман
Даже спиной не протиснулся бы —
Тихо, отважно прохаживаясь,
Не мечтитесь вы, не высовывайтесь!
Где восемь знаменитых шаманов навек
Вехи из слез оставили,—
На той окраине моей страны,
Сыла и видя, останьтесь вы!
Где голени девяти шаманок-дев
Костяными вехами поставлены,—
Видя и слыши, останьтесь там,
Страны моей будьте хозяева!
Где шумящие вехи из больших голов
Знаменитых шаманов расставлены,—
На той окраине моей страны,
Сыла и видя, останьтесь вы!
Взлетая, скрываясь, всплывая вверх,
Проходя, изловчясь, обманывая,
Взлетая, скрываясь, всплывая вверх.
Цепенея низвергнусь в нижний мир.
Приняв голодного волка вид,
Облик медведя грозного!
Подобных серым девяти волкам,
С громким воем усевшимся,—
Хозяева моих девяти мысов,
Сыла и видя, останьтесь вы!
Подобным девяти черно-белым журавлям
Стоящим, сомкнувшись клювами,—
Хозяева больших девяти мысов,
На окраине той останьтесь вы,
Где расставлены вехи из белых черепов
Моих лошадей жертвенных,—
На той окраине моей страны
Останьтесь, будьте хозяева!

На окраине моей голосистой страны,
Кусачей, подобно визгливому псу,
Сыла и видя, останьтесь вы,
Будьте ее хозяева!
Где злобно друг на друга скосясь,
Как быки, бодаться готовые,—
Два большие мыса чернеют, стоят,—
Сыла и видя, останьтесь вы!
Подобно жеребцам от двух табунов —
Важно стоящих мысов моих,
Хозяева будьте на окраине той,—
Сыла и видя, останьтесь вы!
На окраине тех туманных морей,
Где ходят волны из малых детей,
Где зыблются рябью юноши,
Плещутся нальдью девушки,
Взрослый люд несется, как лес-сплавник,
Русские, колдуя,¹³ набегают волной,—
В те моря шаман рыбы навел,
Этим шаман прославился...
Первоначальница-бабушка!
Пора к тебе, госпожа моя!
Время настало переправиться,
Держа в руке лопастное весло,
В лодке восьмидощатой моей,
В той, у которой приподнят нос...
Бабушка-море! Не ставь меня
Пестрой собаки посмешищем,
Серой собаки глумлением,
Белой собаки поруганием!
Злорадству равного не предай!
Осужденьем схожего не обирай!
Не дай на позор смежному,
Насмех — единородному!
Не выбрось ошибкой не в этот край,
Не забрось в противную сторону.
Вот я до средины заклинаний дошел,
Как будто время подняться мне!
Помогите, хозяева рябых моих гор,

Где птички-каменушки перепархивают!
Поднимаюсь я с другой стороны, —
Восхожу, дзинг-дзинг позвякивая!
Продолжаю путь с окраины,
Клекочу птицею-вяхирём!
Хлопаю крыльями, как птица-турпан,
Кричу отлинявшей птицею!
Девяносто девять голодных волков
Переплыли поток, — я плыву восслед!
Девять пестрых гагар ныряли в воде, —
Я весело продолжаю путь!
Девять белых чаек линяли в воде, —
Пусть же я продолжу их путь.
Девять серых куликов играли в воде, —
Пусть же я продолжу тот путь.
Рыбы-щуки образ принял,
Взад позвонками, глазами вспять,
Глотка на темени, вывернут хвост, —
Я низвергаюсь прежним путем!
Девяносто девять чудес у меня,
Восемьдесят восемь хитростей,
Тем прославленный удалец, —
Пусть теперь я продолжу путь!
Семьдесят семь прорёлок моих,
Шестьдесят шесть черноголовых червей,
Ну-ка, попробуйте, проникните в меня
На темной окраине моей страны!
Я на сильном пристанище остаюсь,
Я в распеваемом блеске сижу,
Притворяясь, приманивая, кружась, обходя, —
Я убедительно пою!
За темную сторону, отважный, схвачусь,
По самой глубокой стороне отдались,
Сквозь девяносто льдов побреду,
Семьдесят открытых ран наживу,
Как тинистые проруби стали глаза,
Глядящие наизнанку, вниз,
И вот уж густая борода отросла,
И лысый лоб как колено стал...

Рыба-сиг за спутника мне,
Белорыбица — мое пропитание,
В свежей крови отдохать сажусь,
Кровяные сгустки пережевываю,
Подвесками из мяса потряхиваю,
Бердовой костью подпираюсь, иду,
Заплечные крошки¹⁴ — из кости бедра,
Колчан — из кости лопаточной,
Бедренная кость — перекладиною,
Реберная кость — рукояткою,
Рыбу ловлю, растопыриваюсь,
Болтаю сачком, раскачиваюсь;
Вот какой увлекающий угон, —
Так говорю, приговариваю.
После угона поем, сидим,
Встречаем предназначение.
Страшно сердит, слишком могуч,
Из преисподней разгневанный гость, —
Шаман, звенящий подвесками,
Бьющий свободной колотушкою, —
Вот кто велит путь продолжать,
Приносит предназначение.
Скорая хворь! Быстрая болезнь!
Тебя прибираем, опрокидываем,
Отсылаем к счастливому жилищу твоему,
Отправляем по гладкой дороге твоей,
Отделяем от двора, выставляем из жилья,
Из дома удаляем, отделяем тебя!
Заклинаем моим, подобным коню,
Сижу, заклинаю без промаха.
Если не слишком противишься мне —
Сильно мое заклинание.
Рябо-сизой скотины спинную кровь,
Рыже-пестрой скотины ушную кровь
Возливаем вам в угодение, —
Ваши бы мысли ублажились,
Сердце-наперсток угасло бы,
Печень-заплатка утихла бы,
Круглая жила¹⁵ смягчилась бы,

Котел-спина распиралась бы,
Чугун-голова не мыслила б зла
У вас, у чудищ заклинаемых,—
Вот зачем распеваю, сижу,
О чем заклинаю напевами.
«Вот, голову задрав, закричал!» —
Сказав, не вздумайте взглянуть.
Лежа, смиритесь, сидя, засните,
Стоя, затихните, чудища,
Будущее счастье вручите мне, —
Смеяться ли надо мной задумали?
Силой ли, хитростью — покорю,
Угоню вас к жилищу ващему!
До сегодня вы заставляли болеть,
Ну, а теперь довольно с нас!
Будет потом что порассказать
На близкой большой остановке моей!
Там, продолжительно сидя, крича,
Вам до глотки пакрою стол,
Сооружу до плеча престол,
До самого рта напитаю вас!

Взяв в рот крови из берестяного сосуда, дважды
брьзжет ею по сторонам и причитает:

Хозяева здешних и тамошних путей,
Вкусите все, до единого!
Не вспомните после лихом меня!
Я кровью из берестяных чаш вас белил,
Кровью из турсука вас щедро кропил,
Кровяные сгустки вам дал пожевать,
Ту кровь, что в кишке свернулась кольцом,
На вас опшейником я надел.
Пресытесь, изголодавшиеся!
Напейтесь, издавна жаждавшие!
Почета иного не увидите,
Уваженья большего не встретите!
Такая и есть почесть моя,
Такое и есть уважение мне!

Вот эта — называемая сильная еда.
Вот это — называемый дорожный пир!
Этим насытись, попробуйте отстать!
Удачно ль угостились? Насытились ли?
Теперь с изнанки взгляните на себя,
Теперь обопритесь на спину!
Теперь у вас животы отекут,
Теперь у вас спины выгнутся,
Вы будете с округлыми бедрами,
Разжиреете, отощавшие!
Иссохшие, вы размякнете,
Расплывайтесь вы и раастаете!
Я так вас заклял, я так напел, —
Стоящие здесь пугаются,
Стоящие здесь съежились,
Лежащие здесь притаились все!
Не я ли, словно бы круг провела,
Замазывал и выдалбливал,
Отделывал и оттачивал?
Не я ли пел убедительно,
Не я ли просил у вас тишины?
Кончается время мне сидеть
На светлом лице средней страны,
На этом линии загривке ее;
И вот приходит мне время встать,
И важный отдых мне наступил!
Заклятье, что все это время пел,
Теперь завершается, друзья!
Вы сами создали эту хворь,
Свою плотью творили болезнь,
Свою кровью питали боль,
Своими коварствами наделив.
Поэтому вас упрашиваю,
Поэтому вас обманываю
Кровями коровы сизо-рябой, —
Ублажаю мысли, отделяю;
Коровье свежее питье подношу;
Кормлю кровяною жвачкою,
До самой глотки нагораживаю,

До самого плеча устанавливаю,
Угощаю, умоляю, упрашиваю,—
Чтоб только, распившись, расстались вы!
От вас прошу, одного впустив
Кееляни,¹⁶ сильного, щербатого!
Берестяные боги,¹⁷ будьте со мной!

Шаман идет к дверям; раскрыв подмышку, вспыхивает духа-заику Кееляни и, заикаясь, вопрошают от его имени:

— Дом-мо-х-х-хоз...зяин, г-где т-ты си-дишь? — и сам отвечает: — Вот сижу.

Кееляни (страшно заикаясь). Меня зачем сдвинул, заставил сюда привести? Знаменитый, прославляюсь я, грозный, отваливаюсь, даже слепым напоследок являясь, прихожу. Какую плату дать думаешь?

Ответ. Ничего не имею.

Кееляни. Если так, для какой нужды меня звал?

Ответ. Вечерней росы, утреннего инея мне не вынести; вот почему заставил позвать.

Кееляни. Если так, львиной крови нет ли?

Ответ. Нет.

Кееляни. Екесекю-тицы желчь, быть может, найдется у вас?

Ответ. Нет.

Кееляни. Так попусту пришелся я, что ли?

Ответ. На будущий раз отдадим, если подымешь больного нашего.

Кееляни. Ну, друг, опять бы не обманулся мне!

Ответ. Нет, не обману. Каждый раз зачем же буду обманывать, если к другому твоему приходу поправишь человека нашего?

Шаман раскрывает подмышку, выпускает духа. Перестав заикаться:

— Радость и счастье если пожелаю показать — посмотрите ли?

Присутствующие отвечают: Посмотрим!

Шаман. Если стану веселиться — будете ли смотреть?

Ответ. Нет.

Шаман. Не посмотрите ли, как в медведя грозного превращусь? Не посмотрите ли, как волком голодным стану?

Ответ. Нет.

Шаман. У меня восемьдесят хитростей, девяносто оборотничеств у меня выглядывают! Люди мои, почему хотя бы немножко не посмотрите?

Ответ. Нет, не будем смотреть, смирно пройдя, уходи.

Шаман. Если так, при желании гадать, заставите ли? Погадать я хочу. Счастье призвать — заставите ли?

Ответ. Постарайся!

Шаман, держа подмышкой бубен, скакет и распевает:

Да будет, что я распел наперекор,
В девяноста благозвучных напевах моих
И счастье, и участь будущего!
Его раздавиши — не поддастся оно,
На него наступиши — не погнется оно,
Знаменитое мое заклинанье!
Призываю счастье, назначаю судьбу,
Изгоняю юрь многочисленных!
Заставиши ли ты, чтоб выздоровел?
Приляг, лежи, ворожба моя!
Посреди спины, на сердце груди,
На шейном позвонке выпуклом,
На холмике затылка, приляг, лежи,
Тяжелая, вешая ворожба моя!
А если мне исполнить суждено,
Смогу заставить, чтоб выздоровели, —
Тогда с подножья серебряного,
Толщиною в три пальца слитого,
Я знаменитый напев свою,
Скажу заклинанье славное:
Стань-ка, земля, полем ледяным!

Кружится волчком на одном месте, повторяя: «кырык! кырык!» — бросает колотушку вверх, и она падает стороною, предвещающе удачу.

Приступающие. Ледяным полем стало!¹⁸ Урый!.. Урый!..

Шаману подают колотушку, и он бьет ею по бубну, а затем отдает ее своему помощнику, приказывая:

— Заставь звучать! Заставь пинать! Заставь колотить! Заставь грохотать!

Помощник непрерывно бьет в бубен. Тем временем шаман припадает к больному, долго приложивается губами и, наконец, вытягивает из него духа болезни; потеряв сознание, опускается, но присутствующие подхватывают его за повод¹⁹ и усаживают на пол по левой стороне юрты. Охая, шаман постепенно приходит в себя и начинает вещать от имени вошедшего в него духа болезни:

Э, никак, за ребенка считая меня,
Из пухового гнездышка вправду ты взял,
От согретого дома-жилья отдали!
Ты, отважный, смотри: я уйду лишь тогда,
Как мне дашь обонять опаленную шерсть
Сизо-пестрой скотины от носа и губ,
Как понюхать отрезанной шерсти мне дашь,
От спиной и от лобной мне шерсти зажжешь,
Заклинанья удачные произнеся,
Вот тогда я уйду, — до тех пор не уйду.
Рыже-пестрой скотины с почтенной спины
Ты отрезанной шерстью еще почади,
Так заставишь уйти, — без того не уйду!

Один из присутствующих берет клочок шерсти с жертвенной коровы и, сжигая его на горячих угольях, предоставляет шаману нюхать чад.

Шаман.

Ну, вот! Сужденная пища мне!
Сладка, вкусна оказалась ты!

Смягчила черную печень мою
И гнев ее слоистых краев!
Теперь останетесь без меня,
От века и до веку благо вам жить:
Ну, а где же шелковый тот платок?
Ну, а где ж из волос сплетенный пинурок?
Где с шестью зарубками пешка моя?
Земноводная ящерица — в-седьмых?
И, в-восьмых, — дождевой аршинный червь?
Разве так выполнялось вот это все?

Приступающие в ответ: Выполняюсь.

Шаман, открыв подмышку, выпускает духа болезни, берет бубен и, ударяя в него, говорит:

Да будет так, что заставлю звучать!
Да будет так, что буду пинать!
Ударив, ударив, тряхнув, тряхнув,
Заставлю дрожать, трястись, грохотать!
За то, что, страшный, перечил мне,
За то, что ты тодал и худел, —
Теперь, чудовище, отдались,
Отправляйся, покачивайся, уйди,
Отставая, оскалбившись, улетай,
Раскинься, проваливайся, исчезай,
Шатайся по самым дальним местам,
Переваливайся по далеким местам,
Твоему лежанью настал конец!
Убирайся, засевшее чудище!
Трехпятнистым тальниковым кнутом
Тебя, ужасного, я угнал,
Колотушкой крепкой отдал тебя,
Подвеской, что, заливаясь, гудит,
Тебе для возврата путь заградил.
Теперь тебя умоляю, пою,
Как самого доброго соседа прошу,—
Не вздумай обратно вернуться к нам,
А то надтреснут вертлюги твои!
А если на нас оглянешься ты,

Пусть расколются кости твои!
Проклятия мои и стенанья твои
Хочешь — вытерпи, хочешь — нет.
Сай! Сат! Пусть будет так!
Сай! Сат! Пусть будет так!
Сай! Сат! Пусть будет так!
Испеление и угон!
Испеление и угон!
Испеление и угон!
Пусть будет, что я абаасы отдали! —
Под солнцем тяжкий гол пропустил,
Знаменитый гол между ног пропустил!
Чудице в сторону, прочь угнал!
От болезни больного освободил,
От поветрия, от недуга очистил его,
Избавил от внутреннего вреда!
Отдаваясь в стучавшие пятки мне,
Просторней, просторней пусть будет ход!
Отдаваясь в звучащие пятки мне,
Пусть будет топот звучней, звучней!
Мой полый бубен, с озеро шириной,
Пускай закроет ему лицо!
Побрякушки посыпались, загремев,
Подвески рассыпались, загудев, —
Кюсиянга звонкими зазвенев,
Нисходит скорое счастье к нам!
Я был рожден от сосновой реки,
Я был менерийк, я твердил, твердил:
Смотрите, слушайте — вот я какой!
Я три поколения пережил,
Я трех народностей абаасы
Поймал, поймал, — вот я какой!
Расплеснул, расплеснул, — вот я какой!

Обращаясь к больному, предупреждает:

— Болящий! Если суждено выздороветь, — от нынешнего через два дня, с полудня, начинешь выздоравливать. Если суждено не поправиться, — с полудня этого дня станет хуже. Так узнается.

Окружающим:

— До истечения трех дней потихоньку шумите и не-громко стучите. От шума расплещется воздух — душа его; рассыплется кут-душа, и сюр-душа²⁰ распадется! вот тогда умрет. Этого сильно берегитесь.

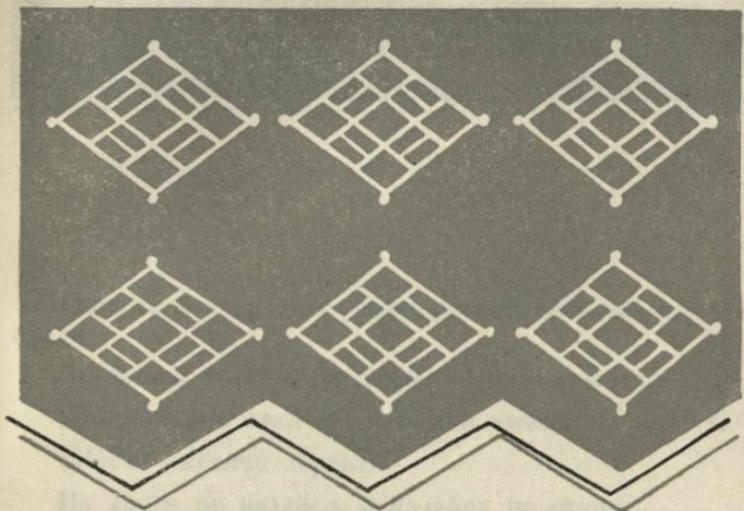
Садится на шкуру и, ударяя в бубен, говорит:

Заклятье крепко, хитрость ловка,
Сиденье обширно, долог присест,
Теперь, подвинувшись, встать хочу.
А чудище пусть на нас не глядит,
Зарывшись в гладкую рысью щерсть!
И трещину пусть укроет свою —
Большую, открытую, как ушат, —
Укроет в косматую волчью шерсть,
От волка с черной полосой на ногах!
Пусть закроется зоркий взор!
Пусть притупится чуткий слух!
Найди-ка, нечисть, место свое!
Вошедший к нам — затихни здесь!
Отдохни, сидящий! Лежащий, смирись!

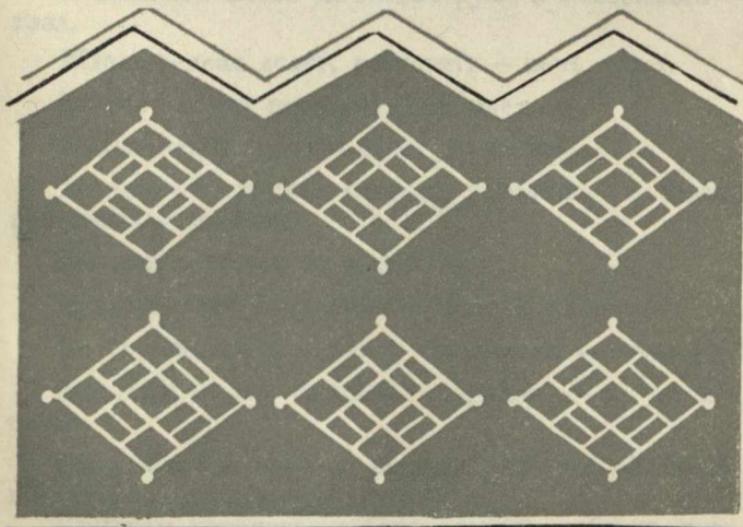
Опрокидывает перед собою бубен.

Шаману подают на тарелке семь кусочков варенного мяса. Пожевав, он выплевывает мясо по сторонам и в огонь, а затем выходит на улицу выпускать духов.

ПОГОВОРКИ И ПОСЛОВИЦЫ

Сытому и жир не вкусен; проголодаешься — и вода сладка.

Задравши голову, не плюй: в глаза попадешь.

Что потерял один дурак — сто умных не найдут.

«Нет» — крепче дерева.

На друга не надейся, а надейся на стену.

Умереть — небо далеко, провалиться — земля тверда.

С больного места не сходит рука, а с любимого — глаз.

Ждать — день долг, ревновать — ночь долгая.

Старая собака понапрасну не лает.

Молчаливый всегда сlyвет за умного.

Хозяин — с двумя глазами, хозяйка — с одним, работник — без глаз.

Без ветра дерево не шатается.

Предчувствие не удаляется, рок не уходит.

Не спрашивай у старого, спрашивай у бывалого.

Молодым — не надейся, стариком — не отчай-
вайся.

Как собака костью не давится, так русский чинов-
ник (и поп) не давится якутами.

Слишком торопясь, собака слепого ребенка рож-
дает.

Только у русского слез нет.

Шамана жена в рай заходит, священника жена в ад спускается.

Имеющему желание не препятствуй.

Толстое не переламывается, широкое не раскалывается, богатство не кончается.

Что родня далеко, что вода близко — хорошо.

Когда мальчик рождается, черный ворон радуется; когда девочка рождается, хозяин огня радуется.¹

Вместе с певцом — сидящий человек певцом становится, вместе с шаманом — сидящий шаманом становится, вместе с кузнецом — кузнецом становится.

У сытости есть предел, у голода — мученье.

От большого в смятенье не приходит, от маленького не теряется.

Ухо далекое слышит, глаз близкое видит.

У беды — удобный случай, у горя — веревка, счастье слепо.

Несчастье найдет дорогу, неудача — удобный случай.

Этот парень просушит отцовы копыта.²

Путешествие любит спутников.

Путнику попадается спутник, страннику — сотоварищ.

Путнику — голод, страннику — недостатки, гонцу — усталость.

Дорожная собака ворчлива, кочующая собака ревнива.

Рот мой Алдану-реке уподобился, глотка моя уподобилась солнцу.³

У этого пищи до октября, сена до февраля.⁴

Половина доски на икону, другая на лопату.⁵

У этого только слез русского нет.⁶

У этого верны только следы на снегу.⁷

Этот, с попутчиком ехавши, вместо коня лесину ему подсунул.⁸

Для еды малая семья хороша, для работы — большая.

Не показывай пищи голодному, одежды — голому, огня — озябшему.

Этот демон только тем человек, что еду поглощает.⁹

У этого изо рта золото не просыпается.¹⁰

Варится, словно Кычкина быка голова.¹¹

Конь имеет славу, дорога — известность.

Этот словно конь прославился, как дорога известен стал.¹²

Был бы конь — будет и седло, был бы нож — найдутся и ножны.

Побежит конь — побежит и собака, улетит селезень — улетит и чирок. (Варианты: покатятся сани — и собака не отстанет; взлетает селезень — вспыхивает и водоросль.)¹³

Этот у верхового хлыст заберет, от пешехода — посох.¹⁴

Голодному всякая еда вкусна.

Не гордись в богатстве, не унывай в бедности.

Кто живет близ моря, у того ноги мокры.

Спесь громче богатства.

Богачу не жаль бедняка, бедняку не жаль богача.

Богатому небо по горло, строптивому море по колено.

Своеволье — отродье богатых, строптивость — порождение сытых.

Помыслы богача — текучая вода.

Богача как обойдешь?

С богатым не борись, с быстрым не гонись.

Конченого не почерпнешь, пролитого не подберешь, порванного не прирастишь.

Отставшая собака на бурелом взлядилась.¹⁵

У этого и вшей на голове нет.¹⁶

Вошь торбазов влезла на голову, вошь чулок всползла на затылок.¹⁷

Только карась шумит.¹⁸

Здесь я зыбку повесил.¹⁹

Зерна посыплются — мышь прибежит, медные деньги брякнут, казак зашевелится.²⁰

Дым о дыме «у него больше» думает.²¹

Этот, разрываясь, срастается, утопая, вспльвает, умирая, вновь воскресает.²²

Нож черенка не строгал, ворон ворону глаз не выклавал.²³

Нож сломался у самого кончика. (Вариант: рвется веревка, где тонко, ломится нож у кончика.)

Укусит вошь — подарапаемся.²⁴

Вчера собачью ляжку в зубах таскал, сегодня лисий хвост на руках несешь.²⁵

Ест словно рысь из-за валежника.²⁶

Бисер на обшлагах считает.²⁷

Волк водка отлом назвал.²⁸

Споткнулся — не выправишься.

Косись на того, который давно за Вилюем.

В море и капля нужна.²⁹

Положись на собаку, не на товарища.

Обеднев — не рассказывай о прежнем богатстве; зостарился — не говори о бывалой силе.

Женщина только будет довольна, как получит землю своей могилы.

Женщина, поутру огонь разводя, сорок дум передумает.

У женщины ум короче ее волос, грудь уже ее рукавов.³⁰

Женщине — потасовка, картам — тасовка.

Так и умер, не повидав заднюю сторону своей юрты.³¹

Счастье слепо на оба глаза.

Наше счастье всего с полпуда.

Тоска родителей — все по детям, тоска детей — все по скалам.³²

Двое плешихих друг у друга вшей ищут.

Этот дважды вокруг большого пальца тебя обведет, трижды вокруг указательного.

Будущее — лучиной ведь не осветишь.

Этот — словно передniaя пола.³³

Старосты жена — с заднею мыслью, кузнеца жена — со скрытой мыслью, шамана жена — с запасною мыслью.

(Вариант: шамана жена любит угождаться, старосты жена любит повелевать.)

Пестрота человека — внутри его, пестрота птицы — вне ее.

Погладив чолку, разрубил затылок.

*

Заступник мой — только глаз моих слезы, защитник мой — только глазниц моих истечения.

Разве я тунгус кочующий или русский проплыши, чтоб ты мне не верил?

Утиной кости не сломит.³⁴

Мышь кореня хвостом мерила.³⁵

Чирий вскочил, где вздумалось, судья рассудил, как понравилось.

Девочка в семье — чужое добро.

Ты — сокол мисок, ястреб ложек, сова турсуков.³⁶

Что скупой богач, что жирная собака — пользы нет.

У скупца и креста нет.

Почерпнул у скупца щербатой ложкой.³⁷

Шутя, смеясь, разрыл его пепелище, играя, резвясь, потушил огонь.³⁸

Подмигни своей тени.³⁹

Угощенье — не уголь, уваженье — не пепел.

Схватился за края солнца и луны.⁴⁰

Напал на сено без народа.⁴¹

Осенний человек — смеющийся, весений — облизывающийся.⁴²

На ходу зеленої травы не сломит.⁴³

Я ей уступила — черепок подарила.⁴⁴

Ушел, куда костыль поведет.

Плотнику не быть богатым, певцу не быть счастливым.⁴⁵

Прибыло всего пять казаков, считая со мною.⁴⁶

Нуждающийся находчив, бедствующий беззастенчив.

Горемыка любит поплакаться, несчастный ищет слушателя.

Собрались горемыки к морю.⁴⁷

Иди веревочки у безрогой коровы.

В споре и белая ворона черна, и черная ворона бела.

Этот, как сова, на верхушку садится.⁴⁸

Мокрый ремень не рвется.⁴⁹

Русский по дороге бежит, якут спасается лесом.

Русский, пока не замерзнет, всем говорит: «тепло».

Русский и при смерти за долгом руку протянет.

Не надейся на жену — надейся на стену.

Бывает ли, чтоб при шамане не враз человек, при кузнеде не сломалась посуда?⁵⁰

Воспеванием чужих, воспоминанием близких стал этот человек.

Она только ямка лежанки и дыра постели.⁵¹

Это дитя — со дна живота, сушит сосцы и снимает колы.⁵²

Несчастий больше у меня, чем травинок, неудач больше, чем соринок.

Повремени, пока малое вырастет и тощее ожидает.

Умирающий за травку депляется.

Беда и горе приходят, будто им время назначено.

Пока доедешь до врага, конь твой будет без сил.⁵³

Старое непелище имеет пни, прежнее жилище —
заветную память, огонь — искры.

Этот — окно земли.⁵⁴

Земля и черна, да на ней хлеб растет, снег и бел,
да на нем собака мочится.

У этой лице обрызгано кислым молоком.⁵⁵

Этот — лежащей коровы не вспугнет.⁵⁶

Потерянное не найдется, потонувшее не всплы-
вет.

Что убежало — не догонишь, что окончилось — не
почерпнешь, что порвалось — не срастишь.

Выйти на двор — снег белеет, войти домой — огонь
краснеет.⁵⁷

Каменная ладонь у вошедшего извне и берестяная
ступня у пришедшего со стороны.⁵⁸

Девка мочится на свои босые ноги.⁵⁹

Эта уже надела свою железную шкуру.⁶⁰

Память словно у белки.⁶¹

Суетливая белка на стрелу набросилась.⁶²

Дерево свалил я, а белок собрал ты.⁶³

У загона его поставил силок, у дороги его поста-
вил петлю, у жилья его — самострел.⁶⁴

Раз взял в руки — его трость, раз надел — его
шляпа.⁶⁵

Этого кто только с языком — бранит, кто лишь
с глазами — косится, кто с руками — бьет.

Данное слово нарушить — лучше тысячу поте-
рять.

Родился в ночь, вошел в окно, крещен в пруду и
молился пию.⁶⁶

Показал пестроту своей груди.⁶⁷

Что он водою назвал — снег, что он снегом на-
звал — вода.⁶⁸

Не вымрет рыба в постоянной воде, не терпит
нужда человека среди своих, не погибнет заяц в
роще.

Думаешь ехать — не трать воды; думаешь уйти —
не приканчивай дров.

И у великих гор есть проходы, и у матери-земли —
дороги, и у синей воды — брод, и у темного леса —
тропа.

Кичилась водяная курица белым пятном на лбу.⁶⁹

В огонь его бросишь — не пахнет, в сено завер-
нешь — бык не съест, с жиром смешаешь, — собака
гнушается.

Вор — первый богомолец, женолюб — лучший род-
ственник,⁷⁰ плут — больше всех боится греха.

У этого тело распороть — не выйдет ни крови, ни
сукровицы.⁷¹

Сума его сморщилась, кишкой своей опоясался.⁷²

Гроза небу поленом, а облаку — ножом.

Улететь — небо далеко, провалиться — земля твер-
да.

Толстое вдоль не колется, тучное поперек не ло-
мается.⁷³

Играет толстым брюшным жиром, как деньгами,
играет толстым шейным жиром, как городками.

Толстый брюшной жир скользок, толстый шейный
жир не ухватишь.⁷⁴

Берущая рука не знает, а дающая знает.

Не будь уверен в разжеванном, будь уверен в про-
глоченном.

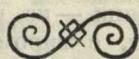
Непреложна судьба, велик рок, гибельна опас-
ность.

Отщепенца медведь пожирает, бродягу комар кусает.

Хворый всегда богомолен, бедный всегда хороший родственник.

Двое кривых «одноглазкой» друг друга ругали.

Несказанное слово лучше сказанного.

ЗАГАДКИ

Золотой мяч по своей воле загулял,
Посреди моря серебряная миска плавает.

Тигровый бык сугробы насквозь про-
мочил, говорят.

На верху юрты щербатая (деревянная) ложка лежит,
На юрте мелкая щепа лежит.

(Звезды)

На дне лежат семь денежек.

(Плеяды)

На дне моря абаасы девки глаз виден.

(Венера)

Что без колес, а движется.

(Туча)

Ржет жеребец вселенной, ревет бык важной страны.

(Гром)

На небе из красного сукна платок висит говорят.

(Радуга)

Дыханье — роса, одеяло — туман, ложе — зеркало.

(Вода)

Хотя и без ног, но илущий есть, говорят.

(Тече-
ние воды)

Мать дитя свое сосет.

(Река и приток)

Я так свечусь, как драгоценный камень.

(Лед)

Поле большой котловины по своей воле выравнивается. (*Замерзание озера*)

Вечерами меня мать родила, утром я мать мою родил. (*Замерзание и таяние снега*)

Белая кобыла ушла, саврасая ускакала, белая, черношея и чернокопытная осталась. (*Снег стаял, весна пришла и ушла, лето наступило*)

Хотя и без ног, но движется, хотя и без корней, но растет, — такое есть, говорят. (*Камень*)

Внутри земли раскленное железо есть, говорят. (*Медведь в берлоге*)

Что лиственницей подперто? (*Белка*)

Внизу есть глаз. (*Заяц*)

Белая кобыла черного жеребенка за собой ведет, говорят. (*Горностай и его хвост*)

Менее иголки, а стучит как топор. (*Нос дятла*)

С крыльями, но не летает, без ног, но ходит. (*Рыба*)

На лугу есть сумочка с салом. (*Лягушка*)

Царская дочь в деревянном доме сидит. (*Оса*)

В кафтане из шелка и кожи, короткий бесхвостый шаман гудит. (*Шмель*)

Царская дочь ножницами звенит. (*Саранча*)

Стук китайских ножниц здесь слышен. (*Кобылка*)

Сумочка висит, говорят. (*Павк*)

С восемью ногами упрямое животное есть, говорят. (*Муха*)

Русская девица плачет, говоря: «Мне не дали морскую сельдь». (Комар)

Остроязыкий орел, солнце, месяц застилая, летает. (Комар)

Внизу плясун приплясывает, вверху танцор танцует. (*Водопой коней, губы их движутся, уши шевелятся*)

Верхоянская ель растет вниз. (*Хвост рогатой скотины*)

Не потерял, да ищет, не болен, да стонет. (*Свинья*)

Есть такое, говорят, что на гвозде не держится. (Яйцо)

Внутри мяч, на улице мяч есть, говорят.

Праздный гуляка, шустрый крикун. (*Собака*)

Плакса клубок с ясными глазами. (*Кошка*)

И зимой и летом ничем не отличающаяся девица есть, говорят. (*Ель*)

В лесу шаман камляет, говорят. (*Осина*)

Со снежными шапками дети есть, говорят. (*Птицы зимой*)

Со временем создания своего глядит, не моргая. (*Отверстие дупла*)

Старик Антон на одной ноге стоит. (*Гриб*)

Румяна-то я румяна, да не девичий румянец мой. (*Рена*)

Кругом пушистое, по краям красное, в середине яма есть, говорят. (*Ром*)

Среди леса корова лежит.

Меж двух гор бьется, говорят, лисица. (Язык)

Не замерзающее круглое озерко есть, говорят. (*Глаз*)

Волоса сходятся с волосами и ночи желают.

Два человека с двух сторон озерка бьют шестами. (Ресницы)

Десять ребят несут лед. (*Ногти*)

Бегут дети, а животы сзади. (*Икры у ног*)

В медном котле кулик яйца снес. (*Мозги человека*)

На пень упавший снег, говорят, не тает. (*Седина*)

Сколько ни ешь, сыт не будешь. (*Слона*)

Из дуплистогоnia серый горностай выглядывает, говорят. (*Солни*)

Русский в карман кладет, а якут на пол бросает. (*Солни*)

Мясо, не пристающее к мясу, шерсть, не пристающая к шерсти, ночной испрашивший есть, говорят. (*Дремота*)

Слаще сладкого есть, говорят. (*Сон*)

Внутри рысьей рукавицы забавное колечко есть, говорят. (*Женщина в положении*)

Что едят, не кладя на стол. (*Молоко матери*)

Утром на четырех ногах, днем на двоих, вечером на трех. (*Ребенок ползает, взрослый ходит, старик ходит, опираясь на трость*)

Неподвижная черная метка есть, говорят. (*Человеческое имя*)

С каменными пятками, с берестяной шапкой Нуогай-Писарь есть, говорят. (*Сети, каменные пятки — грузила, берестяная шапка — поплавки*)

Бурая корова вышла из озера и кожу свою скорчила. (*Сети*)

Черная корова через озеро плыла.

Под землей есть разбойник.

Дряхлая старуха со ста ушами.

} (*Невод*)

Страдалец-дитя суком подпоясан, бедняга-дитя крученым подпоясан, мученик-дитя тальником подпоясан. (*Плетение верши*)

Старик у кобылицы глаза выколол. } (*Прорубь*)
Есть, говорят, бездонный ушат.

У серой кобылы следов не видать. (*Челнок*)

Ком сала и кусок масла бежит; закинув назад голову, шаман за ним гонится; тяжело шагающий, погнавшись, берет. (*Собака настигает лисицу, человек ее берет*)

С быстро мелькающим проводником, с смелым искателем следа, есть, говорят, толстый старик. (*Собака высматривает добычу*)

В болоте вязнет черный варнак, за ним бежит во весь дух быстрый бегун, за ним верхом на белой своей лошади три года плелся сгорбившийся. (*Лось убегает, собака преследует, человек догоняет на лыжах*)

Абаасы дочь не велит трогать ресничку. (*Самострел*)

Со сплетницей-дочерью, с сердитым сыном Расшеперя-старик есть, говорят. (*Лук*)

Старик разогнулся, золотая чашка выскочила из рук, а другой белый старец упал. (*Лук, стрела, убившая зайца*)

Кобыла зовет жеребенка, а жеребенок давно ушел. (*Ружье и пулья*)

Меньше ягоды, сильнее быка есть, говорят. (*Пуля*)

Когда мать заржет, жеребенок убегает, говорят. (*Выстрел*)

Оловянная посуда не меняется. (*Добрая хозяйка*)

Дородная женщина о трех поясах. (*Старинная бестретяная юрма*)

У страшного зверя на боку раны. (*Дом, рамы, окна*)

Вилойская девушка смотрит, глаза выпучивши. (*Зимнее ледяное окно*)

Госпожа-женщина на средине груди имеет, говорят, печать. (*Окно*)

Толстая госпожа с долгою дочерью, с коротким проворным сыном. (*Печь, дым, огонь*)

Широкая, широкая Катерина, толстая, толстая Софья, длинная, длинная Евдокия есть, говорят. (*Печь, дым и искры*)

Дарья-женщина сидит и на восток смотрит.
Мятелью не заносимая Тимеликян-старуха есть, говорят.

Три солдата носят одну фуражку. (*Таган*)

Кытай-Махсына¹ дочь красным сукном питается, говорят. (*Самовар*)

В кладовушке шаман² камляет, говорят. (*Мутовка, когда ею сучат*)

И утром и вечером самое любимое есть, говорят. (*Ложка*)

У ста людей одна мысль, говорят. (*Мысли людей, ожидающих варящуюся еду*)

Расщеперя белый³ цепко схватывает,
Сто человек, за белками выехав, без следа пропали, говорят.
Без следа сто человек с горы спускаются.

Наружу — мясо, внутри — рубаха. (*Свеча*)

Адову дочь рвет изгуменной кровью. (*Сброска нечистот из хлева через окно*)

Плотно берущий есть, говорят. (*Клей*)

Красная корова доску лижет. (*Рубанок*)

С южной стороны⁴ одноглазая старуха, прибыв, делает, говорят, узоры. (*Ила*)

С тысячами глаз Тыыхаадар-купец есть, говорят. (*Наперсток*)

Два медведя кусаются, если что-нибудь попадет, то режут. (*Ножницы*)

С тремя дверями белый дом есть, говорят. (*Штаны*)

Без рук держит. (*Замок*)

На краю скамейки прыщавый старик лежит, говорят. (*Подпилок*)

По обеим сторонам дороги шесть щенят бегут говорят. (*Копылья у саней*)

Двое лисят попарно бегают. (*Полозья у саней*)

Седой старик с восемью кисточками. (*Седло*)

Ниже скошенного места, длинные травы есть, говорят. (*Недоуздок*)

Четверо русских детей в одно место мочатся, говорят. (*Доечие коровы*)

Белый олень сугроб копает. (*Сбивание масла. Мутовка размешивает масло — сугроб*)

Черный бык, землю взрывая, идет, говорят. (*Соха*)

Подсаживает, а крепкий. (*Водка*)

Хотя и с глазами, но без крови, хотя и с лицом, но без жира есть, говорят. (*Икона*)

Под подушкой острый нож. (*Блоха*)

Сзади имею суму, но не улусный нищий; имею два рога, но не бык; имею восемь ног, но не паук. (*Таракан*)

Между двумя жителями берестяный турсук бегает,
говорят. (*Сплетник*)

Полеживаю, а сильны. (*Деньги*)

Кабы я встала, я бы до неба достала. (*Дорога*)

УКАЗАТЕЛИ
и
ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ И ОБОРОТОВ РЕЧИ

А ба а сы — злобные божества, нечистая сила, недоброжелательные духи, создатели всех вредных растений и злых зверей. Живут во всех трех мирах — верхнем, среднем (земля) и нижнем (см. ниже). На небесах они живут в западной и южной стороне, на земле — западной и северной, в подземном мире — повсюду. Абаасы бессмертны, невидимы, но при желании могут показываться, принимая всевозможные образы. Они не выносят солнечного света и днем скрываются, любят выходить на землю в ночное время, между закатом и восходом солнца.

В противоположность «привидениям» различных народностей абаасы якутов не бывают белого или светлого вида, они всегда черные, мрачные, наводящие своим видом ужас. Показываются они большей частью в виде красного огня и тени.

Абаасы причиняют людям всевозможные бедствия, посылают болезни, мор на скот, похищают души людей, более слабые из них пугают людей и т. д. Они любят подарки и при помощи шамана можно откупиться, заставить их уйти и не беспокоить. В то же время абаасы, особенно нижние, наивны, часто их может обмануть не только шаман, но и простой человек.

А йы — общее название высших существ, олицетворяющих начало добра. Основная черта их — справедливость. Людям они оказывают всеобщее добро: посыпают плодородие и благосостояние. Второстепенные айыны приносят благодеяния отдельным людям.

Все существующее на свете — человек, скот, полезные животные и растения — создано айыны. Принося людям те или иные блага, айыны могут им причинить вред только в пассивной форме — не дав человеку того или другого, ему необходимого. Они влияют по своему усмотрению на жизнь отдельного человека, в зависимости от того, довольны они им или нет. Якуты приносили айыны только бескровные жертвы через огонь, а иногда — непосредственно. Жертва состоит из молочных продуктов, масла, кумыса и проч.

Айысыт — общее название божеств плодородия, преимущественно женского пола (мужского — только айысыт лошади), способствующих размножению людей, конного и рогатого скота, собак и т. д.

Амга — левый приток Алдана.

Бабушка (местность, река, речка, озеро, играющие ту или иную роль в хозяйственной жизни якута) — почтительное обращение. Из уважения к духу-хозяину (см. ниже) местности якуты воздерживаются от их названия.

Балаган — якутское жилье, стены которого состоят из вертикально поставленных, обмазанных глиной жердей. Русское название — юрта.

Белые бегуны — черные коровы. — Белые бегуны (лошади) — скот айысы, черные коровы — скот абаасы.

Бубен — необходимая ритуальная принадлежность шамана, состоит из дощатого обруча, покрытого кожей. При камланиях (обрядах) бубен служит шаману ездовым животным — лошадью для путешествий по нижнему и среднему миру или птицей для взлетов на верхнее небо, которые он совершают в экстазе. Бьют по бубну палкою-колотушкой, покрытой шкурой теленка (поэтому колотушка — «белая», «смохнатая»).

Важенка — самка оленя.

Вверх резал... Вниз резал — во время еды якуты держат зубами куски мяса и режут их, водя ножом у самых губ.

Верхний мир, Средний мир и Нижний мир — три яруса вселенной: небо, земля и преисподняя. Верхний мир (небо), в свою очередь, состоит из нескольких ярусов (небес); по одному варианту — из девяти, по другим — из семи или трех.

Верхние небеса, по воззрениям якутов, носят куполообразную форму, по окружности они сходятся с землей, которая, со своей стороны, постепенно поднимается кверху по краям. По образному выражению сказки: «Земля изгибается кверху, как скользящие лыжи быстроногого тунгуса, небо сходится с землей изящным швом кокетливой якутки». Другой вариант: «Земля поднимается к небу, как носок лыжи; небо свисает вниз, как бахрома и серебряные пластинки ожерелья девушки-невесты; трутся они между собою, как зубы разъяренных, грызущихся жеребцов».

Верши — снаряд для ловли рыбы, из прутьев, сплетенных в виде конуса.

Ветка — членок, выдолбленный из целого дерева или сколоченный из трех досок, или берестяный.

Восточная сторона — божеская, солнечная в противоположность северной, стороне злых духов.

Восьмиободная, восьмикрайная вотчина (родина) — образное описание разнообразия земной поверхности. Численное выражение, часто встречающееся в якутском эпосе, и в данном случае не указывает на действительное количество «ободов» или «краев», а служит только украшением.

Гадальная ложка с тремя отверстиями — ритуальная ложка, которой разбрзгивают кумыс, совершая на празднествах возлияния в честь божеств. Бросая ложку вверх и замечая, какой стороной она упадет на землю, гадают об исполнении желания.

Город — понятие города как населенного места заимствовано якутами от русских. До завоевания последними якутской территории у якутов городов не было.

Доха — верхнее платье из оленевой шкуры мехом наружу.

Духи охоты — божества, посылающие охотнику добчу. Каждый дух охоты считается хозяином особого зверя. Живут они в среднем мире.

Духи-хозяева земли, моря, рек, уроцищ и проч. — наиболее популярные божества. По древним воззрениям якутов, у каждого существа, предмета и явления — свой дух-хозяин. Есть он и у каждого слова, даже не произнесенного. Духи земли, в частности, якуты представляют в образе доброжелательной, посыпающей счастье людям, седой стаухи, живущей на большом дереве.

Дымокур (курево) — из сухого конского или коровьего навоза, зажигается для защиты людей и скота от комаров.

Екекю-тица — многоголовая мифическая птица. Ее изображения входят в состав шаманского ритуального костюма. Деревянные изображения Екекю ставятся на могиле шамана.

Елань — лесная поляна.

Ийесыт — общее название богинь женского пола, покровительствующих людям, лошадям и рогатому скоту, иногда отождествляется с Айысытом.

Камлание — обряд, совершаемый шаманом (камлать — шаманить).

Камус — шкура с ног животного.

Князец — якуты, до покорения их русскими, управлялись своими родоначальниками. Русские назначали судей из среды самих якутов. В 1764 году воевода Черкашинников перенесовал судей в князьцов или князьков и наделил их кортиками

и печатями. Князцы выбирались из среды влиятельных и богатых якутов. Их обязанности заключались в сборе ясака, в отправлении суда и проч. Наделенные особыми правами и льготами, значительно русифицированные, князцы были угнетателями своих сородичей, проводниками русского влияния и верными помощниками русской власти в ее эксплуатации якутского народа.

Коновязь — деревянные столбы около юрты, к которым привязывают лошадей. Коновязные столбы ставили перед юртой с восточной стороны числом три, шесть или десять в ряд. При трех столбах южный считался главным и назывался «Господин столб», второй — «Средний столб» и третий — «Задний столб». Лошадь почетного гостя привязывали к «Господину столбу». Медная коновязь — признак, указывающий на гостеприимство, свидетельствующее в свою очередь об известном благосостоянии.

Кубки каемчатые — деревянные кубки для кумыса, украшенные резными узорными каемками. Кубки,увитые конскою гравою — на весенних праздниках кумыс подавали в деревянных кубках с точечными ножками (подставками), обвязанными пучками конских волос.

Кумыс и конское мясо — традиционная излюбленная пища якутов. Сравнительно недавно кумыс уступил место чаю и водке, а наряду с конским мясом стало употребляться и мясо рогатого скота.

Кумысный мех — сосуд из кожи для хранения кумыса.

Кюсиянга — круглые железные подвески на шаманской одежде, изображающие солнце и луну; висят на спине.

Лошадь-предок. Культ лошади находил выражение, между прочим, в мифологическом представлении, что божества сотворили сначала коня, потом полукона, затем человека. Лошадь считается вообще священным, чистым животным. В сказках добрые персонажи ездят на конях, а злые — на быках. Шаман садится во время камлания на разостланную белую конскую шкуру. Добрые божества — обитатели Верхнего мира — откликаются на заклинание конем, а злых духов заклинают рогатым скотом (трагикомический эпизод в олонгхо «Две шаманки»: Айгыр по ошибке заклинает конем явившегося из преисподней демона-абаасы).

Матида — брус, поддерживающий потолок.

Мать-душа — один из трех элементов души. По древним воззрениям якутов, человеческая душа состоит из трех начал: Буор-кут (земля-душа) — душа, которая по смерти человека остается в земле вместе с телом; 2) Салгын-кут (воздух-душа) — душа, которая остается блуждать в воздухе

в качестве духа, и 3) Ийе-кут (мать-душа) — главная душа, жизненное начало; она уходит во власть божеств, испытывая разные превращения.

Маховая сажень (печатная сажень) — расстояние между концами раскинутых в стороны рук.

Менерик — одержимый психической болезнью «менерийэр»; одержимые поют, скачут, хлопают в ладоши. Присадок болезни продолжается несколько часов, после чего человек делается совершенно нормальным.

Мерзлы, с ледяными глазами, ледоглазые, стеклоглазые, каменоглазые — так якуты называли русских завоевателей. У русских, не говоривших по-якутски, был, по мнению якутов, «мерзлый», неповоротливый язык, который не мог произносить звуков якутского языка. Ледяные, стеклянные, каменные глаза — светлые глаза русских.

Нижний мир расположен под землею. Сказки говорят: «Широкая преисподняя: давить ее — не поддается, наступить на нее — не гнется, толкать — не шлохнется»... «Верх его суживающийся, средина — книзу расширяющаяся». Нижний мир освещают половинчатое солнце и ущербленная луна сумеречным светом, подобным по цвету мутной карасевой ухе. Грубой железной растительностью, непролазными болотами, где увязают даже пауки, безобразными обитателями-чудищами-абаасы наделяют Нижний мир якутские сказки. Путь в Нижний мир начинается узким проходом вниз. Сказочные богатыри спускаются туда, превращаясь в ледяную рель, в железный кол или в быка тьмы. Поднимаются оттуда, или превратившись в птицу, или по веревке, опущенной добрыми божествами. Шаманы спускаются в нижний мир верхом на бубне, при этом, превращаясь в гагару, они переплавляют воду болезней, по которой уплывают тела умерших людей.

Надель — выступающая поверх льда реки и затем замерзающая вода.

Налучье — чехол для ношения лука за спиной.

Нарты — оленьи санки.

Наслег — старая административная единица, соответствующая волости.

Натаники — короткие штаны без голяшек.

Нюх аю т — якуты при выражении ласки вместо подделуялюют друг друга.

Ойун (Оюн) — шаман.

Олонгхо — эпические сказания, былины, распеваемые сказителями-певцами. Главная тема — подвиги богатырей, борьба их с абаасы. Композиция богато разработана, насы-

шена множеством приложений. Система образов, обороты, метафоры — высокохудожественны. Язык чрезвычайно архаичен и не вполне доступен современному якуту.

Орел — птица белого, восседающего на бело-молочном троне бога творца Юрюнг-Айыры-Тойона (см.). Орел пользовался у якутов особым почетом. Убийство его каралось божеством, прилет во двор приносил счастье

Пальма — большой нож на длинном древке.

Саха — самоназвание якутов.

Священное дерево-дуб — мотив мирового дерева, встречающийся в мифологии разных народов. Дуб на современной территории якутов не встречается и указывает на их южную прародину.

Смертный конь, смертные одежды, смертные яства — элементы древнего погребального ритуала. Смертный конь — набитая шкура коня, пожертвованного для обряда (мясо его делили и съедали). На это чучело лошади надевали, как на живого коня, седло, узду, оброть, чепрак. Смертные одежды — шкуры рыси или россомахи, в которые заворачивали мертвела, лицо его покрывали горностаем. Смертные яства — бады струденого масла и скотское сердце. Все это погребалось вместе с покойником.

Средний мир. «Простор поперек неведомый — широкая сияющая страна... Протяжение вдаль неведомое — необъятная вдаль земля... С подножья восточных склонов путанными нитями перевязь нарядная земля, с западных склонов отчеканены ее красивые луговины, с северных склонов отлиты ее маxровые поля, с южных склонов добыты ее зеленого шелка долины... Вытянутым листам жести подобны ее урочища, тени не видно — светлые озера, пеною не покрываются молочные озерки, грязью там — творог, солончаками — скопы молочные, черные глубины — масло с квашеным молоком, лесные озерки — сливочное масло, горы — из кишечного жира, утесы — из подбрюшного жира, бровень с головою молодецкого коня растет там хвощ, а зеленая осока — по раззывающейся челку доброго коня, по гладкие виски отменного коня — горная осока, по коленные чашки прекрасного коня — нарядная трава; как жгуты из серебра — там ветлы, как сущенное серебро — талины; красуются березы, кругом тальник, ериком поросли дороги».

Так, высокохудожественными образами описывают якутские сказки родную землю — средний мир, землю айыры, добрых божеств, населенную «божьими» людьми-якутами — урянхайдами и с «божиим» деревом — березой.

Таатта — левый приток реки Алдана.

Тойон (дословно) — владыка, господин; тойоны — якутская знать, князьцы.

Торбаса — кожаная обувь.

Трехтравая, двухтравая — трехгодовая, двухгодовая скотина.

Турсук — берестяная, шитая волосом, посуда.

Улус — старая административная единица, соответствующая уезду.

Уордаах-Джесегей — Грозный Джесегей — божество мужского пола, айысыыт лошади, покровитель коней и жеребят.

Ураса — старинное летнее жилище якутов, конусообразной формы. Покрывалось орнаментированной берестой.

Урой — союзный клич, знак радости, призыва, угрозы. Низшим божествам никогда не кричали урой, только одному Юрюнг-Айыры-Тойону (см.).

Урянхай (урянахад) — старинное название якутского племени, указывающее на их происхождение из Урянхайского края (современная Тувинская республика).

Черкан-чааркан — ловушка для мелких зверей (белки, горностаи).

Шаман дрожит — вздрагивает, приходя в экстаз перед камланием.

Шаман зевает — зевая в начале своего камлания, шаман впускает в себя духов.

Шаманская одежда — ритуальное облачение с многочисленными железными подвесками, изображающими помощников-духов шамана (зверей, рыб, птиц), солиде, луну и проч. В настоящее время эти костюмы выходят из употребления, и современные шаманы надевают или женские платья, или длинные дохи. Несмотря на это, шаманы, когда им приходится упоминать себя в заклинаниях, описывают себя как бы в специальном костюме.

Шатун — болезнь скота, сибирская язва.

Шахматный узор — среди якутских игр особенно распространены пешки, которые называются шахматами или по-древнерусски «дуюмат» (ловят).

Шуга — мелкий лед после весеннего ледолома, первый осенний лед до рекостава.

Ысыах — весеннее празднество, после отела кобыл; устраивается в честь добрых божеств, которым совершают возлияния кумысом. На ысыахах происходили танцы, игры, распевались импровизации — песни о весеннем оживлении природы. Бывали и осенние ысыахи с жертвоприношениями

Нарын-Нюргустай — изящная, нежная.
Ники-Харахсын — нежный взгляд.

О м о г о й-Б а а й — О м о г о й — богатый.

Сокол-Хаарджеят — сокол-снеговик.
Судаалба — носящий короткое платье, неуклюжий.
Сюдюе-богатырь — важный богатырь.

Тангалай — нёбо.
Тойон-Той болуун — бык-господин, коротконогий бык.
Томон-Имен — обширная местность.
Томороон-Баадж-Тойон — дюжий богатый господин.
Туярыма-Кую — щебечущая девица.

Улуу-Тойон — грозный господин.
Уолумар — шаманка — всполошная шаманка.

Хаин-Джергэстэй — важный, мгновенный.
Хабараан-госпожа — грубая госпожа.
Хара-Суорун — черный Суорун (суор — ворон).
Хара-Уол — черный парень.
Харахаан-Тойон — черный, важный господин.

Чалай — большеротый.
Чоргул — звонкоголосый

Ы с а х — кропление, окропление.
Ы т ы к-Н у о л у р — почтенная, пух

Э л л е й — большой, громадный, мужественный.
Э р-С о г о т о х — одинокий.

Юрюмэчи-Юкэйдээн — Бабочка-Юкэйдээн.

Остальные, встречающиеся в тексте имена, непереводимы.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Остров Сихта — Ситк(х)инский архипелаг, расположенный около юго-восточного побережья Аляски.

² Парни, травы украшающие, и девушки, землю нарядами убирающие, — духи, хозяева растильности, Эрэк-Джэрэк — ростом с мизинцем, живущие под листьями. От их дыхания покрываются весной деревья зеленью. Они же предсказывают судьбу новорожденного.

³ Важный Громадный Владыка—очевидно, Улутуйар-Улуу-Тойон, владыка всех злых божеств и духов верхнего мира.

Парь-проходы, дарь-дороги — здесь возможна ошибка со стороны переводчика. Судить об этом, не имея якутского текста, трудно. Насколько известно, якуты никогда не употребляют выражений «парь-проходы», «дарь-дороги». Дело в том, что слово дарь и слово дальний звучат совершенно одинаково: «ыраахтаагы». Отсюда: дальняя дорога — «ыраахтаагы-суол» и царь-дорога тоже «ыраахтаагы-суол»; так как второе выражение в якутском фольклоре не встречается и для якутского слуха звучит чуждо, надо думать, что переводчик слово «дальний» принял за слово «спадь».

Здесь дано описание подземного Нижнего мира, где обитают исключительно нижние злые божества и духи. «Волны ходят знатные люди и ледяною шугою — знатные женщины» — души людей обоего пола, подобно волнам и шуге, во множестве пропадала, беспрерывно, и днем и ночью, низвергаясь в преисподнюю.

⁶ Арсаан-Дуолан — владыка подземных злых божеств и духов.

⁷ Слесари — у якутов были только кузнецы, слово «слесарь», предполагающее более высокую квалификацию, вряд ли применимо к якутским кузнецам.

⁸ Кимен-Имен и Томон-Имен — страны Нижнего мира злых духов, где растут крепкие деревья.

⁹ Гибель-Рыба — нечистая рыба подземного мира злых божеств и духов.

¹⁰ Лев, как и змей, встречается в поэзии якутов как отголосок их южной прародины.

¹¹ Особый шаманский обряд над бездетными супружами для устранения злых духов, умерщвляющих их детей. Шаман опоясывает супругов тресмия шнурками и разрезает их, отчего и обряд носит название «разрезания веревок».

¹² «И счерию твоё белое лицо». Это выражение вызывает сомнение. Здесь ошибка перевода или рассказчика. В якутском эпосе не может быть у злого духа — абаасы белого лица.

¹³ Шаровары — слово весьма сомнительно, тем более у женщин, которые, вместо штанов, носят короткие наташники и наголениники.

¹⁴ Молоко матери обладает волшебной укрепляющей силой.

¹⁵ Громадный Тойон — может быть было бы лучше и более близко к подлиннику передать употребленное в данном случае слово Улуу — почтенный, грозный.

¹⁶ Огнегорющее море — обычная деталь при описании Нижнего мира.

¹⁷ Кровать демонической старухи сделана из человеческих костей и в то же время железных. Это потому, что у богатырей, с которыми вели борьбу злые духи (абаасы), кости были железные.

¹⁸ Расслоить покрышку юрты, состоящую из нескольких слоев бересты.

¹⁹ Червивое море — обычная деталь при описании Нижнего мира абаасы.

²⁰ С тремя тенями — люди, в отличие от неимеющих теней абаасы. Три тени имеют связь с представлением о трех душах.

²¹ Внутреннюю сторону берестяной покрышки летней юрты украшают вырезанными из окрашенной бересты узорами.

²² Скотий двор — огороженное изгородью место для скота около хлева.

²³ Три рода живущих в верхних небесах злых божеств.

²⁴ Тугут — олененок.

ДВЕ ШАМАНКИ

¹ Пинать-играт — якутская игра — состязание, при котором участники закидывают ногу около столба или стены и, отмечая зарубкой, сравнивают, кому из них удалось выше закинуть.

² Игра в олени — здесь говорится о скачках «спонолены», с поставленными в одну линию ступнями ног.

³ Красный угол — неудачный перевод якутского слова

«билирик», означающего первую от переднего угла лавку, под противоположной к выходу стеной, — почетное место для гостей.

⁴ Стерх — вид аиста.

⁵ Кисти из канфовой материи, китайского атласа.

⁶ Священный жертвенный столб — при жертвооприношении животное предварительно привязывали к столбу с зарубками, обвязанным лоскутами, ленточками и конским волосом.

⁷ Жертвенная лента — принося жертвы, якуты, в числе других приношений, вешали лоскутки материи.

⁸ Девки-кликуши — иногда вместо шаманов к больным приводили ясновидящих, истеричных и т. п., которые, по мнению якутов, могли исцелять.

⁹ Домашний дух — соответствует русскому домовому.

¹⁰ Ысыах проили — на весеннем празднике ысыах в честь добрых божеств и духов брызгают молоком.

¹¹ Богиня родов (Ийехсит) — божество, приходящее на помощь женщине.

¹² Джесегей — божество мужского пола, дающее лошадей. (См. Указатель слов — «Ийехсит» и «Уордаах-Джесегей».)

¹³ Обрядовый смех при родах. На третий день после рода собираются женщины для проводов богини Ийехсит от дома роженицы. Во время обрядовой трапезы одна из присутствующих начинает безудержно хохотать, что вызывает всеобщую радость, так как предвещает беременность и будущее рождение ребенка у смеющейся. В этом случае говорят: «Ее навестила Ийехсит».

¹⁴ Останавливаешься в дороге на ночлег, якуты приносили пищу в жертву духу местности; при переходе через высокие горы и опасные места вешали на дерево подарки, большей частью пучки конских волос и лоскутки материи.

¹⁵ Мех рыси очень ценится якутами. Ветарину рысь считалась священной, ее убийство сопровождалось различными обрядами.

¹⁶ Стегно — задняя нога.

ПРЕДСКАЗАТЕЛИ СУДЬБЫ

¹ Проезжий имеет право, по якутским обычаям, войти в каждый дом, во всякое время дня и ночи, расположиться там, варить пищу или почевать.

² Семеро детей прилетают — Эрэка-Джэрэка, духи — хозяева растительности (см. примечание 2 к «Эр-Соготох»).

³ Одун-Хаана — предопределение — Одун-Хаан — божество, правитель рока.

ОМОЛЛООН

- ¹ Бологурские — жители Бологурского наслега.
² Джугджур — горный хребет в южной части Охотского побережья.
³ Сосновый месяц — май—июнь; в это время якуты встарину запасали сосновую заболонь, из которой делали муку для зимнего питания.
⁴ Олекма — левый приток Лены.

ШАЛУН-БАЛОВЕНЬ

- ¹ Пленки на уток — овальные тальниковые обручи с петлями из конского волоса, ставятся среди растущей на воде травы и служат для ловли уток.
² Болезней дорогу как бы летягой закрываая — когда шаман после камлания отправляет вниз духа болезни, он закрывает дорогу летягой, чтобы тот не вернулся. Летяга — полетушка, летучая белка.

ОБМАНИК-ПРОСМЕШНИК

- ¹ Тамга — знак собственности, клеймо, которое выжигается на боку у лошади специальной железной печатью, раскаленной докрасна.
² Сюллюкины — подводные жители, по виду ничем не отличаются от людей, кроме отсутствия бровей. Зимою во время святок выходят на землю и поселяются в заброшенных старых домах. Сказки говорят, что встарину один из сюллюкинов похитил девушку и сделал ее своей женой. Через несколько лет он пришел за тещей и унес ее к дочери погостить. Возвращаясь домой, старуха, по совету дочери, набрала много всякого сору, который превратила на земле в бумажные деньги. Сюллюкины — очень богаты, их можно обыграть в карты, но пользоваться их деньгами можно только в продолжение трех дней, после которых они превращаются в сор.

МАЛЕНЬКИЙ БОГАТЫРЬ В СЕРОМ ЗИПУНЕ

- ¹ Сибирь-страна — слово «Сибирь» понимается якутами в более широком смысле, как вселенная.
² Казаки — первые завоеватели Якутского края, русские.

ЧИРОК И БЕРКУТ

- ¹ Чирок на деревья не садится. Но в якутском тексте, действительно, говорится о чирке (см. в «Указателе текстов», № 9), очевидно, рассказчик допустил ошибку.
² Лахатта — вид утки.

³ Богоргоно — болотная курочка.

По мнению В. Л. Серошевского, в сказке «Чирок и Беркут» сохранилось воспоминание о массовых переселениях якутов в поисках лучших пастьбищ.

СЯЯПИЛЯ

¹ Наахарский род — род, имеющий своим предком-родоначальником якута Наахара.

² Предание носит исторический характер. Якуты, жившие по реке Лене, вынуждены были в XVII столетии, под натиском русских завоевателей-казаков, уйти на север, заселенный эвенками (тунгусами). При этом якутам приходилось вступать с ними в борьбу и таким образом завоевывать себе территорию. Одно из таких столкновений и описывается в приводимом предании.

ОЙУН-КЭРЭКЭЭН

¹ Тыгын — по якутским преданиям военачальник, оказавший сопротивление русским завоевателям, герой, которым гордятся и которому приписывают сверхъестественную силу, необыкновенный рост и т. п.

В. Л. Серошевский (в своей монографии «Якуты», стр. 467, II, 1896) на основании сближения слова «Тыгын» с уйгурским (древнейшим тюркским) «тикин» князь, предполагает, что Тыгын — не собственное имя, а нарицательное, означающее «воинский вождь».

² Сай-сары — озеро около Якутска, где, по преданию, поселился прибывший с юга предок якутов — Элляй.

³ Домашний ойун — домашний шаман, обслуживающий семью. Встарину знаменитые богачи, родоначальники и князья имели своих шаманов, как, например, знаменитый вилюйский князец Мынтай (см. легенду «Шаман Чочукус»).

⁴ Кулуты — рабы. Рабов имели в Якутии высшие пра-вящие классы и свободные, составлявшие военную силу якутов. Рабы были совершенно бесправны, они выполняли бесплатно все черные работы по дому, пасли скот, чистили хлев, оказывали личные услуги своему хозяину, сажали его на лошадь и сопровождали в разъездах, бежали в дороге рядом с ним. У них не было никакой собственности, жили они отдельными домами. Служанка-рабыня отдавалась невесте в приданое. Наиболее тяжелое положение было у так называемых «сняктиль кулут» — рабов, выполнявших самые грязные работы. Рабы бывали постоянные и временные. Первые были военнопленными, вторые — должниками, отрабатывавшими своему кредитору долг. Рабство в Якутии было формально уничтожено указом русского правительства в 1808 году.

⁵ Хамачиты — работники, батраки.

*

⁶ Уу-И ч и т э — дух, хозяин воды.

⁷ Следы курганов можно рассмотреть и теперь, по словам автора записи, М. М. Сивцева (см. «Указатель текстов», № 11), он неоднократно бывал в Тохтомуле и лично осматривал несомненно искусственные, по его мнению, курганы.

СКАЗАНИЕ О ДРЕВНИХ БОГАТЫРЯХ И БИТВАХ

¹ Б р а т с к и е — название бурят.

² Предание о встрече на севере древних беженцев с юга — Омогоя и Эллея — широко распространено у якутов. В. Л. Серошевский приводит несколько вариантов предания и указывает, что оно было известно (от сказителей и из старинных рукописей) старым путешественникам и исследователям — Миллеру, Грангелоу, Шукину, Миддендорфу, Приклонскому и др.

³ Я к у т с к и й ц а рь — Тыгын был вождем племенной группы, который прославился тем, что организовал сопротивление русским завоевателям. Присвоенное ему преданиями, как народному герою, название царя — понятие русского происхождения (см. примечание 1 к «Ойун-Кэрэкэн»).

⁴ Н и ю р б а — на месте осущеного озера теперь русское старожильческое селение.

ШАМАН ЧОЧУКУС

¹ Здесь разумеется не реальное отправление скотины на небо, а шаманский обряд отправления души скотины к небесным духам.

² Иногда, вместо бубна, шаманы употребляли при камланиях березку с подвязанными пучками конских волос.

³ Дочь верхнего мира — дочь божества, обитающего в верхнем мире.

⁴ Якуты разделяют болезни на большие — «русские», занесенные завоевателями, осипу, сифилис, проказу, корь, чахотку, и малые — «якутские», все местные болезни.

⁵ К э к э-Ч у р а н - г о сподин — божество Верхнего мира.

⁶ Описание якутского свадебного обряда; два силача отнимают друг у друга ковер; невесту вводят в дом за платок, конец которого она держит.

ШАМАН БЭРГЭСЭЛЯХ

¹ Поездка якутских тойонов в Петербург при Екатерине II — исторический факт. В 1762 году для участия в комиссии по составлению нового уложения был послан голова Сопрон Сыранов. Жил в Петербурге в 1788, 1789 и 1790 годах бывший бородянский голова Алексей Аржаков. Это был один из способов правительства привлекать на свою сторону феодально-кулацкую верхушку якутского народа.

ПЕСНЬ О ВРЕМЕНАХ ГОДА

¹ С т р и г у н е ц — двухлетний жеребенок.

² С а н гы я х — старинейший из известных якутских костюмов. Длинный до полу каftан, вышитый с боков и на спине шелком, бисером, серебром, отороченный бобром, выдрою, рысью или другим ценным мехом. Маленький стоячий воротник, плечи с небольшими сборками. Свадебный сангыях — из отборного тарбаганьего меха, без украшений, кроме узоров на спине из того же меха более темного оттенка. Будничный сангыях — красивый легкий каftан из жестких телячьих кож длиною ниже колен. Скроен в тацию, в обтяжку, без воротника. Сангыях был в прошлом очень распространен. В сангыяхах хоронили мертвых, одевали молодых для свадьбы. Сангыях служил брачным подарком свекрови невесте. В женском сангыяхе, в случае отсутствия костюма, совершал шaman свои священномодействия.

³ С о н — современный национальный костюм якутов, вытесняющий сангыях. Однобортный каftан до колен, крытый ровдугой или тканью, подбитый заячим или лисьим мехом. У бедных сон — из кобыльи, корольи или телячьей шкуры — надевается нередко на голое тело, мехом всегда внутрь. Шьется из четырех клиновидных, одинакового размера полос, в плечах — в обтяжку, книзу — шире, оканчивается широкой юбкой, в последнюю для расширения вставляются клиньи, образующие у бедер складки или крылья. Плечи — с пышными сборками — буфами, воротник — всегда отложной. По мнению В. Л. Серошевского, сон — недавнего происхождения, занесен якутам казаками в XVII столетии.

⁴ Песня описывает в ярко идилических тонах те взаимоотношения между якутами и эвенками (тунгусами), которые возникли в результате русского завоевания.

Эвенки, занимавшие до XVII века почти всю территорию современной Якутской АССР, должны были уступить свои исконные места якутам, теснимым русскими завоевателями и отойти в менее благоприятные для жизни северные районы.

Борьба за овладение новой территорией сопровождалась во многих случаях настоящими войнами. Свободолюбивые эвенки не хотели добровольно оставить освоенные ими земли и только более сильные, тогда уже знакомые с железом и оружием, якуты могли заставить их уйти на север.

Более сильные в культурном отношении, эксплуатируемые завоевателями-русскими, якуты, особенно зажиточная верхушка, явились в свою очередь эксплоататорами эвенков, и это продолжалось до самой Октябрьской революции.

Якутские кулаки были торговыми посредниками между русскими и эвенками и пользовались каждым случаем обмануть последних, честных и доверчивых, не узнавших влияния буржуазной «культуры».

В песне описываются ежегодные осенние приезды эвенков к якутам за товарами.

Если бы автором песни был эвенки, вряд ли последняя носила бы такой идеалистический характер.

Эти ненормальные взаимоотношения между двумя порабощенными народностями, сложившиеся при царизме в результате сложных исторических условий, были изжиты только после Октябрьской революции.

Проведение национальной политики ВКП(б) и Советской власти и громадная культурно-политическая работа уничтожили национальный антагонизм, а классовая политика во всем строительстве и организация широкой кооперативно-торговой сети устранили всякую возможность торговой эксплуатации.

⁵ Жир-Вилуй — Вилуй — левый приток реки Лены. Жир-Вилуй — в смысле богатый, изобильный.

⁶ Кухта — снежные наросты на ветвях деревьев.

⁷ Анабар — река, владающая в Ледовитый океан.

⁸ Хета — левый приток Хатангии.

⁹ Хатанга — река, владающая в Ледовитый океан.

¹⁰ Локуор — название травы, русское название неизвестно.

¹¹ Манчар — осока (сагех).

¹² Заключительные строфы песни — наслаждение недавнего, уже послереволюционного, времени (напомним, что запись относится к 1919 году). Пришедшие с «южного острова» (так звали Россию) люди — русские и русские, уже советские. Певец чрезвычайно тонко подчеркивает экономическую связь своей земли — «Жир-Вилуй» и России («дай... с губернией надо быть») и то социально-культурное строительство («Прибавляясь и множася, учиться должен народ»), которое принесла Якутию Октябрьская революция.

ПЕСНЯ О ЛЮБВИ

¹ Эгай — ритмический припев, соответствующий «ай, люли».

² Платье из жесткой, плохо выделанной коровьей шкуры.

³ Имеется в виду христианский бог.

ПОЧЕМУ ПОСЕЩАТЬ ПЕРЕСТАЛИ

¹ Кильдемский, Кангаласский, Багарадский — старые улусы.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ НЕВЕСТЕ

¹ Оживи аркан — в смысле «пусть будет много жеребят», — последних привязывают при доении кобылы арканом, чтобы они не мешали.

ОЖИВЛЕНИЕ БУБНА

¹ Луорыб — одна из перерожденных душ шамана.

² Все это, чрезвычайно трудное для перевода, место изображает в высоко-поэтической форме функционирование органов речи.

³ Бубен делают обязательно из дерева, растущего наклонно на восток. Под наклоном его ствола должно расти маленькое дерево, которое называется тростью.

⁴ Предметом, запугивающим болезни.

⁵ Крестовина — крестообразная железка, рукоятка бубна, натягивается посредством ремней на полой его стороне.

⁶ Это обращение относится к дереву, из которого сделан бубен.

⁷ Девять полостей (выпуклостей полых пирамидок) бывают только на бубне самого знаменитого шамана. Это — скрытые под кожей резонаторы.

⁸ Ременные затяжки — ремни, прикрепляющие к бубну рукоятку-крестовину.

⁹ Бубен обтягивается шкурой трехгодовалой скотины. Остальные определения — поэтические украшения.

¹⁰ Вода болезней — река, по которой упłyвают души умерших, находится в подземном мире.

¹¹ Хомулла гас — злые божества.

¹² Отец-душа — поэтическое украшение речи.

¹³ Кулик, кукушка, гагара — духи, помощники шамана.

¹⁴ Каждое дерево, растущее для бубна, специально предназначено одному известному шаману.

¹⁵ Волки и медведи — духи-помощники шамана.

¹⁶ От родье невидимых — злые духи.

¹⁷ Сиби-Сляйден и Кюлюк-Сюёдер — духи.

¹⁸ Шаман путешествует по такому миру, где скручивается растительность, поэтому руки и ноги его тоже начинают переплетаться.

¹⁹ Пешеклювый — с клювом, подобным пешне. Пешня — лом, которым раскалывают лед для проруби.

²⁰ Белый шаман — благожелательный, шаман добрых божеств.

²¹ Без болезней.

²² Шаманы воюют между собой; поэтому шаман, оживляя бубен, уверяет его стать защитой — панцирем.

²³ Шаман предсказывает, что если его заклинания возымеют силу, то через десять дней он совершил путешествие на бубне.

ИЗГНАНИЕ БОЛЕЗНИ

¹ Белая лошадиная шкура, на которую садится шаман, должна, очевидно, по представлениям якутов, предо-

^ххранить шамана от окружающих его злых духов. Лошадь, особенно белая, считается животным доброго духа.

² Тороки — ремешки позади седла для пристяжки.

³ Стрено живши съ — как бы надев на ноги путы, связав ноги.

⁴ Чынгайдаан — производное название духа, произнесенное шаманом по требованиям аллитерации.

⁵ Подвесная могила — якуты в древности не погребали в земле умерших, чтобы не лишать их солнца. Последнее, по представлению якутов, было сиянием лица высшего доброго духа — Юрюнг-Айыры-Тойона. Покойника кладли в выдолбленную колоду, заменившую гроб, и ставили последнюю на соединенные попечинами четыре дерева.

⁶ Кони черные, беломордые. Злые духи верхнего мира делятся по поколениям и родам, имеющим лошадей одной масти, например: верхние абаасы, имеющие черных лошадей, рыхлых с крылатками и т. д. Шаман говорит здесь, что в старину на этом самом месте дрались спустившиеся сверху абаасы. От пролитой нечистой крови абаасы и распространялись различные болезни — юёр.

⁷ Картуз — привившееся якутам русское слово (в смысле покупной фурзажки).

⁸ Телячий абаасы — дух, губящий телят. Иногда он устраивает гнездо из разного мусора под полом хлева. Якуты представляли его себе в образе мальчика лет пяти-шести, в худой телячьей шубенке. Человеку такой абааса безвреден.

⁹ Зайд с бородавкой на морде (на носу), встречающийся очень редко, считается нечистым животным абаасы. Убить его — к несчастью. Шкуру употребляли только при камлании, в качестве подарка духам.

¹⁰ Емегет — дух, главный покровитель шамана. Он должен быть даже у самого ничтожного и слабого по своей силе шамана. Обычно емегет — душа старинного (древнего) шамана.

¹¹ «На вас все время зарясь, чукает, оказывается». На могиле умершего шамана ставят изображения птиц-гагар и куликов. Главные духи умершего шамана, в том числе и емегет, вселяются в эти изображения и охраняют могилу от осквернения. Слово «чукает» указывает, что емегет умершего шамана прилетает в образе кулика.

¹² В гробу уплыл — умершие упывают в Нижний мир по реке или по морю болезней.

¹³ «Русские, колдуя, на бегают волной» — якуты считали русских колдунов сильнее своих шаманов. Упоминая в данном случае о русских колдунах, шаман рассказывает о необычайной, грозной стране.

¹⁴ Крошни — дощатые носилки, на которых носят груз на спине.

¹⁵ Круглая жила (спинная ось) — аорта.

¹⁶ Кееляни — дух-заика, дух похоти. Существенный помощник он шаману не оказывает, наоборот, часто мешает ему. Впуская в себя Кееляни, то есть принимая его образ, шаман начинает заикаться и прихрамывать; если дух — одноглазый, шаман закрывает один глаз, морщит по-старчески лицо. Иногда шаман пристает с дикическими требованиями к девушкам и парням. И шаман и все присутствующие стараются избавиться от Кееляни, обманывая его различными обещаниями.

¹⁷ Берестяные боги — речь идет о старинных «тюктюя». Шаманы в старину запирали души предков в особые берестяные хранилища различной формы. Найти последние теперь почти невозможно. Уникальный экземпляр тюктюя, находящийся в Этнографическом музее Института антропологии и этнографии Академии наук СССР, состоит из двух круглых берестяных пластинок, спицых вместе по краям. На передней (лицевой) стороне тюктюя нацарапаны изображения тех умерших, души которых находятся внутри хранилища. Призыва берестяных богов, шаман призывает на помощь духов-предков.

¹⁸ «Ледяным полем стало» — крик радости со стороны присутствующих, когда орудие ворожбы — колотушка, падая, не переворачивалась и этим показывала счастливый исход камлания. Земля при падении колотушки оказывалась гладкая, как ледяное поле.

¹⁹ Повод — ремень, пришитый на спине костюма шамана.

²⁰ Сюрудуша — олицетворение энергии, силы воли, вообще психического мира человека. Сюор — несъедобно для абаасы. По представлению якутов — душа двойственна, наряду с сюор-душой существует кут-душа, в свою очередь состоящая из трех элементов (см. в «Указателе» слово «амать-душа»).

ПОГОВОРКИ И ПОСЛОВИЦЫ

¹ Мальчик — охотник, девочка — хозяйка; в первом случае радуется ворон, которому достанется часть добычи, во втором — домашний дух, которому будут уделять часть приготовленной пищи, проливая ее в огонь.

² Намек на якутский обычай — хранить в недоступном месте черепа и копыта любимых коней. Смысл: мальчик не решается отдать.

³ Поговорка приалданского населения. Смысл: все приобретаемое тратится исключительно на пропитание.

⁴ Насмешка над нерадивым хозяином, не сумевшим распределить запасы.

⁵ Братья, противоположные по характеру.

⁶ Смысл — все имеется в изобилии, нет только птичьего молока.

- ⁷ О лгунах.
⁸ О платах.
⁹ О богачах-мироедах.
¹⁰ О молчаливых.
¹¹ Поговорка употребляется, когда варево долго не поспевает. Легендарный Кыччин — старинный русский администратор, который обещал слишком поздно с точки зрения ожидающих якутских «князьзов».
- ¹² Эта и предыдущая поговорки имеют в виду возрения древних времен наездничества, когда конь считался лучшим достоянием якута и о добром коне гремела слава, слагались былины.
- ¹³ Первый вариант распространен среди ближайших к Якутску улусов, ранее других освоивших употребление саней; второй вариант — вилойский.
- ¹⁴ О жадных богачах, выжижающих из бедняков последнее.
- ¹⁵ Плохая собака, упустив сохотого, лает на бурелом, раскинутые корни которого напоминают рога. Пословица применяется, когда кто-нибудь для отвода глаз только прикидывается исполняющим свои обязанности.
- ¹⁶ О бедняках.
- ¹⁷ Говорят, когда бывший слуга взял верх над бывшим хозяином.
- ¹⁸ О бойких и речистых.
- ¹⁹ В кочевыхъякутов им приходилось вешать детские зыбки на деревья той местности, где они встали на стоянку. Смысъ — эта местность мне известна с детства.
- ²⁰ О временах первых казаков с их грабежами и поборами.
- ²¹ Якуты регулярно каждый год голодали к весне, и в это голодное время каждый сосед (юрга, дым) предполагает, что у соседа есть хоть какие-нибудь запасы.
- ²² О людях, прошедших сквозь огонь и воду.
- ²³ О кумовстве русских чиновников.
- ²⁴ О беспечных.
- ²⁵ Так, поссорясь, укоряют недавно разбогатевшего.
- ²⁶ О привередливых. Рысь, по наблюдениям охотников, чтобы не запачкаться, пожирает добычу, загородив ее валежником.
- ²⁷ О застенчивых. Молодая, когда ее бранят, молчит, потупившись, как бы разглядывая разукрашенные свои обшлага.
- ²⁸ О лицемерном изъявлении родственных случаев.
- ²⁹ В смысле: богачи не пренебрегают никакой мелочью.
- ³⁰ Якуты полагают, что вспыльчивость зависит от объема груди.
- ³¹ О краткости жизни и недальновидности людей.
- ³² До насаждения сельскохозяйственной культуры якутская молодежь стремилась в заалданские горы, с увлечением предаваясь охотничий жизни.
- ³³ На переднюю полу помещается лучший мех. Иронический смысл пословицы направлен на излишнее самолюбование, самооберегание.
- ³⁴ О слабых.
- ³⁵ О скучных.
- ³⁶ О прихлебателях богачей.
- ³⁷ Все щербатое присуще Нижнему миру. Поговорка употребляется, когда скупец терпит убыток, в смысле: нечистый его обокрашен.
- ³⁸ О воинственных древних обычаях кровавой мести и поголовного истребления врагов.
- ³⁹ В смысле — услышав радостную весть, не разглашай ее.
- ⁴⁰ В смысле — вышла из тяжелого положения.
- ⁴¹ В смысле — воспользовался случаем.
- ⁴² Осенью якут обеспечен запасами, к весне наступает голод.
- ⁴³ О смиренных.
- ⁴⁴ Иронический отзыв о людях, преувеличивающих собственные ничтожные услуги.
- ⁴⁵ Плотнику мстит лух — покровитель лесной растительности, певцу вредят соперники их высшего мира.
- ⁴⁶ О хвастунах.
- ⁴⁷ Пословица эта распространена по верховым рек Колымы и Индигирки, откуда в голодные годы шла беднота рыбачить к Охотскому морю.
- ⁴⁸ Сова действительно любит садиться на самой верхушке дерева. Поговорка имеет в виду людей, добивающихся незаслуженных почестей.
- ⁴⁹ В смысле: хворые живучи.
- ⁵⁰ В смысле: для шамана и кузнеца работа всегда найдется.
- ⁵¹ О плохих женах.
- ⁵² Последний ребенок. Колья — опора при родах, якутка рожает, стоя на коленях, подмышки ей подставляют перекладину,ложенную на колья, вбитые вертикально в землюной пол юрты.
- ⁵³ Обращение бедняка к заемодавцу.
- ⁵⁴ Об умных людях.
- ⁵⁵ О некрасивых.
- ⁵⁶ О смиренных.
- ⁵⁷ О скучающих.
- ⁵⁸ О людях, втершихся в дом.
- ⁵⁹ Выражение презрения к женщине.
- ⁶⁰ О сварливых женщинах. В якутских демонологических представлениях — злая дочь нечистых абаасы одевается во все железное.
- ⁶¹ Охотничьи рассказы говорят о необыкновенной памяти белки, приготовляющей себе с осени запасы в различных местах и зимой безошибочно их находящей.

⁶² Белка, завида охотнику, сама выдает свое присутствие
б спокойством.

⁶³ О пользующихся чужими трудами. Дерево пришлось
свалить, чтоб достать убитую и повисшую белку.

⁶⁴ О врагах.

⁶⁵ Поговорка относилась первоначально к русским, потом
ко всякому падкому на чужое.

⁶⁶ О незаконнорожденных.

⁶⁷ У бедняка-якута, просидевшего в течение долгой зимы
в юрте перед пылающим камином, сняв единственную рубашку,
кожа на груди делается землистой, покрывается красными
 пятнами. Кредитор-кулак, явившийся за уплатой долга, видя
положение бедняка, не имеющего заработка, уходил ни с чем,
с досадой воскликая: «Э, вместо денег пестроту груди показал!» Тогда поговорка применяется вообще к уклоняющимся
должникам.

⁶⁸ О лгунах.

⁶⁹ О хвастунах.

⁷⁰ Об опустившихся, никчемных людях.

⁷¹ О разорившихся.

⁷² О голодных.

⁷³ Смысл: сильный, богатый непобедимы.

⁷⁴ Смысл: богатство недоступно.

ЗАГАДКИ

¹ Кытай-Махсын — подземный дух, покровитель кузни; его часто связывают с духом огня.

² Шаман камает — мутовка кружится так же, как шаман при камании.

³ Расщеперя белый — гребни у якутов были исключительно белые, сделанные из мамонтовой кости.

⁴ С южной стороны — из России.

УКАЗАТЕЛЬ ТЕКСТОВ, ЗАПИСЕЙ И ПЕРЕВОДОВ ОБРАЗЦОВ ЯКУТСКОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Олонгхо (былина, эпическая поэма) Эр-Сого тох (Одиночный) записана С. В. Ястремским в 1895 году в Дюпсинском улусе Якутского округа (б. Якутской области) от певца Г. Н. Свинобоева, родом из Мегинского улуса Мегеренского наслега Якутского округа. Былина диктовалась в течение шести дней. Первоначальный прозаический перевод сделан С. В. Ястремским при помощи жителя Оспетского наслега Дюпинского улуса, знатока якутского фольклора, як. та А. П. Афанасьева, организовавшего встречу Г. Н. Свинобоева с С. В. Ястремским. Перевод С. В. Ястремского опубликован в Трудах Комиссии по изучению Якутской АССР, т. VII, «Образцы народной литературы якутов», издание Академии наук СССР, Ленинград, 1929. В настоящем издании перевод С. В. Ястремского дается с некоторыми сокращениями повторений.

Олонгхо Две шаманки записана Э. К. Пекарским в 1886 году от певца Н. Абрамова, якута Жулейского наслега, Баторусского улуса Якутского округа. Якутский текст опубликован в изданных Академией наук «Образцах народной литературы якутов», т. I, СПБ, 1908. Прозаический перевод С. В. Ястремского напечатан в вышеуказанном сборнике комиссии по изучению Якутской АССР, т. VII, «Образцы народной литературы якутов». Переводчик при выполнении этого труда пользовался помощью А. П. Афанасьева и словарем якутского языка Э. Пекарского.

В настоящем издании перевод обоих олонгхо дан в литературной обработке, преследующей максимальное приближение к подлиннику путем возможного сохранения его лексики, ритмики и синтаксического строя; восстановлены, в частности, стихотворные монологи — песни, обезличенные прежним переводом.

Предсказатели судьбы — записана студентом Ленинградского Педагогического института им. Герцена, Н. Романовым, слышавшим ее в детстве, в 1920 году, в Вильйском округе у местных сказочников. Перевод А. А. Попова.

О м о л л о о н записана студентом Ленинградского Автомобильно-дорожного института, Г. А. Неустроевым, слышавшим ее в детстве, в 1914—1916 годах, на родине в Амгинском улусе Якутского округа, в Верхне-Бологурском наслеге. Перевод А. А. Попова.

Ш а л у н - Б а л о в е н ь . Как и предыдущая, записана Г. А. Неустроевым, слышавшим ее на родине в 1914—1916 годах. Перевод А. А. Попова.

О б м а н щ и к - П р о с м е ш н и к . Сказка об обманщике-пройдохе носит комический характер, распространена среди детей и женщин, в «приличном» мужском обществе ее не рассказывают. Слыщана и записана Г. А. Неустроевым. Перевод А. А. Попова.

Лучшее из лучших. Очень распространенная детская сказка, которую одну из первых рассказывают в раннем детстве. Запись на якутском языке Г. А. Неустроева, который слышал ее в детстве в селении Енер у сказочника, старика Давида (Давида Кононовича Васильева). Перевод А. А. Попова. Русский перевод этой сказки Э. К. Пекарского был опубликован в «Живой старине» (1906, в. 2) и значительно отличается от принятой в настоящем издании записи.

М а л е н ь к и й б о г а т ы р ь в с е р о м з и п у н е — запись и перевод с якутского А. А. Попова, от Л. Васильева, якута Угулятского наслега, Вилюйского округа (1918).

Ч и р о к и Б е р к у т . Якутский текст опубликован в «Образцах народной литературы якутов», СПБ, 1913. Перевод И. А. Худякова из «Верхоянского Сборника».

С я я п и л я — запись и перевод с якутского А. А. Попова, от Ф. и А. Яковлевых, в Угулятском наслеге, Вилюйского округа (1919).

О й у н - К э р э к э н . Предание записано по-русски со слов учителя Борогонского училища М. М. Сивцева, уроженца Ботурусского улуса. Опубликовано М. Овчинниковым в журнале «Сибирский Архив», 1912, № 3. Ошибки и неточности в якутских словах исправлены для настоящего издания А. А. Поповым.

Сказание о древних богатырях и битвах. Записано А. А. Поповым от якута Второго Кылатского наслега Удюгейского улуса, Вилюйского округа, Гаврила Афансева, в 1921 году. Перевод А. А. Попова.

Л е г е н д а Ш а м а н Ч очукус записана А. А. Поповым в 1923 году, от якута М. Н. Буючча, в Батулинском наслеге, Вилюйского округа. Перевод А. А. Попова,

Ш а м а н Б े р г а с ə л я я х — запись и перевод А. А. Попова, от В. Н. Александрова, якута Сунтарского улуса, Вилюйского округа (1923).

Песнь о временах года — записана на якутском языке А. А. Поповым в 1919 году, от якута Угулятского

наслега Вилюйского округа, Николая Семенова, жителя урочища Амысаах. Подстрочный перевод А. А. Попова обработан для данного издания ритмом подлинника.

Дни и годы меняются. Песня записана студентом Института народов Севера ЦИК СССР, Г. Никитиным, слышавшим ее в 1922 году в Верхоянском округе близ города Верхоянска у местных сказочников. Перевод А. А. Попова.

Песня о реке — импровизация 13-летнего якутского мальчика, Николая Петрова. Записал в 1894 году на якутском языке Н. А. Виташевский, во втором Игидейском наслеге Баянтайского улуса. Запись представлена для настоящего издания Э. К. Пекарским, переведена А. А. Поповым.

О р е л — якутская песня из «Верхоянского Сборника» И. А. Худякова.

Песня о любви — импровизация якутской девушки. Записана в девяностых годах прошлого столетия И. А. Худяковым в Верхоянском округе тогдашней Якутской области. Прозаический перевод опубликован в «Верхоянском Сборнике» И. А. Худякова (Записки Вост.-Сиб. Отдела Р. Г. О. по этнографии, т. I, в. 3, Иркутск, 1890).

Почему посещать перестали — запись Г. А. Неустроева, слышавшего ее в 1923 году у молодежи во втором Нахарском наслеге Восточно-Кангалацкого улуса. Перевод А. А. Попова.

Благословение невесте — из собрания Н. П. Принузова передана Э. К. Пекарским. Переведена с якутского А. А. Поповым.

Оживление бубна. Исключительно цепкая по полноте точности передача ритуала шаманского камлания (священное действие), смысл которого состоит в превращении шаманского бубна в ездовое животное, необходимое шаману для путешествий по Верхнему, Среднему и Нижнему мирам. Камлание записано А. А. Поповым в 1924 году на якутском языке, от шамана Оногосчутского наслега Вилюйского округа Якутской АССР, Никона Покочина. Подстрочный перевод заклинаний, чрезвычайно трудных по своему запутанному синтаксису и торжественно-архаическому языку, сделан А. А. Поповым; для настоящего издания текст обработан с тщательным соблюдением ритмов и размеров подлинника.

Изгнание болезни — запись и перевод А. А. Попова, от якута Даниила Касьянова, жителя Сургулукского наслега Удюгейского улуса, Вилюйского округа (1924).

Поговорки и пословицы. Загадки. Часть извлечена из сборника С. В. Ястремского «Образцы народной литературы якутов»; записаны в большинстве случаев самим С. В. Ястремским, им же переведены с якутского при участии упомянутого выше якута-фолькориста А. П. Афа-

насъева. Часть — из сборника Н. Толоконского «Якутские пословицы, загадки, святочные гаданья, обряды, поверья, легенды и др., собранные при ближайшем участии учителя якута А. Куликовского» (Иркутск, 1914), и часть написана Г. А. Неустроевым, слышавшим их в детстве в различных районах, и переведена А. А. Поповым. Часть из собрания С. И. Горохова, хранящегося в Якутской секции Совета по изучению производительных сил Академии наук СССР. Перевод А. А. Попова.

ЧОЧУКУС

Аз. (Ч) В. Рамаев

Издательство А. А. Попова

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие редактора	5
<i>А. Н. Самойлович. Якутская устная литература.</i>	7
ОЛОНГОХ	
Эр-Соготох	43
Две шаманки	104
СКАЗКИ	
Предсказатели судьбы	159
Омolloон	163
Шалун-баловень	169
Обманщик-Просмешник	175
Лучшее из лучших	178
Маленький богатырь в сером зипуне	181
Чирок и Беркут	186
ПРЕДАНИЯ	
Сияпилья	193
Ойун-Кэрээн-Мохсоху	196
Сказание о древних богатырях и битвах	198
ЛЕГЕНДЫ О ШАМАНАХ	
Шаман Чочукус	207
Шаман Бэргэсэлях	214
ПЕСНИ	
Песнь о временах года	221
Дни и годы меняются	229
Песня о реке	232
Орел	233
Песня о любви	235
Почему посещать перестали	238
Благословение невесте	239
1/21 Якутский фольклор	524

ЗАКЛИНАНИЯ	
Оживление бубна	243
Изгнание болезни	252
ПОГОВОРКИ И ПОСЛОВИЦЫ	
271	
ЗАГАДКИ	
283	

УКАЗАТЕЛИ И ПРИМЕЧАНИЯ

Указатель слов и оборотов речи	293
Указатель собственных имён	301
Примечания	303
Указатель текстов, записей и переводов образцов якутского народного творчества	317

Отпечатано для издательства «Советский писатель» в типографии им. Иб. Федорова. Ленинград, Звенигородская ул., 11. В количестве 5500 экз. Авт. лист. 468. Заказ № 58. Лениорглит № 55252. Переплет и супер-обложка, шмуртитула и заставки по рисункам М. А. Кирнарского. Сдано в набор 20/VIII 1955 г. Подписано к печати с матриц 21/I 1956 г. Формат 82×110^{1/32}. (Тип. зн. 6 1 бум. л. 125000). Бум. л. 5¹₁₆. Ответственный редактор М. Чечановский. Технический редактор Ал. Кукуричкина

1936

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРОСИТ ЧИТА-
ТЕЛЕЙ И БИБЛИОТЕКИ ОТЗЫВЫ
ОВ ЭТОЙ КНИГЕ ПРИСЫЛАТЬ
ПО АДРЕСУ: МОСКВА, БОЛЬШОЙ
ГНЕЗДИКОВСКИЙ ПЕР. Д. 10,
ИЗД-ВУ «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»